Николас Бетелл

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

Stenvalley Press

НИКОЛАС БЕТЕЛЛ

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

НИКОЛАС
БЕТЕЛЛ

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

НИКОЛАС
БЕТЕЛЛ

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

С ПОСЛЕСЛОВИЕМ
ВИКТОРА НЕКРАСОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО СТЕНВАЛЛИ
ЛОНДОН

First published in 1974 by
Andre Deutsch Ltd.,
105 Great Russell Street,
London W.C.1.

© Nicholas Bethell 1974

Перевел с английского
Игорь Голомшток

This Russian edition published by
Stenvalley Press
73 Sussex Square, London W.2.

Издательство
СТЕНВАЛЛИ ПРЕСС,
ЛОНДОН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие I

1. Решение применить силу 1

2. Первые неприятности 38

3. Смерть на пристани 62

4. Казаки и хорваты 86

5. Конференция, которой не было 121

6. Депортация из долины реки Драва 151

7. Начало критики 197

8. Последние операции: Дахау, Платтлинг, „Протаскивание под килем", Восточный ветер. 223

Примечания 252

Послесловие 259

П Р Е Д И С Л О В И Е

Хью Тревор-Ропер (профессор новейшей истории Оксфордского Университета)

Война обладает своей внутренней необходимостью, которая сквозь перспективу длительного мира выглядит иногда болезненно искаженной. В войне одна великая цель явно попирает все другие и, на определенное время, придает абсолютную оправданность малым решениям, которые из нее вытекают. Потом мы можем размышлять и, размышляя, приходить к другим заключениям. Но кто может быть судьей между двумя суждениями? Удобная мудрость историка — мудрость задним числом — это роскошь: он не несет ответственности; он может позволить себе быть неправым. Поэтому он может лишь устанавливать факты и, подобно трагику на сцене, скорее представлять моральные дилеммы, нежели решать их.

Эта книга и есть подобного рода трагедия. В ней описываются последствия той сметающей все на своем пути внутренней необходимости военного времени, которая в то время казалась безусловной. Сегодня эти последствия нас потрясают. В то время они не потрясали. Многим они были неизвестны. Те же, кто знал, смотрели на них как на необходимость.

В этой истории реальной необходимостью был союз между Советской Россией и Западом, союз, который один только и мог — после ошибок с обеих сторон в 30-х годах — сокрушить Германию и уничтожить нацизм. По своей природе этот союз был самозащитой. Для каждого из партнеров это был единственный способ выжить. Кроме этой единственной первостепенной необходимости между ними не было ни основанного на разуме доверия, ни общности целей. Тем не менее на Западе, где общественное мнение играло огромную роль, этот вызванный необходимостью союз, следовало представить как плод взаимопонимания, дружбы между народами, имеющими одни и те же идеалы. К 1944 году британская пропаганда вот уже три года как сообщала о страданиях русского народа и превозносила его героизм. Но об истинной сущности советского правительства не говорилось ничего. Подразумевалось, что цели его бы-

ли сходными с нашими собственными. Таким образом вырабатывалась общественная позиция по отношению к тому правительству, для которого оказалось возможным, и даже вполне приемлемым, идти на серьезные предательства.

Одним из них было предательство Польши. Политики могут сказать, что оно было неизбежным. Немецкое вторжение в Россию, победа России в Восточной Европе, географический фактор — все это исключало какой-либо иной исход. Но на Западе это предательство оказалось морально удобоваримым благодаря упорно муссировавшейся иллюзии относительно сталинской России. Разве Россия не была нашим союзником и такой же истинно анти-нацистской демократией, как и мы сами? Разве Сталин не обещал свободные и справедливые выборы в Польше, и разве Сталин не человек слова?

Другим таким предательством было описанное в этой книге предательство антисоветски настроенных русских. С политической точки зрения это тоже могло оправдываться конкретными обстоятельствами того времени. Оно находило также и моральное оправдание в пропаганде, в пропаганде против тех русских, которые в силу ли своей ненависти к сталинизму или под прямым физическим воздействием пошли на компромисс с немцами, в пропаганде, поддерживающей иллюзию сталинского милосердия. Это предательство было менее публичным, потому что оно держалось в тайне. И его истинная история держалась в тайне двадцать семь лет.

Конечно, в то время многие факты были известны. Они были известны чиновникам, которые вели переговоры, военнослужащим, которые принимали капитуляции и устраивали лагеря для "перемещенных лиц", журналистам, которые посещали эти лагеря. Но такие факты редко попадали в печать. Советское правительство не хотело признать тот факт, что кто-то из русских мог сражаться против коммунизма или сопротивляться возвращению в "страну, где человек не имеет никаких прав", как сказал один военнопленный. Из уважения к этим советским пожеланиям договор, по которому правительства Великобритании и Соединенных Штатов обязывались возвращать советских граждан в Россию даже вопреки их воле, держался в тайне. И таким же способом он осуществлялся.

Одним из немногих писателей, заявившим в печати,

что русские военнопленные и „перемещенные лица" отказываются возвращаться и „репатриируются против их воли" был Джордж Орвелл. [1] За это он немедленно подвергся нападкам в печати.

Недавно факт насильственной репатриации в Россию в 1945 году был поставлен перед нами выдающимся произведением литературы — „Архипелагом ГУЛаг" Александра Солженицына. Солженицын соприкоснулся с этим в лагерях, где доходили и умирали принудительно возвращенные репатрианты. От них он мог узнать об отдельных судьбах, но он не мог понять всю сложность мотивировок, лежащих за этими судьбами, — мотивировок, которые он несправедливо упростил. В Черчилле и Рузвельте он увидел только преступников, пославших миллионы русских политических беженцев в Россию на муки и смерть. Но он не принимает во внимание политической ситуации и интеллектуального климата того времени. Это значит забыть о военной реальности, о роли эмоций и пропаганды. Солженицын смотрел на этих репатриантов как на „диссидентов", похожих на него самого, насильственно высланных из страны, где они искали политического убежища. Он не видел проблемы глазами западных государственных деятелей и чиновников, замкнутых в рамки долгой отчаянной войны. Он не видел эту историю в ее истинном контексте, ибо для этого требовалось изучить архивы западных союзников. Для Солженицына они были недоступны. Недоступны они были и для любого историка вплоть до 1972 года. Теперь их использовал лорд Бетелл, и они составляют солидный исторический фундамент этой книги.

История, о которой рассказывает лорд Бетелл на основании официальных архивов, интервью и других источников, охватывает почти три года, хотя наиболее важная часть ее падает на насыщенные событиями весну и лето 1945 года. Впервые эта проблема встала перед западными вооруженными силами в июне 1944 года, после высадки в Нормандии. Именно тогда в их руки стали попадать русские солдаты одетые в немецкую форму, что и создало трудную проблему как с дипломатической, так и с юридической точек зрения. Был ли такой человек, судя по его одежде, немецким солдатом, с которым следовало обращаться как с обычным военнопленным, или был он русским предателем, которого следовало передать в руки советского пра-

восудия. Решение этой проблемы не облегчалось противоречивыми заявлениями советского правительства, которое публично настаивало на невозможности существования такого рода „предателей" и одновременно требовало их возвращения. Так или иначе, но вскоре выяснилось, что большинство этих военнопленных не было предателями в обычном смысле слова, а скорее политическими беженцами, добивающимися традиционного права убежища, или жертвами трагического стечения обстоятельств, которые в цивилизованной стране могли бы надеяться на прощение, а в сталинской России были безо всякого сомнения обречены на муки в силу простого факта их присутствия на Западе. Интересно проследить за диалогом внутри британского правительства и увидеть, как обвинения этих людей в жестокости, выдвинутые поначалу, вскоре отошли на задний план и их место заняли другие соображения — сначала необходимость, потом политические интересы — и как и то и другое постепенно облачалось в благопристойные одежды морали, сшитые с помощью услужливой пропаганды.

Соображения необходимости были убедительны. Если в руки союзников попадали русские пленные во Франции, где они служили в немецкой армии или на нее, то в руки русских в Польше и Восточной Германии вскоре должны были попасть английские и американские пленные, содержащиеся в немецких лагерях. Если русские откажутся репатриировать западных военнопленных с востока кроме как в обмен на русских военнопленных с запада, что может сделать Запад кроме как подчиниться их требованиям? Могла быть разница между западными военнопленными, стремящимися вернуться домой, и русскими военнопленными, стремящимися оставаться заграницей, но как могли западные правительства пожертвовать собственными солдатами ради тех, кто сражался против них? Сам выбор неизбежно подсказывал решение. Надо было пожертвовать традиционным правом политического убежища ради более важной человеческой необходимости.

Эта жертва была утверждена соглашением, подписанным в Ялте в феврале 1945 года, из коего возникли и другие запутанные обязательства, накладываемые условиями этого договора — условиями уже не насущной необходимости, но политической выгоды. Так, мало по малу, по мере постепенного развития этой истории, мы замечаем, как по-

литика принудительной репатриации стала мыслиться в категориях, которые вначале было трудно предвидеть, и оправдываться соображениями не гуманизма, но целесообразности. Если Запад (могли думать тогда) даже в незначительных деталях нарушит Ялтинское соглашение, то не будут ли русские настаивать на своем праве нарушать более важные его пункты, скажем, касающиеся свободных выборов в Польше? На самом деле они нарушили бы его в любом случае: свободных выборов не могло быть ни в Польше, ни в любой части восточной Европы, однако, пока суд да дело, непокорные советские граждане были бы принудительно отправлены домой.

Были репатриированы не только советские граждане. Один из самых страшных эпизодов, описанных в этой книге, это история насильственной репатриации пятидесяти тысяч казаков, сдавшихся англичанам в южной Австрии. Конечно, они сражались на стороне немцев, но их жены и дети не сражались, и многие из них вообще не были советскими гражданами: на протяжение целого поколения они были эмигрантами и никогда не признавали законности советского государства. Даже по условиям договора в Ялте такого рода люди не подлежали репатриации. Тем не менее, от избытка просоветского энтузиазма, британские власти репатриировали и их. Их лжепокровители успокоили их лживыми обещаниями и передали в руки советских властей. Потом 50% из них погибло в советских трудовых лагерях. Из шести казачьих атаманов, о казни которых было объявлено публично, только один подпадал под условия репатриации Ялтинского соглашения. Другие безо всякого сомнения должны были оставаться в качестве военнопленных на Западе и в конце концов получить политическое убежище.

Существо этого дела сводилось к тому, что западные союзники больше всего стремились не раздражать Сталина, а Сталин стремился, как и во времена великих чисток, заполучить в свои руки всех тех русских. которые ускользнули от советских властей на столь долгий срок. Чтобы удовлетворить Сталина, западные союзники пожертвовали не только казаками, но и недвусмысленными пунктами самого Ялтинского соглашения. Они к тому же забыли, что политическое несогласие и измена родине это совершенно разные вещи. „Мы считаем, — писал тогдашний Министр Иностранных Дел Великобритании Эрнест Бевин, — что практически

было бы трудно провести грань между предателями и политическими беженцами" он добавил к этому нечто не совсем логичное: „казаки — это известные предатели." Они были предателями в том же смысле, как гугеноты, боровшиеся на стороне Вильгельма Оранского, были предателями по отношению к Людовику XIV.

Если дипломаты руководствовались абстрактными доводами государственной необходимости, то солдаты следовали своему чувству личных отношений. Они не были знакомы с государственными абстракциями, но они знали своих русских пленных и начинали сочувствовать им в их трудных обстоятельствах. Им было отвратительно по приказу обманывать тех, кто верил им, и хладнокровно отправлять их на уничтожение. Они становились свидетелями сцен отчаяния и самоубийств, которыми неизбежно сопровождалась такая репатриация. Естественно, они ненавидели всю эту политику и именно они, правда в конце, протестовали против нее, почти готовые взбунтоваться. Наиболее сильным защитником тех, кто сопротивлялся насильственной репатриации, был военный — фельдмаршал лорд Александер. Он сознательно уклонялся от выполнения точных приказов своего правительства. Для менее высокопоставленных чиновников делать это было труднее. Сопротивляясь, они все же подчинялись. Для некоторых, ожесточенных войной, это была лишь „еще одна неприятная работа". Другие считали, что если они не подчинятся приказу, их просто заменят более сговорчивыми преемниками. Или они ссылались на содатский долг подчиняться без возражений. Все эти аргументы мы слышали от немецких военных; вероятно, полезно выслушать их и от своих собственных соотечественников: это подводит дилемму ближе к нашему дому.

Для меня огромная ценность этой книги, помимо содержащихся в ней документальных материалов и драматических отчетов об исторических событиях, заключается в том, как раскрывается в ней эта дилемма: дилемма, которая столь жестоко была разрешена в свое время и которую невозможно решить заново, оглядываясь назад, какой бы то ни было упрощенной формулой. Именно поэтому я и называю это трагедией. Лорд Бетелл раскрывает эту дилемму в ее трагических аспектах, воздерживаясь от поверхностных суждений и реконструкций, приводя точные данные и детали, восстанавливая особый контекст тех лет, который поме-

шал решить ее с позиций гуманизма — хотя этим и не оправдывается сверхугодливость в исполнении незаконных требований русских.

Сколь несложной казалась в то время многим эта проблема: доктринерам, заключенным в своих кабинетах, публике, убаюканной сладкими голосами пропаганды! Русские беженцы, по словам английского политика Джона Стречи, были квислинговцами и „заслужили все, что с ними произошло". Стречи был марксистом и „как обычно оправдывал все, что делали русские". Чиновники Министерства Иностранных Дел рассматривали русских „предателей" как неудобный „элемент", грозящий разрушить их собственные хрупкие, но существенно важные дипломатические конструкции. Публика, как обычно, слушала только эти голоса. Теперь, когда факты открылись и содержание их смотрится по иному, нам, без сомнения, могут ответить, что, конечно, проблема была проста, но решить ее надлежало совершенно противоположным образом. Мы можем только повторить, что такой ответ был бы неисторичным. Гораздо лучше поставить дилемму, очиститься трагедией и уважать тех, кто в то время видел дальше сиюминутной пропаганды и политической ортодоксии. Для меня героями этой книги являются Этель Кристи — женщина-квакер, которая целеустремленно вынуждала правительство Великобритании спасти русскую четy от репатриации, и неизвестный английский офицер, который, столкнувшись с русскими военнопленными в немецких формах, подумал, что „для постороннего было бы непозволительной смелостью легкомысленно поставить себя в положение судьи над их поступками во время войны". Эта книга не требует приговора: как и всякая хорошая книга, она требует размышления.

Глава первая

РЕШЕНИЕ ПРИМЕНИТЬ СИЛУ

В конце мая 1944 года, за несколько дней до высадки союзных войск, генерал Эйзенхауэр и его штаб получили сведения через разведку, что большое число русских было послано немецким командованием на западную линию береговой обороны во Францию — к так называемому Антлантическому валу, который собирались атаковать союзные войска. Это сообщение вызвало большую тревогу в Великобритании и Соединенных Штатах. Было известно, что с момента немецкого нападения на Советский Союз, то есть с 22 июня 1941 года, несколько миллионов русских стали пленниками нацистов. Некоторые из них смертельно ненавидели Сталина, большевизм и советский режим. Они были более чем готовы взять в руки немецкое оружие, и, взяв его, были брошены как на Восточный, так и на Западный фронты, причем никто из них не имел никаких претензий к Великобритании или к Америке. Они вступили в немецкую армию, чтобы бороться против Сталина, но став солдатами в разгар войны, они уже не могли выбирать, где и против кого им воевать.

Помимо тех, кто добровольно сражался на стороне нацистов, гораздо большее число советских граждан отказалось от статуса военнопленных и надело немецкую форму под влиянием голода, непосильной работы и угрозы немедленной смерти. Советский Союз не был членом Женевской конвенции. Советские военнопленные в Германии не получали продуктовых посылок от Международного Красного Креста. Немцы смотрели на них как на низшую расу и обращались с ними ужасно. Конечно, требовалось огромное мужество и незаурядный патриотизм, чтобы в таких условиях отказаться от работы в немецких трудовых батальонах, в которых питание и содержание были несколько лучше.

Работа, которая требовалась от них, на первый взгляд не выглядела предательством. Они помогали при уборке урожая или на строительстве дорог, или, когда дело касалось русских женщин, от них требовалась помощь в обслуживании немецких офицеров. Но как только русский соглашался работать на врагов в каком бы то ни было качестве, он стано-

вился на скользкую дорожку, и заставить его пойти на более тесные контакты с немецкой военной машиной было лишь вопросом времени. Многие русские использовались на военных заводах, особенно на производстве, связанном с эфирными маслами и ядовитыми химикалиями. Отсюда оставался лишь один шаг к переходу на службу в немецкую действующую армию. И опять же в ход шли обещания улучшить условия жизни, а если это не действовало, то применялись более жесткие меры принуждения. Во многих случаях русские становились перед прямым выбором: либо присоединиться к немцам, либо быть расстрелянными на месте. К 1944 году, когда германская армия находилась в страшном напряжении и от слабости была вынуждена прибегать к подобным методам, большое число русских пленных уже несколько лет находилось в немецких руках, и при всей своей любви к родине и при всей своей ненависти к иноземным захватчикам, они не хотели жертвовать своей жизнью, защищая сталинский коммунизм.

28-го мая 1944 года британский посол в Москве Арчибалд Кларк Кер писал сталинскому Наркому Иностранных Дел:

> Многоуважаемый господин Молотов. Как я узнал из Лондона, Главный Англо-Американский Объединенный Штаб обладает сведениями, показывающими, что значительные силы русских вынуждены вместе с немецкой армией сражаться на Западном фронте. Верховное Командование Экспедиционными Войсками союзников считает, что следовало бы сделать заявление с обещанием амнистии этим русским или справедливого к ним отношения при условии, что они при первой возможности сдадутся союзным войскам. Это обещание не должно распространяться на тех, кто по доброй воле совершил акт предательства, а также на добровольцев и сотрудничающих с войсками СС. Амнистию следует обещать только тем советским гражданам, которые действовали по принуждению. Сила такого заявления заключалась бы в том, что оно побудило бы русских дезертировать из немецкой армии. В результате немцы стали бы с большим недоверием относится ко всякого рода сотрудничеству с русскими.

В конце своего письма посол высказывал мнение, что такого рода заявление имело бы наибольший эффект, если бы

оно исходило от самого Сталина.

Сам факт этого письма показывает, насколько глубоко было непонимание западными союзинками истинной природы сталинской России. Советское правительство не могло бы простить никого из советских граждан, кто так или иначе сотрудничал с нацистской Германией. С советской точки зрения подобные действия не могли быть оправданы никакой степенью насилия, угроз или лишений. Виновный в этом был в их глазах не только предателем, которого следовало наказать в назидание другим, но и отщепенцем, который выпал на какое-то время из под контроля тоталитарного государства и, следовательно, мог выработать в себе нелояльное отношение к нему, кто повидал заграницу и сравнительное благополучие, в котором жило население Германии даже во время войны. Поэтому все такие люди представляли явную опасность для советского государства. В течение более чем десятилетия Советский Союз был закрытой страной, очистившейся от некоммунистического влияния и оппозиции. Тот факт, что такое число простых советских граждан провели ряд лет заграницей, сам по себе вызывал мучительное беспокойство узколобых одержимых шпиономанией людей, которые управляли страной. Для их полицейских мозгов все они казались опасными, каждый в отдельности, даже те, кто устоял перед соблазнами и угрозами нацистов и остался в концлагерях на голодном пайке. Сталин решил изолировать их от общества — как невиновных, так и виновных, тех, кто сохранил верность системе, и тех, кто предал ее.

Во всяком случае, его тайная полиция не выработала никаких точных критериев оценки коллаборационизма. Конечно, воевавшие на стороне Германии, были виновны, но как быть с теми, кто преодолел все искушения и остался военнопленным? И разве немцы не могли держать в лагерях предателей для слежки за остальными? Тысячи могли оказаться завербованными. Потребовались бы десятки лет, чтобы разобраться в каждом отдельном случае и проверить каждого бывшего военнопленного. И кроме того, разве сам факт сдачи в плен не был доказательством недостаточного патриотизма к Советской России? Почему он не сражался до конца? Вероятно, он хотел сдаться в плен. Аппарат МВД мог бы, конечно, расследовать детально каждый случай, собрать доказательства, опросить свидетелей, провести процессы. При умелом подходе

сотрудники МВД могли бы в конце концов отделить овец от козлищ. Ну а если произойдет ошибка и иностранный агент проскользнет сквозь пальцы? Сталин и его люди пришли к заключению, что существует более простой и более эффективный с точки зрения госбезопасности метод: поголовное заключение в лагеря.

Письмо британского посла содержало и другую ошибку. С одной стороны было совершенно очевидно, что значительный русский элемент сражался на Западе в составе немецкой армии, но с другой — для советского правительства было абсолютно невозможно признать этот факт. Подобного рода признание снизило бы роль Советского Союза в глазах союзников и поставило бы коммунистическое правительство в неудобное положение перед собственным народом.Ведь трудно было представить, чтобы отряды американцев или англичан сражались на стороне немцев. Почему же это делали русские? Почему только среди советских военнопленных немцам удалось склонить к предательству такое число людей? Дело принимало щекотливый оборот для Сталина и он решил поступить классическим для диктатора образом: притвориться, что ситуации не существует вовсе.

31 мая Молотов ответил Керу:

> Согласно информации, которой располагает советское руководство, число подобных лиц в немецких вооруженных силах крайне незначительно и специальное обращение к ним не имело бы политического смысла. Руководствуясь этим, советское правительство не видит особой причины делать рекомендованное в Вашем письме заявление ни от имени И.В.Сталина, ни от имени советского правительства. (1)

Тем не менее, когда 6 июня американские и английские войска высадились во Франции, они обнаружили, что число русских, одетых в немецкие формы, было весьма ‚не незначительно". В сообщении английскй разведки от 17 июня говорилось, что среди захваченных и отправленных в Англию пленных около 10% составляют русские. Вместе с другими лицами не немецкого происхождения русские формировались в особые батальоны и под командованием немецких офицеров посылались для подкрепления воюющих частей. Эти иностранные батальоны не концентрировались на определенной территории, а были разбросаны на всем западном французском побережье. Немец-

кое командование не доверяло иностранным батальонам и опасалось, что собравшись вместе, иностранные военнослужащие могут поднять восстание.

Русские охотнее сдавались в плен, чем немцы. В английских сообщениях отмечалось, что когда союзники начали бомбардировку побережья, русские „просто сидели и ждали, что произойдет дальше". На допросах они рассказывали англичанам и американцам одну и ту же трагическую историю о том, как они оказались в лагере врагов своей страны. Так, часть советских военнослужащих, захваченных в плен через несколько часов после вторжения, оказалась без моторизованного транспорта и пулеметов. Их единственным оружием были винтовки, а единственным транспортом — двадцать лошадей на всех. Они с готовностью рассказывали свою печальную историю:

> После того, как они много месяцев проработали в качестве военнопленных в России на строительстве дорог и укреплений, их стали группами от 50 до 150 человек посылать во Францию, где они продолжали выполнять ту же работу. Их никто не спрашивал, хотят ли они вступить в немецкую армию, а просто одевали их в немецкую форму и снабжали винтовками... Русские считали себя военнопленными и ничем иным. Говоря только по-русски, они были полностью отрезаны от остального мира. С другой стороны, когда их спрашивали, хотят ли они вернуться в Россию, то большинство проявляло равнодушие к этому вопросу или давали отрицательный ответ. Казалось, что никто из них не имел никаких политических убеждений. Большинство были слишком для этого невежественными. Многие из них, очевидно, чувствовали, что прослужив в немецкой армии, даже не по своей воле, они будут рассматриваться как предатели и их, по всей видимости, расстреляют.

Русские во Франции находились между двумя огнями. Чтобы спасти свои жизни, они надели немецкую форму, но, сделав так, они бесповоротно скомпрометировали себя в глазах своего собственного правительства, а также — чего они в тот момент не знали — в глазах американцев и англичан. Немецкие нацисты быстро использовали эту ситуацию и стали убеждать их, что если они попадут в руки союзников, то безо всякого сомнения будут казнены, и что их единственное

спасение — это яростно бороться на немецкой стороне. Они умудрялись также использовать эту ситуацию в целях пропаганды, ибо наличие в их армии советских граждан служило доказательством разброда среди союзников. В тот момент это приобретало особое значение, так как реалистически мыслящие среди них видели, как быстро они проигрывают войну, и свою единственную надежду возлагали на крушение союза между Советским Союзом и Западом.

Западные союзники понимали всю деликатность этой ситуации, и хотя им вовсе не нравилось сражаться с советскими солдатами, а потом, когда они сдавались в плен, кормить их, в то же время они очень опасались чем-нибудь задеть Советский Союз, который все еще принимал на себя главный удар войны на Восточном фронте. Большое число военнопленных переправлялось через Ла-Манш из Франции, и Великобритания, не имея возможности содержать всех, переправляла многих на пароходах через Атлантику в лагеря США и Канады. Союзники думали, что советское правительство будет протестовать против помещения своих граждан в лагеря вместе с немцами и что оно, очевидно, захочет принять этих отбившихся от стада овец.

В этом они были готовы пойти навстречу Сталину, и уже 24 июня Патрик Дин, юридический советник Министерства Иностранных Дел, писал о важности содержания в лагерях советских граждан отдельно от обыкновенных немецких военнопленных. Он указывал на отсутствие юридического права держать таких людей в заключении на территории Великобритании. Кроме того, они были гражданами союзной страны, и хотя были замешаны в некоторые специфические преступления, с ними надлежало обращаться по-дружески. Следовало также просить помощи у советского посольства и Военной миссии, помощи в управлении этими лагерями и в подготовке этих людей к возвращению в Советский Союз сразу же, как только наладится морское сообщение. Пока же они могли бы работать в Великобритании и помогать военной промышленности.

Однако согласно Дину, те, кто помогал немцам — в качестве рабочих или солдат — находились в ином положении. С его точки зрения, они „могли совершить проступки перед советским законом — предательство, например, — но тем не менее они смогут предоставить советским властям удовлетворительные доказательства того, что они действовали в ус-

ловиях такого насилия и под давлением обстоятельств и посему их проступки не могут быть наказуемы". (2) Дин опасался реакции немцев, в случае, если б выданные советским властям пленные были бы наказаны. Ведь люди эти были взяты в плен в немецких формах, а немало законников считало, что именно форма и определяет принадлежность солдата. У Германии имелись бы основания жаловаться, если бы она обнаружила, что Великобритания и Америка выдают солдат ее армии на почти верную смерть. В таком случае она могла бы круто обойтись с британскими и американскими военнопленными.

Министерство Иностранных Дел Великобритании осторожно подчеркивало, что его нежелание выдавать русских в данный момент отнюдь не означает намерения покровительствовать им. Оно просто хочет немного подождать, писал Дин, и „это вовсе не подвергает сомнению право советских властей проверять и наказывать собственных подданных в случае, если они сочтут это уместным. Министерство Иностранных Дел просто откладывает шаги в этом направлении до тех пор, когда отпадут все страхи относительно репрессий против английских и американских военнопленных." Точка зрения Министерства Иностранных Дел на этот вопрос формулировалась абсолютно четко:

> Этот вопрос целиком относится к компетенции советских властей и не имеет отношения к правительству Его Величества. В дальнейшем все те, с кем советские власти пожелают иметь дело, должны быть выданы им, и нас не касается тот факт, будут ли они расстреляны или подвергнутся каким-либо иным наказаниям, даже если эти наказания будут более строгими, чем наказания, предусмотренные английскими законами. (3)

Итак, спустя лишь 11 дней после высадки союзников в Нормандии и возникновения этой проблемы, основной ее пафос уже прояснился: советское правительство имеет право поступать со своими гражданами так, как сочтет нужным, а правительства Великобритании и Соединенных Штатов не имеют права отказывать своим союзникам в акте справедливого возмездия. Тогда еще нельзя было понять, к чему может привести такая политика, что произойдет, если русские откажутся возвращаться домой и потребуют права политического убежища, гарантируемого по традиции Англией и

США тем, кого преследуют по политическим мотивам. Союзные власти еще не понимали, сколько советских граждан будут сопротивляться репатриации, причем многие физически, некоторые вплоть до самоубийства.

20 июля Министр Иностранных Дел Великобритании Энтони Иден (в последствии лорд Эйвон) письменно сообщил советскому послу в Лондоне, что тысячи советских граждан попадают в плен во Франции и отсылаются в Великобританию. Что с ними делать? Далее Иден писал:

> Советское правительство несомненно захочет выяснить подробности обстоятельств, при которых эти советские граждане перешли на службу во вражеские военные и военизированные формирования, и условия, в которых они содержатся в данный момент. В этих целях правительство Его Величества стремится заключить соглашение, по которому советские власти на территории Соединенного Королевства могли бы вступать в прямой контакт с этими советскими подданными.

Он указывал также, что пленные из Франции переправляются через Атлантику в американские лагеря и советовал послу принять как можно скорее какое-нибудь решение. Ибо очевидно, что чем дальше будут отправляться советские граждане, тем больше времени понадобится для их возвращения.

Только 17 июля британский Военный Кабинет согласился в принципе о том, что пленные должны быть выданы, если это будет соответствовать желанию советского правительства. Там не рассматривали эту проблему в деталях и не интересовались, что же произойдет, если многие военнопленные откажутся возвращаться на родину. И это решение могло бы остаться без изменений, если бы в дело не вмешался самым энергичным образом старший министр лорд Селборн. Его официальный титул звучал как „министр военной экономики", но на самом деле его главная функция заключалась в курировании секретной организации, занимающейся шпионажем и диверсионной деятельностью и известной под названием „Управление Особых операций". 21 июля он направил удивительное письмо Министру Иностранных Дел: (4)

> Мой дорогой Энтони! Я глубоко потрясен решением Кабинета отослать в Россию всех граждан русской национальности, кто попал к нам в плен на полях сражений

в Европе. Я намерен обратиться по этому вопросу к премьер-министру, но прежде я хотел бы познакомить Вас с причинами моего несогласия в надежде, что мы могли бы придти к соглашению по этому вопросу.

Как Вы знаете, в течение последних недель один из моих офицеров опросил ряд русских военнопленных и в большинстве случаев их истории оказались сходными в своей основе. Сначала, попав в плен, они стали объектом невероятных лишений и жестокого обращения. Во многих случая пленные по несколько дней оставались вообще без пищи. Их поместили в концентрационные лагеря, в ужасающие санитарные условия, где они голодали. Их заедали насекомые, заражались отвратительными болезнями, а голод доходил до такой степени, что людоедство стало среди них обычным явлением. И не раз немцы фотографировали эти людоедские трапезы в пропагандистских целях.

Через несколько недель такого обращения, когда их моральные силы были полностьр сломлены, их выстраивали в строй и немецкий офицею предлагал им вступать в немецкие трудовые батальоны, где они получат достаточно пищи, одежду и нормальное обращение. Потом немцы спрашивали каждого в отдельности, согласен он или нет. Первый ответил „нет". Его тут же расстреляли. То же случилось и со вторым, и с третьим и т.д. до тех пор, пока, наконец, кто-то не сказал, что он согласен, и тогда другие тоже согласились, но только после того, как они воочию увидели, что это единственный способ уцелеть.

Офицер Управления Особых операций, который проводил эти опросы, был майор Л.Х. Мандерстам. Он провел свои молодые годы в Риге и много путешествовал по России, а впоследствии получил британское подданство. Военнопленные рассказывали Мандерстаму, что после нескольких дней работы в трудовых батальонах им просто роздали ружья и сказали, что они служат в немецкой армии. Им говорили, что их единственная надежда — это яростно сражаться на стороне немцев, потому что если они попадут в руки англичан или американцев, те выдадут их советским властям, которые их безусловно расстреляют. Некоторые верили в это и упорно сражались, другие лишь выжидали первой возможности,

чтобы сдаться в плен.

Пленные говорили Мандерстаму, что они также очень беспокоятся за своих родственников. В течение всей войны советские власти смотрели на своих солдат, попавших в руки врагов, как на уже не существующих. Сталин собирался провозгласить, что Россия не знает военнопленных — она знает лишь мертвых и предателей. Советские власти не интересовались своими солдатами, попавшими в плен, но к их семьям они относились с уважением, рассматривая их как родственников тех, кто погиб на фронте. И теперь военнопленные боялись, что как только станет известно об их сдаче в плен, они перестанут быть героями и их жены и дети могут пострадать.

Письмо Селборна, основанное на ряде опросов, проделанных Мандерстамом, содержало и еще одну вескую причину, почему возвращение пленных в Россию было немыслимо: „Наше возвращение создало бы мучительную проблему для советского правительства. Нам говорили, что в Советском Союзе рабочие живут гораздо лучше, чем в других странах мира. С тех пор, как мы попали в плен, мы узнали, что уровень жизни рабочих во Франции, Бельгии, Норвегии выше чем в России... Сталин никогда бы не смог заполучить нас обратно... Может быть мы и сохранили бы наши жизни, но клеймо предательства никогда бы не было смыто."

Селборн обсуждал эту проблему в Лондоне с Эммануэлем Д'Астье — близким другом Де Голля и одним из лидеров Свободной Франции. Д'Астье полагал, что для нежелающих возвращаться в Россию можно было бы найти место на Мадагаскаре или в других малонаселенных французских колониях, или найти им работу в Иностранном Легионе. Он говорил Идену, что если этим людям гарантировать безопасность от советской юстиции, то многие из них бежали бы из немецкой армии и присоединились бы к маки. Любая из этих возможностей была бы предпочтительней насильственной репатриации. Сведения о том, что такая политика проводится „вызвали бы неистовое негодование в этой стране, так же как и в Америке". Что касается морального аспекта этой проблемы, то позиция Селборна была тут вполне определенной — перспектива послать тысячи людей на смерть или на сибирскую каторгу должна быть отвратительна каждому англичанину."

Первой реакцией Идена на это письмо было черкнуть

записку своим подчиненным в Министерстве Иностранных Дел: „Что вы об этом думаете? Здесь ничего не сказано о том, что если эти люди не поедут назад в Россию, то куда они денутся? Нам они здесь не нужны."

Сотрудники Министерства Иностранных Дел занялись анализом письма Селборна и его суровой критикой. Факты показывают, отмечали они, что многие военнопленные не только не требовали для себя политического убежища в Великобритании, но просили свести их с советскими представителями, чтобы вернуться на родину. Фактически, дело заключалось в том, что некоторые из них были действительно преданы Советскому Союзу, другие лишь доказывали свою лояльность, предчувствуя, что они так или иначе будут отправлены на родину и таким образом пытались обелить себя в глазах советских властей. Тем не менее факты были противоречивы. Некоторые военнопленные кричали о своей любви к Советскому Союзу, другие — о своей ненависти к нему.

„Этот офицер вошел со мной в контакт. Он прибалтиец", — писал Патрик Дин в длинной записке, ставящей под сомнение достоверность информации, полученной Селборном от Мандерстама. Кристофер Вернер писал об этом офицере Управления Особых операций еще более язвительно: „Я сомневаюсь, что он подходящий человек для объективного сбора показаний. Он прибалт, говорящий по-русски, и не производит впечатления человека, способного профессионально анализировать факты." Абсурдность этого утверждения выявилась с ходом времени. Мандерстам хотя и был новоиспеченным британцем, оказался способным создать инженерно-химическое предприятие стоимостью в несколько миллионов фунтов стерлингов с отделениями во множестве стран. В течение этих лет он показал свою способность анализировать факты с величайшей точностью и аккуратностью.

Мандерстам встретился с Вернером в его кабинете, где произошла бурная сцена. „Он сказал мне, что весь мой доклад полон лжи. Он стучал кулаком по столу и кричал, что все написанное мною необъективно. Беда заключалась в том, что на самом деле это было слишком, чрезвычайно объективно", — говорит Мандерстам. Встреча кончилась тем, что Вернер выгнал майора из кабинета и послал официальную жалобу, в которой требовал увольнения Мандерстама из УОО. Однако глава УОО, Колин Габбинс, стоял за своих людей

и не допустил этого жертвоприношения.

Вернер выставил резкий аргумент против гуманного отношения Селборна: „Эти люди служили в немецких войсках, и у нас нет иных доказательств, помимо их собственных утверждений, что они делали это против своего желания. Я думаю, что мы не можем позволить себе проявлять сентиментальность в этом вопросе." Он сомневался „хотим ли мы постоянно обременять себя таким количеством этих русских". Как и Иден, он чувствовал, что ,нам здесь они не нужны". Он беспокоился о том, что „мы запутаемся с русскими, если они начнут подозревать нас в покровительстве кому-либо из антисоветчиков". Наконец, он привел аргумент, который впоследствие перевесил все другие и сделался главным оправданием этой политики. Он считал, что если Великобритания будет чинить препятствия возвращению этих людей, это может „повлиять на добрую волю Советского Союза от которого зависит судьба многих английских военнопленных."

Эти соображения породили, как и водится, целую цепь распоряжений постоянному заместителю Министра Иностранных Дел Александру Кадогану, который писал: „Я против воли прихожу к заключению, что мы должны будем выдать этих людей Советам, если они этого потребуют". Иден выразил свое одобрение 26 июля, попросив своих сотрудников составить ему проект письма к лорду Селборну, „которому, я полагаю, следует ответить".

В тот же день этот вопрос рассматривался премьер-министром Уинстоном Черчиллем, получившем от Селсборна сокращенный вариант того, что тот послал Идену. Первое, что сделал Черчилль, это выразил сочувствие протесту Селборна, и немедленно, того же 26 июля написал Идену: „Я думаю, что мы рассматривали этот вопрос в Кабинете министров слишком общо и что точка зрения Министра военной экономики должна, конечно, быть поставлена на обсуждение. Даже если мы пойдем на какой-нибудь компромисс (с советским правительством), следует пустить в ход машину всевозможных проволочек. Я думаю, на долю этих людей выпали непосильные испытания."

Однако Иден был твердо намерен добиться от Кабинета согласия на политику насильственной репатриации. В начале августа он ответил Селборну, перечислив „ряд веских причин", побуждающих придерживаться первоначального решения. „Я понимаю, что многие из этих людей, очевидно,

очень страдали, когда находились в руках немцев, — писал он, — но факт остается фактом: в конце концов, их присутствие в немецких вооруженных силах ослабляло наши собственные силы... С моей точки зрения, эти люди должны объяснить свое присутствие в немецкой армии своим собственным властям, и мы не можем отказать нашим союзникам в праве рассчитываться с собственными подданными и поступать с ними в соответствии с собственными правилами."

Идея, что русские смогут „объяснить" советской сталинской полиции причины своей службы в немецкой армии, была, конечно, абсолютно абсурдной, и можно только предположить, что Иден просто закрыл глаза на то, что он знал об истинной природе этого режима и его охранителей —сотрудников НКВД. Вместе со своим письмом он послал Селборну копию длинного доклада премьер-министру, датированного 2-м августа, который был официальным ответом на короткую записку Черчилля от 26 июля.

„В последнее время я неоднократно обдумывал этот трудный вопрос", — писал Иден, но он приходил к твердому заключению, что жизненно необходимо придерживаться твердого решения и отослать русских домой, хотят они этого или нет, и насильно, если понадобится. В отличие от Селборна и Черчилля, которые, казалось, принимали во внимание перенесенные русскими страдания и нажим, заставивший их поступить на службу к нацистам. Иден по отношению к ним высказывал мало сочувствия. „Они были взяты в плен во время службы в военных или военизированных немецких частях, чьи действия во Франции зачастую были отвратительны", писал он. И он приходил к выводу: „мы не можем позволить себе проявлять в этом вопросе сентиментальность".

„Естественно, мы не хотим быть постоянно обремененными этими людьми", — продолжал Иден. Отказ вернуть их может привести к серьезным осложнениям в наших отношениях с советским правительством: „Как бы то ни было, у нас нет права поступать таким образом и они не поймут наших гуманистических мотивов. Они лишь поймут, что мы относимся к ним иначе, чем к другим союзным правительствам в этом вопросе и это вызовет самые большие подозрения с их стороны." Он чувствовал, что Великобритания оказалась бы в уязвимом положении, если бы она стала навязывать Советскому Союзу способы наказания предателей, и что „нас не касается, какие меры любое союзное правительство, в том числе

и советское правительство, предпримет в отношении своих собственных граждан".

В последнем аргументе Идена была своя логика. Он отмечал, что в восточной части Германии и в Польше находится довольно много американских и английских военнопленных. Красная Армия быстро продвигается к этим районам, и очень вероятно, что вскоре она вторгнется в них и освободит пленных. Эта ситуация беспокоила многих на Западе. Иден писал: „Очень важно, чтобы с ними хорошо обращались и вернули их как можно скорее. Поэтому мы должны во многом положиться на добрую волю Советов, ибо если мы будем чинить препятствия возвращению их собственных граждан, я уверен, это будет способствовать их нежеланию помочь нам получить наших военнопленных." (5)

Тем не менее Черчилль решил снова поставить вопрос на обсуждение Кабинета. Между тем, 23 августа Министерство Иностранных Дел получило письмо от советского посла Федора Гусева, в котором тот сообщал, что если его правительство настоятельно требует получения военнопленных и просит Великобританию как можно скорее подготовить суда для их транспортировки. Последнее требование не понравилось Великобритании, чьи суда выполняли напряженную работу по перевозке людей и грузов через Атлантику и Ла-Манш. На следующий день возникли новые затруднения. Старший министр Министерства Обороны П.Дж. Григ был обеспокоен всем этим делом. Он писал Идену:

> Мы стоим перед очевидной дилеммой. Если мы сделаем так, как хотят русские, и выдадим им всех этих военнопленных, невзирая на их желание, мы сделаем то, на что указывал Селборн в своей записке от 25 июля, то есть пошлем некоторых из них на смерть. И хотя, как Вы отметили, мы не можем во время войны позволить себе быть сентиментальными, я признаюсь, что считаю такую перспективу отвратительной и думаю, что общественное мнение будет испытывать то же самое чувство. Существует также опасность, ечто если мы выдадим этих людей, наши собственные люди, находящиеся в немецких руках, будут подвергнуты репрессиям, Но я думаю, что этот риск, вероятно, сравнительно невелик, ибо у немцев достаточно проблем и без того, чтобы обращать внимание на то, что происходит с русскими, которых они вынудили служить в немецкой армии.

С другой стороны, если мы не сделаем, как хотят русские, может возникнуть опасность, что они не будут готовы сотрудничать с нами в деле скорейшей пересылки нам наших собственных и других военнопленных, которые попали к ним, когда они вошли в Германию. Конечно, общественное мнение в нашей стране будет резко и справедливо реагировать на всякую задержку с прибытием домой наших военнопленных и на всякие лишние, не вызванные необходимостью, лишения для них, так что если перед нами стоит выбор между лишениями для наших и смертью для русских, то решение не оставляет сомнений. Однако, признаюсь, я вовсе не убежден, что как бы мы ни поступили, русские в вопросе немедленной отправки наших пленных на Запад приложат максимум усилий, либо поступят с ними каким-либо особым образом. Во всяком случае дилемма эта настолько сложна, что я со своей стороны был бы рад, если бы Кабинет отрегулировал ее решение. Если мы выдадим русских военнопленных на смерть, это будет сделано военными властями, которые поступят так по моим инструкциям, и я имею право просить правительство высказать свое взвешенное решение по этому очень неприятному делу. (6)

Энтони Идену было поручено подготовить отчет Кабинета, который и был готов 3-го сентября. (7) Он писал, что число советских военнопленных в Великобритании достигало теперь трех тысяч семисот пятидесяти человек и что необходимо срочно решить их участь. Он осознал силу аргумента Грига и Селборна, что „если мы сделаем так, как хочет советское правительство, и вернем всех этих военнопленных в Советский Союз, хотят ли они возвращаться туда или нет, мы многих из них пошлем на смерть". Но Иден ни в чем не переменил своего решения и по-прежнему считал, что отправить русских военнопленных в Советский Союз необходимо.

В отчете Идена гуманистический аспект проблемы затрагивался лишь мимоходом. Многие, — пишет он, — вступили в немецкую армию лишь „под сильным нажимом", и, возможно, что „по возвращении в Россию к ним будут применены жестокие меры". Но Иден уравновесил это робкое опасение, повторив свое прежнее заявление о том, что все эти люди были захвачены в плен во время службы в немецких частях, „чье поведение зачастую было отвратительно".

Здесь Иден не совсем точен. Некоторые взятые в плен русские не служили ни в каких немецких частях. В частности, русские женщины, поток которых в Англию все возрастал, служили лишь в качестве домашниц работниц и обслуги. Правда, что поведение некоторых русских было отвратительно, но нельзя забывать, что другие вели себя в высшей степени достойно. Иден пытался возложить на русских коллективную ответственность, заставить их платить за поступки немногих своих соотечественников — людей, которые в любом случае действовали по принуждению и под угрозами. Он был несправедлив к тем русским, которые не делали ничего плохого.

Иден неоднократно выражал опасения, что „мы навсегда обременим себя этими военнопленными к собственному неудобству." К тому времени военнопленные уже легли бременем на английский народ. Они потребляли английские продукты, которых итак недоставало и которые выдавались по карточкам. Британцы должны были обеспечить их жильем и охраной. Если бы многие из них пожелали остаться, Великобритания должна была бы дать им убежище или найти страну, которая после войны приняла б их. Никто не спорит — это вызвало бы большие неудобства, и было гораздо проще выдать всех их Сталину.

Правда и то, что отказ пойти навстречу желанию Советского Союза означал бы серьезную опасность для Великобритании. Советское правительство наверняка отнеслось бы с подозрением ко всякой попытке защищать „предателей" от советского правосудия. Уже со времени Гражданской войны в России, когда Великобритания больше других стран поддерживала силы антибольшевизма, у советских руководителей развилась особая неприязнь к „английским интервентам". Советские власти с легкостью могли заподозрить Великобританию в том, что та дает убежище врагам Советского Союза, чтобы создать из сотрудничавших с фашистами антисоветчиков ядро будущих отрядов, которые, вооружившись английским и американским оружием, в один прекрасный день нападут на свою родину. Советские руководители могли серьезно опасаться такой возможности, и тогда положение внутри союза между Советской Россией и Западом стало бы чрезвычайно напряженным. Красной Армии приказали бы для начала приостановить свое продвижение на Восточном фронте, и это как раз в тот момент, когда Великобритания и Америка

нуждались в непрерывном наступлении своих союзников на Восточном фронте и в то время как они укрепляли свои передовые позиции во Франции и на всем Западном фронте.

Нежелание делать различие между Советским Союзом и другими союзниками во многом определяло атмосферу того времени. Это стало частью американской и английской политики — преуменьшать или полностью не принимать во внимание неприемлемые черты советского режима, например, беззакония и массовые репрессии. Споры, которые последовали после того как в апреле 1945 года в Катынском лесу были обнаружены следы массового убийства, показали, что в подобных случаях западные союзники наверняка поддержали бы советскую сторону. Это был вопрос не справедливости, а военной реальности. Осенью 1944 года, так же как и весной 43-го, Красная Армия принимала на себя главный удар. Было немыслимо обижать советское правительство, обвинив его в негуманности.

Именно это и побудило Идена заявить, что Англия „не имеет ни юридического, ни морального права" вмешиваться в то, как Сталин обращается с людьми, воевавшими против него. Он просил свое правительство нарушить английскую традицию продоставления убежища преследуемым и гонимым, передав тысячи людей для наказания, которое было бы смертным приговором всем — виновным и невиновным. Причем сам Иден не скрывал, что прекрасно знает это. Имея множество компетентных советников, он должен был также знать, какого рода правосудие имеется в сталинской России, что судебное разбирательство сведется к простейшей пародии на процесс, после которого виновные и невиновные будут осуждены на смерть или на многие годы убийственного содержания в лагерях. Именно подобная ситуация и породила в цивилизованных странах институт политического убежища.

Когда в 1973 году Идена спросили об этом деле, он ответил, что „не может припомнить всех сопутствующих обстоятельств". Он отказался отвечать на вопросы, а получив копию своего доклада Кабинету министров, не пожелал прокомментировать его. Но несомненно, что именно он в 1944 году, невзирая на резкий протест Селборна и первоначальное сопротивление Черчилля, провел через британский Кабинет решение о насильственной репатриации. 4-го сентября Военный Кабинет одобрил предложение Идена „после короткой дискуссии".

Для людей, чьей работой была охрана военнопленных, это

решение было в высшей степени своевременным. Несколькими днями ранее в лагерь Баттервик в графстве Йоркшир прибыло 550 русских, взятых в плен во Франции в гражданской одежде. Их поместили вместе с 2.400 других, которые до этого были захвачены в немецких формах. Эти 550 человек, очевидно, так или иначе работали на немцев, но они не вступили в немецкую армию, и их ужаснула идея быть вместе с людьми, которые служили в немецкой армии. Только когда на них надели одежду, предназначенную для военнопленных, они поняли весь страшный смысл своего положения: эта одежда могла означать для них смерть. Поэтому они сняли с себя брюки. Вначале удивленные английские охранники увидели в этом лишь жест мелкого протеста. Переводчиков нехватало, и англичанам в Йоркшире было трудно разобраться в тонкостях советской системы внутренней безопасности. Но постепенно дело прояснилос, и начальнику лагеря для военнопленных объяснили, что „протестующие боятся, что из-за одинаковой формы их могут спутать с другими заключенными, чья лояльность к советской власти может вызвать сомнения".

30-го августа они отправили письмо коменданту. с требованием вернуть им гражданскую одежду. Они клялись, что ни за что не наденут больше эту „оскорбительную" форму: „Если наши законные требования не будут удовлетворены до 1-го сентября этого года, мы будем считать себя в праве защищаться от холода теми средствами, которые сочтем нужными." (8) Комендант, удивленный этим требованием, 1-го сентября приказал им выстроиться и одеться. Только сто из пятисот пятидесяти подчинились этому приказу. Остальные четыреста пятьдесят были подвергнуты двадцативосьмидневному аресту. Вся зона была превращена в тюремный барак, палатки были снесены и военнопленные посажены на хлеб и воду.

В ту ночь шел сильный дождь, и на следующий день, когда командующий местным военным округом докладывал в Военное министерство, дождь еще продолжался. Несмотря на погоду, — сказал генерал, — русские военнопленные не проявляют никакого намерения пойти на уступки. Генерал был обеспокоен, потому что не видел никакого выхода из этой ситуации. Лагерь охранялся минимальным числом солдат. Людей нехватало, и он не смог бы справиться со взрывом массового неподчинения. Протестующие хотели, чтобы к ним

приехал кто-нибудь из советского посольства, и любой ответ, не исходящий из этого источника, они сочли бы неудовлетворительным. Он продолжал: „Заключенные подвергаются и будут подвергаться самому жесткому режиму. Однако они настолько закалились в концентрационных лагерях в Европе, что едва ли мы сможем их сломить."

Для того, чтобы подействовать на этих людей, требовалось нечто гораздо большее, чем голодная диета и несколько ночей под дождем. Они не только выдержали годы жестокого обращения со стороны нацистов, но их еще ужасала и мысль о том, что их ждет в России, когда им придется держать ответ за любого рода сотрудничество с немцами. По сравнению с этим любое наказание в Англии было бы для них подобно комариному укусу. Однако с британской точки зрения положение было неблагополучным. Прошло всего два месяца со дня высадки в Нормандии и перед ними стояло множество более важных проблем, чем внутренние дела Советского Союза. Забота о русских военнопленных отнимала драгоценное время занятых людей — генералов и министров.

Эти заключенные могли быть также предметом возможных англо-советских разногласий, и эта опасность возросла, когда некоторые из протестующих стали от холода болеть. Виконт Бриджмен, один из начальников военной охраны, писал 3-го сентября: „Они все еще без палаток, и существует опасность дальнейшего распространения серьезных заболеваний среди них." Вывод, к которому он приходил, был почти паническим: „Я не думаю, что мы можем продолжать подобную политику и дальше. Кто-то должен приехать и поговорить с этими людьми." С военной точки зрения такое решение напрашивалось само собой. Вся эта проблема вместе с военнопленными должна была быть передана Советскому Союзу, то есть стране, которой и эти люди и эти проблемы принадлежат. Военнопленные хотели видеть кого-нибудь из посольства. Посольство ратовало за доступ к военнопленным. И единственно, что задерживало столь желанную встречу это решение британского Кабинета. И когда, на другой день после письма Бриджмена, такое решение появилось — решение о том, что все военнопленные будут посланы домой, хотят они этого или нет, старшие офицеры Северного военного округа вздохнули с глубоким облегчением.

Проблема заключалась в том, что протестующие были разных типов. В лагере около Кудена в графстве Сассекс

42 военнопленных забастовали по причинам, прямо противоположным тем, по которым бастовали их соотечественники в Баттервике. Это были ярые антисоветчики и они хотели, чтобы британское правительство взяло их под свою защиту. Туда для распросов был направлен Джодж Юматов — канадский офицер русского происхождения, прикрепленный к британскому Военному министерству. Они сказали ему: „Не важно, останемся ли мы в живых, или погибнем — во всяком случае мы будем вместе и не замараем себя общением с остальными." Они отделились от заключенных, сохранивших лояльность к Советскому Союзу, и заявили, что всякий советский представитель может приблизиться к ним лишь на собственный страх и риск.

Эти 42 сказали Юматову, что они всей группой вступили в немецкую армию, чтобы бороться с коммунизмом, но как только их переправили на Западный фронт, они сдались в плен. У них были счеты с существующим режимом в России, а не с Америкой и Англией. Юматов посоветовал им держать язык за зубами, потому что заявления подобного рода „лишь пополнят их послужной список". Но они продолжали в том же духе. „Они очень хотели работать на нас или делать что-нибудь, но они не признавали советских властей, и когда кто-нибудь из советских пытался обратиться к ним, он делал это на собственный страх и риск. Военнопленные заявляли, что посвятили свою жизнь борьбе с коммунистическим „чудовищем" и с радостью умрут за возможность отправить на тот свет кого-нибудь из коммунистов." (9)

Когда это письмо дошло до отдела по советским делам при Министерстве Иностранных Дел Великобритании, оно вызвало тревожную реакцию. Кристофер Вернер, впоследствии британский посол в Брюсселе, указывал, что эти бунтари добровольно примкнули к врагу, чтобы бороться с союзником Великобритании, и на Западе нет никаких доказательств, что они сдались без сопротивления. (Если продолжить эту мысль, то, конечно, не было никаких доказательств и обратного.) Вернер рекомендовал, чтобы просьба этих людей разрешить им остаться в Великобритании была отклонена. Они — советские граждане и в силу этого должны быть отосланы в Советский Союз независимо от их желания. Можно было догадаться, что за судьба их ждала в России, но это уж не касалось Великобритании. Официальное письмо Министерства Иностранных Дел в Военное министерство по

этому вопросу, подписанное Джоном Голсуорси, содержало в себе следующую суровую фразу: „В наших глазах они не заслуживают никакого сочувствия и мы считаем, что в данном вопросе наша главная цель — это устранить всякую возможность возникновения недоразумений между нами и советскими властями."

Казалось бы, что такая уступка, такое серьезное отступление от британских традиций должно бы порадовать советское правительство, но не тут-то было. 11 сентября советский посол Гусев встретился с Иденом и между ними произошел, — как выразился Иден, — „желчный спор". Гусев получил письмо протеста от группы русских военнопленных:

> Мы находимся здесь в лагере для военнопленных вместе с немцами, с членами Русской Освободительной Армии и другими злостными врагами и предателями. У нас силой забрали гражданскую одежду и мы носим унижающие человеческое достоинство формы, украшенные ромбовидными заплатами на спине и штанах. С нами обращаются хуже, чем с немцами, и держат нас под усиленной охраной, как преступников. Условия нашего содержания стали много хуже. Пища плохая, нам не дают табака. Нас не слушают, нам не сообщают военных сводок. Мы просим Вас, товарищ посол, выяснить наше положение и предпринять шаги по ускорению отправки нас на родину, в Советский Союз. (10)

Комендант лагеря в Баттервике майор А.Дж. Барроус писал: „Может быть, рвение вернуться в Россию вызвано главным образом страхом, что если они не будут проявлять этого рвения и не заявят о своей позиции, им будет хуже." Очевидно это было отчасти так, хотя несомненно, среди военнопленных было немало и таких, кто искренне хотел домой и был полностью предан Советскому Союзу. Но чего посол не хотел признать, это того, что среди военнопленных было много и таких, кто вовсе не чувствовал себя обязанным сохранять преданность правительству своей страны и кто решил никогда больше не ступать на советскую землю, разве что в качестве члена освободительной армии.

Поэтому Иден не был склонен сочувствовать требованиям Гусева, сводящимся к тому, что Великобритания не должна больше обращаться со взятыми в плен русскими как с военнопленными. Иден сказал Гусеву: „Эти русские и, конечно,

другие иностранцы, взятые в плен, когда они сражались в рядах немецкой армии с нашими войсками, поставили нас перед серьезной проблемой... Советское правительство по меньшей мере могло бы помочь нам разрешить эту проблему, а не жаловаться постоянно, что мы недостаточно хорошо обращаемся с этими людьми." (11)

Гусев ответил — и эта формулировка повторялась много раз в течение последующих месяцев — что русские, находящиеся в английских лагерях, подвергаются антисоветской пропаганде. Если и были какие-то волнения среди военнопленных, то только потому, что англичане допускали разжигание таких беспорядков. Некоторые русские „казались напуганными тем, что им наговорили". Иден пишет:

> Я умудрился не возразить, что, вероятно, они более напуганы тем, что их ожидает в России, но я сказал, что наше единственное желание это вернуть этих людей советскому правительству как можно скорее. Не наша вина, что они сражались в рядах наших врагов, и к нам не следует предъявлять никаких претензий. Расстались мы очень холодно.

Но все же проблема теперь стала общей, и британские военные власти с облегчением стали организовывать посещения лагерей русских военнопленных офицерами Красной Армии при советском посольстве в Лондоне. В лагере Кемптон Парк, расположенном в графстве Сарри, к военнопленным обратился полковник Горский, и его речь показалась британцам совершенно приемлемой: „Вы сейчас в Англии, и, конечно, должны делать то, что велят вам английские власти. Вы находитесь на их земле и должны быть благодарны им за то, что они освободили вас их рук немцев." Он сообщил им военную сводку, обрисовав ситуацию в радужных тонах, и отдал должное успехам американцев и англичан на Западном фронте. Им скоро выдадут новые коричневые костюмы без этих неприятных „бубновых тузов", отмечающих военнопленных. „Мы считаем вас полноправными советскими гражданами, несмотря на то, что вы были вынуждены вступить в немецкую армию," — сказал он. Он всячески старался скрыть от них страшное будущее, которое ожидало их в России. Если бы он смог убедить их, они поехали бы домой без сопротивления.

Не столь гладко прошло посещение йоркширских лагерей военным атташе при советском посольстве в Лондоне генералом Васильевым. В Баттервике он вступил в горячую пе-

репалку с бывшими солдатами Красной Армии, пытаясь их успокоить. „В нашем советском отечестве найдется достаточно места для каждого", — сказал он, на что один пленный ему ответил: „Мы знаем, какого рода место нам там уготовано." Генерал советовал военнопленным не бояться последствий их вынужденного сотрудничества с немцами: „Советская власть никогда не преследует людей без разбора. Мы разберемся, кто из вас виновен, а кто нет. А эти немецкие формы, которые вы сейчас носите, мы выбросим в печку". — „Да и нас вместе с ними," — ответил один из военнопленных. (12)

Генерал много говорил также об англо-советской дружбе, давая, очевидно, понять, что не следует даже просить англичан и надеяться на политическое убежище. Дружеские отношения между английскими и советскими офицерами возымели свое действие, ибо, если в первый день некоторые из военнопленных вели себя вызывающе по отношению к генералу, отказывались приветствовать его и показывали значки антисоветской Русской Освободительной Армии, то на второй день они сняли эти значки и стали гораздо вежливее.

В лагере Стадиум недалеко от Каттерика его комендант подполковник Харборд повел Васильева в комнату отдыха и с гордостью показал ему кучу литературы на русском языке. Он был изумлен гневными криками генерала и впал в уныние, когда узнал, что все эти книги, присланные в дар заключенным русским священником-эмигрантом из Лондона, были антисоветского содержания. Их сразу же убрали. Генералу принесли смиренные извинения и он согласился не упоминать об этом случае в своем отчете.

В общем такие посещения все же были успешными. Заключенным дали понять, что они ничего не выиграют, продолжая протестовать. Многие решили, что наилучший способ поведения это заявлять о своей преданности Советскому Союзу. Васильев наобещал многое, и это не звучало как пустые слова, так как страна действительно нуждалась в рабочих руках для восстановления послевоенной разрухи. Васильев говорил также, что хорошим поведением в Англии они заслужат свободу и разрешение вернуться домой. У многих военнопленных хватило оптимизма, чтобы поверить этому, и англичан это вполне устраивало, ибо означало, что они перестанут бунтовать и станут послушными. Но среди тех, кто знал, что их ожидает по возвращении на родину, отчаяние росло и они твердо решили не возвращаться.

Чеслав Есман, английский офицер польского происхождения, служивший переводчиком в одном из лагерей, рассказывал, что после таких визитов „еще больше солдат стало говорить мне, что они покончат с собой, если их вернут в Россию". До этого большинство военнопленных сохраняло единство перед лицом англичан, чей язык и обычаи лишь немногие из них хоть в какой-то степени понимали. После таких визитов они стали подозрительными и начали разделяться на группы. Они поняли, что существует только два способа спастись — либо проявлять такую лояльность к Советскому Союзу, за которую их бы простили, либо предельную ненависть к нему, чтобы англичане прониклись к ним жалостью и не выдворили бы их насильно.

В сентябре генерал Васильев высказал начальнику лагерей для военнопленных генералу И.С. Геппу пожелание, чтобы со всеми советскими подданными обращались как с гражданами других союзных государств. На первый взгляд это выглядело довольно странно, так как многие из русских военнопленных были взяты в плен в немецкой форме, но требование Васильева было с готовностью принято, потому что оно освобождало Великобританию от неприятной обязанности сортировать военнопленных. Это устраивало обе стороны еще и потому, что таким образом они освобождались от неприятной необходимости признать, что тысячи советских граждан воевали на стороне Германии. 18 сентябя на одном из собраний Гепп заявил, что в Великобритании находится уже 12.000 советских граждан и что по крайней мере 2.000 прибывает сюда каждую неделю. Васильев хотел, чтобы всех их держали в специальных лагерях под охраной советских офицеров и брался обеспечить лагеря такими офицерами, так как сами пленные едва ли годились для этой цели.

На том же собрании было решено, что порядок будет установлен в соответствии с Договором о боевом союзе 1940 года . Это давало советским военнослужащим право ввести в лагерях военную дисциплину советского типа и взять управление в свои руки. Их только просили не выносить смертных приговоров без предварительной консультации с английскими властями, однако „для других наказаний, предусмотренных советским военным кодексом, подобных консультаций не требовалось". Великобритания берет на себя снабжение советских офицеров тюремным оборудованием. К тому времени сходные соглашения уже действовали в отношении управления

польскими, американскими, чешскими и французскими вооруженными силами на территории Соединенного Королевства. Таким образом русские могли теперь освободиться от положения военнопленных, но еще продолжали содержаться во вполне приемлемых условия заключения.

Однако проблема этого, казалось бы, блестящего соглашения заключалась в том, что под Договор о боевом союзе подпадали только те советские граждане, которые служили в советской армии. Но как же быть с другими — с женщинами и юношами, никогда не служившими в советских вооруженных силах, которых немцы просто схватили и облачили в свои формы? С юридической точки зрения их можно было держать в лагерях лишь в качестве военнопленных. Но для советской стороны это было неприемлемым. Поэтому было решено распространить положения Договора на всех русских, прибывающих из Франции, даже и на тех, кто никогда не служил в Красной Армии. Власти понимали, что это было незаконно, но казалось, что другого выхода не было.

Британские власти все еще стремились получить более формальное соглашение по этому вопросу. „Статус советских граждан на территории Великобритании стремительно превращается в серьезный предмет споров", — писалось в одном из правительственных меморандумов. (13) Полагали, что две трети всех военнослужащих Великобритании и стран Содружества, находящиеся в немецких лагерях, будут, очевидно, освобождены Красной Армией. Англия была обеспокоена этой ситуацией, опасностью для своих военнопленных попасть в руки к русским, а так же и тем, что могут русские учинить в Англии, если их не вернуть как можно скорее.

25 сентября Иден получил письмо от посла Гусева, в котором утверждалось, что „отношение некоторых союзных властей к освобожденным советским гражданам характеризуется нарушением ряда установленных правил". Гусев перечислял эти нарушения: с советскими гражданами обращаются как с военнопленными, условия их содержания неудовлетворительны, многие из них отсылаются в Америку без разрешения советских властей, а лагерях ведется антисоветская пропаганда и предпринимаются попытки вербовки заключенных в иностранные армии. Все это, — писал Гусев, — „не соответствует нормам международного права и тем более духу соглашений между союзниками". Он высказывал „надежду", что британским вооруженным силам будут даны инструкции предотвра-

щать возможность повторения подобных фактов в будущем". Иден справедливо назвал это „грубым заявлением" и оно звучало особенно резко в контексте той „желчной ссоры", которая имела место между ним и Гусевым всего две недели назад.

Грубость этого послания резко контрастировала с дружеским тоном телеграммы Сталина Черчиллю и Идену от 30-го сентября, в которой он тепло приветствовал решение Идена приехать в октябре в Москву. Оба британских руководителя прибыли в Москву 9-го октября и в 10 часов того же вечера были приняты в Кремле Сталиным и Молотовым. Это была та самая знаменитая встреча, во время которой Черчилль набросал на листке бумаги „проценты влияния" Советского Союза и Запада в различных балканских странах: 90% Греции отходит к Англии, 90% Румынии — Советскому Союзу, 75% Болгарии — Советскому Союзу. Сталин синим карандашем подмахнул листок и протянул его назад Черчиллю. „Это заняло не больше времени, чем написать эти слова," — пишет Черчилль в своих воспоминаниях. 11-го октября он сообщил президенту Рузвельту: „Атмосфера здесь необычайно доброжелательная." В тот же вечер Сталин принял приглашение на ужин в английском посольстве. В этой ситуации нудная проблема советских военнопленных и грубости Гусева казались мелкими и далекими.

Тем не менее Иден решил поднять этот вопрос. 12-го октября он телеграфировал из Москвы:

> Вчера за ужином маршал Сталин вскользь коснулся вопроса русских военнопленных в Англии. Маршал сказал, что он был бы крайне признателен, если бы была достигнута договоренность об их возвращении. Я сказал, что мы будем рады сделать все, что возможно, и хотя существуют весьма серьезные затруднения с морской транспортировкой, мы сейчас пересматриваем наши возможности. ...Маршал повторил, что мы бы сделали ему большое одолжение, устроив для него это дело. Я заверил его, что мы сделаем все возможное, чтоб помочь, и выразил уверенность, что его правительство в свою очередь сделает все возможное в отношении английских военнопленных в Германии, когда Красная Армия освободит их из немецких лагерей. Маршал сразу же сказал, что, конечно, это будет сделано. Он берет на себя личную ответственность и дает мне слово, что к нашим людям будет проявлено всяческое внимание и забота.

Удивительно, что на Идена этот неофициальный разговор произвел большое впечатление. Он еще больше убедился в том, что теперь не придется „выкупать" английских военнопленных или обменивать их на русских, находящихся в Великобритании. Таким образом отпадала необходимость отвечать на грубую ноту Гусева. Из тона телеграммы Идена вытекало, что, по его мнению, вопрос был теперь решен и противоречия преодолены. В дальнейшем будет достаточно лишь напомнить советским властям о словах Сталина, сказанных ему за ужином. Идену не приходило в голову, что Сталин возможно пытался обмануть его, и что своим подчиненным он отдал совсем иные указания. Он считал, что „в свете удовлетворительных заверений маршала Сталина" с вопросом можно благополучно покончить. Как отмечал двумя месяцами позже в своем дневнике известный писатель Гаролд Николсон: „Ему (Идену) Сталин по-настоящему понравился". Как-то за стаканом вина Иден сказал Николсону: „Сталин никогда не нарушает данного им слова." (14) Эта вера в честность советского диктатора в последующие несколько месяцев не раз приводила Идена и других руководителей союзных держав к ошибкам.

17 октября Иден снова обсуждал этот вопрос, на этот раз с Молотовым, который говорил о проблеме более определенно. Впервые упоминалась возможность того, что Великобритания будет вынуждена репатриировать военнопленных силой. Иден писал:

> Господин Молотов сказал, что советское правительство в особенности желало бы узнать один принципиальный вопрос, по которому оно не получило еще нашего мнения, а именно — согласно ли правительство Его Величества с тем, что все без исключения советские граждане должны быть как можно скорее отправлены в Советский Союз. Он настаивал на том, что эта проблема заключается не просто в транспортировке (ранее в разговоре он выразил удовлетворение моими заверениями, что в ближайшем будущем появится возможность переправить одиннадцать тысяч человек), но в том, согласно ли правительство Его Величества репатриировать в СССР всех советских граждан, независимо от желания отдельных лиц, которые в некоторых случаях не хотели бы возвращаться, потому что сотрудничали с нацистами. Советское правительство настаивает на этом, как на своем праве." (15)

Иден выразил Молотову свое согласие и сказал, что Вели-

кобритания „просто хочет в соответствии с британскими законами, передать этих людей под контроль советской администрации и советских дисциплинарных порядков до их репатриации". Молотов был этим удовлетворен, но снова подчеркнул, что „следует исходить из того, что советскому правительству будет позволено требовать возвращения всех своих граждан". Затем он пару раз повторил прежние советские жалобы, но вежливо, не употребляя задиристого тона гусевской ноты. Иден сказал ему, что он рассмотрит эти жалобы и заверил его, что „администрация и контроль, осуществляемые советскими властями над своими подданными, соответствуют нашим собственным желаниям, при условии, что английские законы будут преобладать".

Дело это было передано чиновникам более низкого ранга. Ни Черчилль, ни Иден не указывали на главную причину однобокости в понимании этого вопроса, которая заключалась в том, что Великобритания требовала просто безопасного возвращения своих граждан, которые во время боев попали в плен к врагам и хотели вернуться домой, где их, конечно, встретили бы с почетом, тогда как многие советские военнопленные не хотели возвращаться домой из реального страха, что их будут презирать и плохо с ними обращаться только за то, что они были в плену. Но этот наиболее постыдный факт, факт того, что многие советские граждане желали остаться на Западе, вследствие ли их службы в немецких войсках, или просто в силу их ненависти к советскому правительству, усиленно обходился во всех англо-советских переговорах о военнопленных на высшем уровне.

Были предприняты усилия для осуществления соглашения, и, как сообщал Иден Молотову, 31 октября десять тысяч пленных отчалили из Англии в Мурманск. Это был кратчайший морской путь между Англией и Советским Союзом, занимающий в целом три-четыре недели плавания, но его обычно избегали из-за опасности воздушных налетов с немецких баз в Норвегии. Первая партия в основном состояла из людей, которые не выказывали резкого нежелания вернуться, их страх наказания не достиг еще той степени, которая вынудила бы их пойти на отчаянные поступки. Многие из них верили обещаниям, данным им советскими офицерами в Англии, что на родине они не подвергнутся никакой опасности. Только двенадцать из них пытались сопротивляться, но их без труда погрузили на борт силой.

7-го ноября находившийся в Мурманске английский майор С.Дж. Крегин видел военнопленных сразу же после выгрузки с корабля Скифия. Он заметил, что они были одеты в английскую военную форму и что многие несли с собой небольшие свертки с личными вещами. Но никакой заранее подготовленной торжественной встречи и никаких удобств им приготовлено не было. Вместо этого их построили в колонны и под вооруженной охраной они промаршировали в лагерь, находящийся за городом. Американский дипломат Мелби, наблюдавший подобную сцену, сообщал, что „военнопленных приветствовали в порту с духовым оркестром, а потом строем под усиленной охраной увели в неизвестном направлении"/16) Крегин был удивлен необходимостью такой усиленной охраны, когда на 10-15 человек приходился один охранник. Правда, некоторые из них были взяты в плен в немецкой форме, но другие на протяжении всей войны сохраняли верность Советскому Союзу даже перед лицом невероятных трудностей. Таких людей следовало бы встретить как героев, а не приставлять к ним вооруженную охрану.

Но сотрудники Министерства Иностранных Дел в Лондоне не усмотрели ничего странного в отчете Крегина. Джеффри Вилсон указывал, что отсутствие приветливости — обычное явление для России. „А наличие вооруженной охраны удивляет менее всего", — добавлял он. (17) Вероятно он не знал, что это шествие в близлежащий лагерь с последующей общей проверкой, было лишь началом долгих лет принудительного труда, которые ждали всех репатриированных независимо от того , сохраняли ли они верность или служили у немцев. Их всех ожидали лагеря, где невыносимые холод и голод превращали жизнь в бесконечный кошмар, вынести который могли лишь наиболее сильные и духовно устойчивые.

До конца 1944 года проблема русских военнопленных касалась главным образом британцев, потому что именно сюда попадали они после сдачи в плен при освобождении. Но у американцев тоже имелись свои лагеря, где за четыре месяца после высадки союзников собралось 28 тысяч русских в немецкой форме. Часть из них они держали в Англии или во Франции, других переправляли непосредственно в Америку. Особое раздражение советских властей вызывал факт того, что часть их граждан переправляют через Атлантику; именно этот пункт отмечался в списке претензий, посланном советским послом в Вашингтоне Андреем Громыко Государственному секретарю

Эдварду Стеттиниусу 23-го сентября. По тону это письмо напоминало „грубое заявление", посланное Гусевым Идену.

Американцы поняли довольно рано, что проблема обещает быть трудной. Когда генерал Эйзенхауэр спросил у советских военных представителей, что делать с советскими гражданами, захваченными в немецкой форме, они ответили, что „такого вопроса вообще не возникнет, потому что русских, работавших на немцев не существует". Заявление было нелепым, но не требовало немедленных действий, поэтому в течение нескольких месяцев Америка держала советских военнопленных и рассматривала их как немцев.

Великобритания держала Соединенные Штаты в курсе дела относительно переговоров со Сталиным и Молотовым в Москве, но судя по всему англичане ничего не сообщили о предшествующих спорах в Кабинете министров и о решении о насильственной выдаче советских граждан. 1-го октября советник по этому вопросу при Государственном Департаменте США Бернард Гафлер писал о „новой политике по отношению к советским гражданам", отмечая, что Соединенные Штаты последуют в этом вопросе за Великобританией. „В результате принятия этой новой политики, советским властям будут выданы военнопленные, которые до настоящего момента находились вне сферы их контроля из-за своего нежелания возвращаться в Советский Союз", — отмечал Гафлер. (18)

2-го ноября начальник штаба Рузвельта адмирал Лихи писал Стеттиниусу: „Поскольку Военное Министерство и Министерство Иностранных Дел Великобритании пришли к решению о возвращении советским властям всех без исключения советских граждан..., для правительства Соединенных Штатов было бы нецелесообразно предлагать советскому правительству какое-либо иное решение в отношении лиц данной категории." (19) Двадцатого сентября Стеттиниус телеграфировал: „Политика Соединенных Штатов в этом вопросе заключается в том, что все те, кто объявляет себя советским гражданином, должны быть переданы советскому правительству вне зависимости от их желания." (20)

На первый взгляд политика Великобритании и Америки была одинаковой, но на самом деле тут имелось существенное различие, которое любой юрист заметил бы: в американских документах постоянно проскальзывала ссылка на „провозгласивших себя советскими гражданами". Это различие проявляется в переписке между помощником Директора Военной По-

лиции генералом Б.М. Брайзном и майором Дж.С. Торпом, состоящем при английском военном штабе в Вашингтоне. Торп разъяснил Брайзну, работающему для американского Военного Департамента, что Великобритания „руководствуется признанием факта, что Советский Союз является нашим союзником и ему как и другим союзным странам, следует предоставить право поступать со своими гражданами как он хочет". Торп ссылался на недавнюю встречу в Лондоне Геппа и Васильева и цитировал заявление последнего: „СССР хочет репатриации всех советских граждан, независимо от того, как они себя вели в плену... Все без исключения должны быть возвращены в Советский Союз."

Существовало явное расхождение в терминах „советские граждане" и „называющие себя таковыми". Разница заключалась в том, что американцы считали немцем всякого пленного, взятого в немецкой форме, если он не заявлял о своей принадлежности к другой стране. Так они интерпретировали Женевскую Конвенцию. Лицам, советское гражданство которых было очевидным, все же задавался вопрос об их подданстве. Если они называли себя советскими, их направляли в один из трех специальных лагерей: в Форт Дикс (Нью Джерси), Винчестер (Виргиния) и Руперт (Айдахо). Таким образом уже на этой ранней стадии Государственный Департамент признал, что всякий „объявляющий себя советским гражданином" будет возвращен в Советский Союз независимо от его желания. Военное Министерство к этому моменту еще не признавало такого условия.

Но если советский гражданин, взятый в плен в немецкой форме, утверждал, что он немец, американцы считали его таковым и он подпадал под защиту Женевской Конвенции. Американцы указывали англичанам, не разделявшим такую точку зрения, что их — американская — позиция всегда заключалась в том, чтобы определять гражданство военнопленного по его мундиру. Однако офицерам в лагерях казалось странным считать людей, явно из Советского Союза, и к тому же не говоривших по-немецки, немцами. Они обратились с этим вопросом к генералу Брайзну и 21-го декабря он издал следующий приказ: „Спрашивайте их в первую очередь, считают ли они себя советскими гражданами? Если они считают себя советскими, им придется отправиться назад. Если они не считают себя советскими подданными, они останутся... Другими словами, если парень достаточно умен, он скажет:

„Нет, я немец." И тогда он немец."

Причина этой странной политики заключалась в том, что в составе американской армии сражалось много не американских подданных и некоторые из них попадали к немцам. Соединенные Штаты хотели, чтобы со всеми — и с американцами, и с другими — обращались как с военнопленными. Их пугала идея насильственной репатриации людей, взятых в немецких формах, и заявлявших, что они немцы. Американцы опасались, что если бы они поступили подобным образом, то немцы применили бы такие же санкции против не-американцев, взятых в плен в американских формах. Но англичане рассматривали эту линию как непоследовательную и недейственную, на что и указывали в своем официальном письме в Вашингтон: „Если бы эта точка зрения была принята, то все предатели смогли бы уйти от ответственности и просто надев вражескую форму и активно сражаясь против своей страны, требовать, чтоб с ними обращались как с военнопленными." (22)

8-го ноября Стеттиниус ответил на ноту Громыко. Невозможно еще сказать, — писал он, — сколько военнопленных, содержащихся в американских лагерях, „объявило себя советскими гражданами". Ведь американцы держали в общей сложности 300.000 человек, и было еще невозможно опросить каждого из них. Но как только это будет сделано, их передадут советским представителям в Западном порту для отправки в Россию. Между тем их обеспечат работой и они будут получать по 80 центов в день. На этой стадии удалось избежать проблемы советских граждан, которые не „заявляли" о своем гражданстве.

Государственный Департамент и отдел Военного Министерства, который возглавлял Брайэн, пришли к соглашению, что хотя не следует применять против этой группы огнестрельного оружия, „необходимо принять определенные меры для предотвращения побегов и, в случаях необходимости, применять силу для выдачи этих лиц советским представителям". В лагере Руперт их следовало отделить от оставшейся тысячи военнопленных и выделить для них специальную охрану. Неделей позже была проделана попытка распустить лагерь, а пленных отослать в Советский Союз. Е. Томлин Бейли из Отдела Особых Военных проблем докладывал: „Из 10.000 человек, погруженных на судно, около 70-ти не хотело ехать. Эти семьдесят, однако, ранее заявили о своем советском гражданстве, очевидно, не предвидя последствий. Трое из них

пытались покончить с собой, — один повесился, другой поранил себя ножом, а третий пытался разбить голову о балку в своем бараке. В конце концов все трое были доставлены в порт." (23) Двадцать девятого декабря советский корабль „Урал" отчалил из Сан Франциско, имея на борту 1.179 русских, включая и этих троих.

Военный министр Генри Стимсон в своем написанном от руки меморандуме выражал опасения по поводу такого рода политики: „Я думаю, у нас нет необходимости вставать на опасный путь, выдавая советским властям немецких военнопленных русского происхождения. Прежде всего мы будем нести ответственность за массовое убийство этих русских. Это приведет к тому, что такие пленные перестанут нам сдаваться. Предоставьте русским ловить своих русских." Беспокойство Стимсона возросло после того, как 5 января 1945 года он получил письмо от Генерального прокурора США Роберта Х. Джексона. Джексон писал, что известия о насильственной репатриации его обеспокоили:

> Вышеупомянутые лица вывозятся из Соединенных Штатов без соблюдения положений иммиграционных законов о депортации и договоров о выдаче иностранных граждан. Я ставлю под серьезное сомнение юридическую правомочность или законность выдачи граждан, не желающих возвращаться. При этом может возникнуть и такой вопрос: соблюдает ли правительство условия Женевской Конвенции о военнопленных, передавая этих военнопленных союзнику по войне, который не связан этой Конвенцией?

Стимсон направил это письмо в Государственный Департамент. Он писал, что склонен думать, что Генеральный прокурор прав: „Я полагаю, что перед тем, как выдавать кого бы то ни было Советскому Союзу, мы должны убедиться, что выдаем их не для казни или наказания." Удивительно, что ни Стимсон, ни Генеральный прокурор Генри Джексон (оба члены Кабинета Рузвельта) не знали о соглашении по этому вопросу, уже заключенному Англией и принятому Америкой. Лишь в ответ на свое письмо от 5-го января Стимсон получил сообщение, что „объявившие себя советскими гражданами" насильственно репатриируются и что 8-го ноября советскому послу было направлено письмо с согласием на эти действия. В силу этого Стимсон мог сделать едва ли больше, чем просто

передать это сообщение Джексону. 11-го января он описал ему ситуацию и объяснил, что Советский Союз настаивает на том, чтобы с советскими военнопленными обращались точно так же, как обращаются с американцами, освобожденными Красной Армией в Европе. Русским было указано, — писал Стимсон, — на нелогичность одинакового отношения к этим двум группам лиц, но они не высказали намерения изменить свою позицию. В основе этой советской позиции содержалась скрытая угроза: „Отказ передать советскому правительству граждан, признавших свое советское гражданство, даже вопреки их желанию, может повлечь за собой дальнейшее задержание американских военнопленных, находящихся в советских лагерях." Государственный Департамент заверил его, — заключает Стимсон, — что перед принятием этого соглашения „были тщательно рассмотрены все соответствующие международные законы, равно как и вытекающие из них практические вопросы".

Хотя теоретически от Америки требовалось насильного возвращения только таких русских, кто наивно объявили себя советскими гражданами, однако вскоре выяснилось, что такая политика не удовлетворит Советский Союз и что со временем Америке придется расширить контингент лиц, подлежащих выдаче и как англичане, выдавать всех советских граждан без исключения. 11-го ноября американский поверенный в делах в Москве Джордж Кеннан сообщил, что в советской прессе и в официальных кругах все громче раздаются требования о немедленной и всеобщей репатриации. Кажется они опасаются, — писал Кеннан, — что если эти военнопленные немедленно не будут доставлены на родину, то они могут стать источником неприятностей. Но, пожалуй, еще больше советские власти опасаются, что может пострадать престиж Советского Союза, если станет широко известно, что предложения о репатриации не вызывают энтузиазма у пленных советских граждан." (24) Десятого января посол Соединенных Штатов Аврелл Гарриман сообщал из Москвы: „Сообщения о нежелании этих людей возвращаться, а также разжигание этих настроений, чем, якобы, занимаются иностранные власти, вызывают в Москве повышенную чувствительность." (25) Гарриман знал, что советская пресса полна рассказов о тоскующих по дому советских гражданах и о той радости и счастье, которые их ждут по возвращении на родную землю. Но из сообщений о прибытии английских ко-

раблей в Мурманск в начале ноября он знал также, что все это было неправдой. Подобные статьи, — писал Гарриман, — „явно отражали желание развеять подозрения тех, кто еще оставался заграницей",

Тем не менее в американских кругах, так же как и в Великобритании, складывалось мнение, что другого пути не существует и что следует подписать официальное соглашение, продоставляющее советским властям то, чего они добиваются. Речь шла о советском престиже. Для кремлевских руководителей было невозможно признать, что миллионы их граждан добровольно дезертировали из Красной Армии и сражались на стороне Германии. Признать это означало бы признать свою несостоятельность в самом широком смысле, а это было также невозможно, как отставка Сталина. Буквально накануне высадки западных союзников Молотов категорически заявил Идену, что число русских, воюющих на стороне врага, „весьма незначительно". Несколькими днями позже Иден писал в Министерство Иностранных Дел: „Я думаю, что это не так." Но даже на этой ранней стадии он считал необходимым добавить: „Я склонен думать, что было бы совершенно бесполезно возобновлять спор. Советское правительство никогда не признает правды по этому вопросу." (26)

Таким образом, правительства Англии и Америки, не в первый раз за время войны, сочли нужным принять за правду то, что навязывалось им советскими властями и что на самом деле было ложью, причем каждая из трех сторон знала, что это ложь. И еще раз соображения мировой политики и военной мощи возобладали над необходимостью говорить правду, а не ложь. Великобритания уже более пяти лет находилась в состоянии войны. На рубеже 1944-45 годов запахло победой, но союзникам пока еще не дано было ее по-настоящему осязать. После успехов, вызванных высадкой союзных войск, в Англии и Америке оптимисты надеялись, что война закончится к Рождеству, однако этого не произошло. Усиливалось разочарование, рождались тайные страхи, что какое-нибудь дьявольское чудо спасет Гитлера от поражения.

16-го декабря тревоги западных союзников обострились знаменитым немецким наступлением в Арденнах. В течение месяца американские и английские войска были вынуждены отступать на широкой линии фронта в южной Бельгии. В конце января наступление было отбито и немцы отступили за свои границы, но весь этот эпизод произвел сильное впечат-

ление на Запад, заставил его понять, что фашистский зверь, хотя и загнан в угол и терпит поражение, все же еще представляет серьезную угрозу, и что не следует недооценивать этот источник насилия и смерти.

В противоположность этому, для Красной Армии январь был месяцем триумфального шествия через Польшу и восточную часть Германии. После переправы через Вислу и овладения Варшавой 17 января, русские двинулись по неудобным для обороны польским равнинам, по северной Прибалтике и по направлению к Одеру. К концу месяца под контролем Красной Армии находилась вся Польша, вся Восточная Пруссия за исключением крепости Кеннигсберг, и она была уже готова форсировать Одер. Никогда еще западная пресса так горячо не приветствовала мужество и успехи Красной Армии, так что контраст между прогрессом на Восточном фронте и неудачами на Западном был всем очевиден. Восхищение англичан и американцев русскими было искренним и легко переходило в восхищение советским правительством и Сталиным. И в самом деле, как можно было не восхищаться правительством, которое направляло эту благородную освободительную силу? Правда, антикоммунисты и эмигранты обвиняли их в самых зверских жестокостях. Но ведь эти обвинения могли быть ложными или сильно преувеличенными. А что касается этих несчастных военнопленных, то разве можно было представить, что Сталин будет наказывать всех поголовно, миллионами? Такая идея казалась абсурдной.

Важность этого вопроса снова подчеркивалась в меморандуме, посланном генералом Эйзенхауером 12 января в Объединенный Комитет Начальников Штабов из своей Верховной Ставки, находящейся тогда в Версале близ Парижа. Теперь, — говорил он, — американцы держат во Франции 21.000 русских, взятых в плен в немецких формах. В среднем каждый пятый из допрошенных военнопленных, оказался русским, и из них четыре процента нуждались в медицинской помощи.

Эйзенхауер писал: „С точки зрения содержания, управления, обеспечения жильем и дисциплины эти люди, как освобожденные граждане союзной страны, представляют серьезную проблему. Они являются постоянным источником недоразумений и противоречивых споров с представителями советской Военной Миссии, которые весьма настоятельно тре-

буют проявления заботы об их гражданах и обеспечения их хорошими условиями работы. К тому же постоянно существует угроза, что тот или иной случай перерастет в конфликт... Единственно возможным решением этой проблемы, со всех точек зрения, была бы скорейшая репатриация этих русских." (27)

Глава вторая

ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Три великие державы, договорившиеся между собой путем переписки и частных переговоров об обмене военнопленными, теперь решили официально закрепить это письменным соглашением, и наиболее удобным моментом была избрана Крымская Конференция, которая началась 5 февраля 1945 года в Ялте. В тот же день Иден писал своему американскому коллеге Стеттиниусу: „Советские вооруженные силы очень быстро захватывают лагеря английских и американских пленных, и мы знаем, что ряд английских пленных уже находится в советских руках. Несомненно, они захватили определенное число и американских пленных" (1) Иден полагал, что Красная Армия могла уже захватить десять лагерей английских пленных. Предполагалось, что там находится 50.000 человек. 9 февраля в частном разговоре Черчилль обратил внимание Сталина на этот вопрос. Они договорились поставить его на обсуждение специальных представителей трех стран и выработать текст, под которым все смогли бы подписаться.

Сначала надо было определить рамки этого соглашения, Будут ли американцы в состоянии по-прежнему проводить свою установку на репатриацию только тех, кто „признал свое советское гражданство"? МИД Великобритании направило Идену такой циркуляр: „Мы опасаемся, что подобная поправка неизбежно приведет к затяжной дискуссии с советским правительством и сведет на нет все достигнутые соглашения." (2) Американцы приняли английскую формулировку и предложение наряду с военнопленными также включить в соглашение и перемещенных лиц. Как только это препятствие было преодолено, обсуждение приняло спокойный характер. Эдди Пейдж и Джон Дин с американской стороны, Патрик Дин и Генри Филлимор с английской и представитель СССР Кирилл Новиков вели многочасовые беседы, обсуждая такие детали, как качество питания освобожденных союзных пленных, и оплату работы, которую они должны были выполнять для своих освободителей. Само собой разумелось, что русские будут работать в Англии и Америке, но когда дело коснулось того, что англичан и американцев могли заставить работать на русских (что логически было вполне естественно), то сразу же возникли зна-

чительные трудности. В конце концов все пошло своих ходом, и самый сложный пункт соглашения — решение о насильственной репатриации русских — почти не обсуждался.

10 февраля этот вопрос снова всплыл во время разговора между Сталиным и Черчиллем на Юсуповской даче. При этом разговоре присутствовали только Иден, Молотов и два переводчика — Павлов и Бирс. Отчет гласит:

> Премьер-министр говорил о трудностях, связанных с большим числом русских военнопленных на Западе. У нас их 100.000. 11.000 уже отправлено домой и в следующем месяце будет отправлено еще 7.000. Он хотел знать, как, по мнению маршала Сталина, следует поступить с остальными. Маршал Сталин выразил надежду, что они будут отправлены как можно скорее... с теми, кто воевал на стороне немцев, разберутся по их возвращении. (3)

Надо полагать, что Иден и Черчилль прекрасно понимали, что подразумевает Сталин под словом „разберутся", но они уже связали себя обязательствами и уже на этой стадии не спорили. На другой день были подписаны два двусторонних соглашения: английское — Иденом и Молотовым, американское — военным атташе при посольстве Соединенных Штатов в Москве генерал-майором Джоном Дином и советским генерал-лейтенантом Грызловым. За исключением деталей, оба соглашения были сходными по содержанию. Английское соглашение начиналось так:

> Все советские граждане, освобожденные союзными войсками, будут сразу же после их освобождения отделены от немецких военнопленных и помещены отдельно от них... Эти советские граждане будут сосредоточены в определенных пунктах и лагерях, куда недедленно будут допущены советские представители репатриационных властей... В интересах внутреннего управления и дисциплины эти советские граждане будут объединены в отряды и группы, которые будут подчиняться советским законам... Освобожденные советские граждане до их репатриации могут быть использованы на работах по управлению, содержанию и администрации лагерей и казарм, в которых они содержатся... (4)

Последний параграф этого соглашения содержал в себе

те пункты, которые и стали причиной наибольших затруднений:

Компетентные представители британских властей будут сотрудничать с соответствующими советскими представителями в Соединенном Королевстве в работе по установлению советского гражданства прибывающих с Соединенное Королевство освобожденных пленных. Они должны обеспечить таких освобожденных советских граждан транспортом до пунктов, установленных соглашением между советскими и британскими представителями, где они будут переданы советским представителям. Уполномоченные британские представители будут способствовать, по мере своих возможностей и с учетом имеющихся в их распоряжении транспортных средств, скорейшей отправке этих советских граждан в Советский Союз.

В текстах этих соглашений не было ничего, что указывало бы на возможность принудительной репатриации граждан, но в свете встречи, которая произошла в октябре в Москве и других предварительных переговоров, именно таковым было их юридическое значение. Все же, несмотря на „приглушенный тон" наиболее неприятных аспектов этих документов, все три стороны сочли самым разумным держать их в секрете. Сталин сказал, что „этот вопрос не входил в программу Конференции, и что он думает, что его не следует включать в отчеты". (5) В Белом Доме сделали вид, что соглашение заключено исключительно во благо военнопленных, и не более того. (6) Эта иллюзия все еще поддерживалась даже два года спустя. В Лондоне, когда в Министерство Иностранных Дел поступил запрос, следует ли данный документ опубликовать и зарегистрировать в ООН, как все другие, младший сотрудник Министерства Томас Бримелоу наложил на этот невинный запрос резолюцию: „КАТЕГОРИЧЕСКИ возражаю. Это соглашение должно держаться в секрете." (7)

Критика последних лет всего Ялтинского соглашения и в особенности его части, касающейся Польши, склонна предавать забвению тот восторг, с которым западный мир приветствовал это соглашение в то время. От внимания многих в Англии и Америке не ускользнули блестящие успехи Красной Армии в январе, и их беспокоила мысль, что Запад вел эти переговоры не с позиции силы. Опубликованный договор,

даже в его части, касающейся Польши, казался Западу вполне приемлемым. 13 февраля король Георг VI телеграфировал Черчиллю: „Я шлю Вам и Энтони мои самые горячие поздравления с успехом." Брендан Брекен — друг Черчилля и тогдашний министр информации — был еще более экспансивен в выражении своих чувств: ..Вся британская пресса бурно приветствует результаты усилий Аргонавтов (Крымской Конференции). Лондонская газета *Таймс* в своей передовой статье пишет об этом такими восторженными словами, что я сам мог бы подписаться под этой статьей." Американская пресса реагировала с неменьшим энтузиазмом. *Вошингтон Пост* от 1-го марта отмечала „то сердечное одобрение, которое американский народ выражает Ялтинскому Соглашению".

Естественно, что западные лидеры стремились представить союзников как единый фронт и всячески замазывали трещины разногласий. „Я чувствовал, что обязан заявлять о своей вере в добрую волю Советского Союза в надежде добиться таковой", — писал Черчилль в своих воспоминаниях. (8) Однако официальные отчеты показывают, что даже между собой и на закрытых совещаниях англичане были готовы доверять Сталину и верить его слову. Например, Черчилль говорил в британском Кабинете 19 февраля, что он „серьезно полагает, что русские искренне стремятся к гармоничному сотрудничеству с двумя англоязычными демократиями. „Сталин — человек огромной силы, к которому я питаю полное доверие", — говорил Черчилль.17 февраля он телеграфировал Сталину: „Молю Бога, чтобы Вы могли как можно дольше управлять судьбой Вашей страны, которая обрела подлинное величие под Вашим руководством." (9)

Еще более лестное письмо о Сталине написал постоянный секретарь британского Министерства Иностранных Дел Александр Кадоган своей жене Тельме 11 февраля:

> Я никогда не знал, что русские так покладисты и сговорчивы. В частности Джо (Сталин) очень хорош. Это великий человек, и он производит особенно хорошее впечатление на фоне двух других прокисших государственных чиновников... Я думаю, что Конференция имела полный успех. Мы пришли к соглашению о Польше,,, и приняли решение по ряду других вопросов, включая соглашение с русскими о наших военнопленных, которых они освободили". (10)

Секретарь британского Кабинета Эдвард Бриджес отметил 12 февраля: „Я уверен, что основное впечатление, которое мы привезем с собой из Крыма, будет ощущение необыкновенной дружелюбности наших русских союзников. Они искренне желают нам добра и хотят поддерживать дружеские отношения и сотрудничать с нами после войны." (11)

Но уже через месяц с небольшим восторженное отношение англичан несколько охладилось. 21-го марта Иден телеграфировал Молотову: „Я был удивлен, услышав, что соглашение о наших военнопленных, которое мы достигли в Ялте, не выполняется." Он отмечал, что британские представители не получают никаких сведений об английских военнопленных, освобожденных Красной Армией в Польше, и что ни американским, ни английским служащим в Польше не разрешается видеться с военнопленными и принимать меры для их репатриации. „Я должен просить Вас о немедленном разрешении на посещение нашими офицерами (включая и медицинский персонал) освобожденных районов Польши", — писал Иден. Наивное требование, ибо Красная Армия была тогда занята подавлением всяких форм сопротивления коммунистическому режиму и не имела ни малейшего желания позволить иностранцам наблюдать за своими действиями.

Дело заключалось в том, что 10 февраля на даче Юсупова Сталин согласился на присутствие английских офицеров связи в освобожденных районах, и по этому поводу существовало формальное соглашение. Этим объясняется необыкновенно решительный тон иденовской ноты. В заключение он напоминал Молотову: „Я знаю, что Вы поймете, с каким пристальным вниманием наш народ следит за судьбой своих военнопленных и за выполнением Ялтинского Соглашения." (12)

15-го февраля три английских корабля — *Дачес оф Ричмонд, Мортон Бэй* и *Хайленд Принцесс* отплыли из Ливерпуля в Одессу, имея на борту 7.000 советских военнопленных. Чарлз Райкер, корабельный плотник с корабля *Хайленд Принцесс* вспоминает, что „русские представляли собой толпу удрученных людей, потому что их заставили воевать на стороне немцев и они не ожидали ничего хорошего после того, как их выгрузят с корабля". Именно во время этого рейса некоторые русские пытались спрыгнуть за борт. Они бросались в воду, как только оказывались недалеко от берега.

„Они прыгали в море на протяжении всего пути", — вспо-

минает полковник Тамплин, работавший при советском штабе связи. Несколько человек бросилось в воду, когда корабль проходил через Гибралтарский пролив, несколько других — в Дарданеллах. В Одессе после высадки военнопленных советские охранники обыскали суда, чтобы убедиться, что никто не смог спрятаться и вернуться назад в Англию. А в транзитном лагере близ Одессы уже находилось 1.847 английских военнопленных, готовых занять их место на корабле. В конце рейса некоторые из них были опрошены и их рассказы послужили основой для некоторых особых жалоб.

Американский посол в Москве Аврелл Гарриман писал, что „Советский Союз не выполняет своих обязательств и не дает возможности нашим представителям проникнуть туда, где находятся наши военнопленные, освобожденные в Польше". В оккупированных Красной Армией районах царил полный хаос. На стенах домов были расклеены плакаты, которые по-английски и по-французски приглашали военнопленных из союзных стран отмечаться в различных пунктах по репатриации. Некоторые так и поступали, и чаще всего, после многих приключений, оказывались в Одессе, где их ожидали корабли. Другие прятались в польских домах и ожидали конца боев, когда репатриация стала бы возможна прямо через границы союзников. Некоторые храбрецы пытались пробиться прямо в Москву — единственное место, где находились американские и английские представители. Факт, что в одном или двух случаях людям без документов и не говорящим ни слова по-русски действительно удалось добиться этого, свидетельствует о том беспорядке, который царил на их пути.

Выяснилось, что со стороны советских властей не было злого умысла в отношении к союзным военнопленным. Британский отчет гласит: „Были случаи дурного обращения и грабежей, но это были исключения, а как правило, отношение советских властей было вполне доброжелательным." (13) Были жалобы, что британским солдатам угрожали оружием и отбирали у них часы. Были два случая изнасилования английских женщин. Но расследование показало, что, совершая это, советские солдаты были пьяны и не могли отличить англичанку от немки. Следует напомнить, что в эти недели советских побед грабежи были разрешены и даже поощрялись советским командованием, так же как и насилия над немецкими и австрийскими женщинами. Один британский полковой свя-

щенник, освобожденный в Польше, прибыв в Лондон, докладывал своему начальству, что „на оккупированных территориях изнасилования были так же необходимы русским, как религия благочестивым". (14)

Западные представители жаловались на плохую пищу и ужасные жилищные условия, в которых находятся их граждане. „Их медицинское обслуживание крайне плохое. Русские ничего не делают для них", — писал Кадоган в личном письме к Черчиллю. (15) Но выяснялось, что эти условия не хуже, чем те, в которых содержались служащие в Красной Армии. Мало по малу англичане пришли к выводу, что эти условия были „хорошими по русским стандартам, посредственными — по английским и варварскими с точки зрения американцев". Сразу же по прибытии в Одессу военнопленные оказывались изолированными в транзитном лагере, им не разрешалось выходить, кроме как в организованном порядке. Время от времени их возили в оперу или цирк. Райнер отмечает, что „город и порт, обстрелянные обеими сторонами, находились в ужасном состоянии." Несомненно, недостаток комфорта для американских и английских военнопленных был обусловлен скорее царящим хаосом, нежели злым умыслом.

Естественно, что Сталин и Молотов отвергли претензии западных представителей. Сталин телеграфировал Черчиллю: „Что касается британских военнопленных, то у Вас нет повода для беспокойства. Они живут в лучших условиях, чем советские военнопленные в английских лагерях, где они в ряде случаев подвергались преследованиям и даже избиениям."216) 25-го марта Сталин сказал Рузвельту, что сам он был бы рад разрешить присутствие американских наблюдателей в Польше, но „он считал себя обязанным проконсультироваться со своими генералами на местах, а те не захотели связывать себя обязательствами, волнениями и заботами об иностранных офицерах в самый разгар их собственных крайне важных военных операций". (17) Военное Министерство информировало Идена, что „мы принесли бы больше вреда, чем пользы, придерживаясь жесткой линии в отношениях с русскими, пока мы не получим более определенных сведений, что они в состоянии делать больше, чем делают сейчас". К концу апреля 3.639 британских военнопленных было репатриировано из Одессы, (18) так же как и еще несколько тысяч граждан США и других союзных государств, и это воспринималось как доказатель-

ство, что Советский Союз предпринимает значительные усилия.

Между тем, советские военнопленные в Англии представляли собой источник серьезных затруднений. К весне 1945 года общая ситуация для них прояснилась: всякий, кто объявлял себя советским гражданином, должен быть отправлен на родину, хочет он этого, или нет. Следовательно, для тех, кто боялся наказания и хотел остаться а Англии, единственной надеждой было как-то доказать англичанам свое несоветское происхождение. Для этого у них были некоторые возможности, так как существовало серьезное различие между тем, как Советский Союз и другие страны толковали понятие „советский гражданин". Англия и Соединенные Штаты не признавали советскими территории, захваченные в 1939 и 1940 годах: Западную Украину, Западную Белоруссию и Прибалтийские государства — Литву, Латвию и Эстонию. Поэтому они не могли признать советским гражданином выходца из этих стран. Нежелающие возвращаться скоро поняли, что они смогут избежать репатриации, если сумеют правдами и неправдами доказать, что в 1939 году они проживали вне пределов Советского Союза.

Разбор подобного рода доказательств был поручен англо-советской комиссии под председательством главы советской Военной Миссии в Англии генерала Ратова и офицера связи между Миссией и Военным Министерством Великобритании Р. Файербрэйса. Ратов и Файербрэйс провели долгие и мучительные часы, обсуждая „спорные случаи", когда военнопленные отказывались признать свое советское гражданство. Оба офицера имели подчиненных, говорящих на различных языках этих территорий, так что достаточно было проверить, на каком языке говорит тот или иной пленный. Например, человеку, выдающему себя за выходца из Западной Украины, приходилось трудно, если он говорил только по-русски. Он должен был знать украинский как родной, а также польский, поскольку до войны эта территория принадлежала Польше. Нельзя было доказать свое прибалтийское происхождение, не говоря на языке одной из этих стран, а Файербрэйс достаточно хорошо знал эти языки, чтобы определить, говорит человек правду или лжет. Подобная языковая проверка могла применяться и к старым эмигрантам, проведшим на Западе отрезок времени между двумя войнами, так как за 27 лет

советского режима русский язык заметно изменился. Чуткое ухо могло уловить разницу между русским языком 1917 и 1945 годов.

Первое заседание такого рода состоялось 12 апреля. За восемь часов напряженной работы Ратов и Файербрэйс разобрали пятьдесят случаев. Ратову помогали четыре советских офицера, консул Кротов и стенографистка, фиксирующая каждое слово допрашиваемых. Единственная задача Файербрэйса заключалась в том, чтобы определить, имело ли данное лицо советское гражданство в 1939 году. Если да, то человек отправлялся в новый советский лагерь в Ньюландс Корнер близ Гилфорда. Если же Фрайербрэйс сомневался, что данное лицо является советским гражданином, а Ратов с ним не соглашался, как это бывало в большинстве случае, то имя человека заносилось в „спорный список" и его помещали в специальный лагерь до окончательного решения.

14 апреля Файербрэйс отправил Кристоферу Вернеру в Министерство Иностранных Дел печальное письмо:

> Вы поручили мне самую неприятную работу, которую только можно выдумать, потому что все, признающие свое советское или польское гражданство, за редким исключением, горячо протестуют против возвращения в Советский Союз или даже в Польшу. Многие приводят веские причины своего нежелания возвращаться, опираясь на личный опыт в Советском Союзе и в Польше после вступления туда Красной Армии. Все это сводится к одной и той же длинной истории расстрелов, арестов, преследования и высылки семей. Они утверждают, что не хотят возвращаться в страну, где происходит такое и где человек лишен всяких прав. Здесь были и „кулацкие дети", которых гоняли с места на место, а один юноша рассказывал, что находился в тюрьме с двенадцати лет, пока его не освободили, чтобы взять в Красную Армию. Большинство из них говорили, что предпочитают смерть возвращению в Советский Союз и предлагали англичанам лучше расстрелять их, чем выдать советским властям. Я никогда не видел такого человеческого горя и отчаяния.(19)

Файербрэйс приложил к своему письму описание нескольких индивидуальных дел. Так, один человек открыто заявил Ратову, что он не хочет возвращаться на родину, потому что

ему стыдно называться советским гражданином. Его отец был священником, которому, чтобы он не мог проповедовать, советские власти сначала отрезали язык, а потом расстреляли его. Сам он несколько лет провел в тюрьме, бежал, месяцами скрывался в лесах как загнанный зверь, пока не разразилась война, после чего он сдался немцам. Десятки подобных историй вызывающе и бесстрашно бросались в лицо советскому генералу и его офицерам, очевидно для того, чтобы сделать еще более трудной для англичан моральную проблему выдачи их Советскому Союзу.

Ратов выслушивал все эти тирады, не делая попыток прервать говорящих и чувствуя себя очень неловко. „Ему явно не доставляло удовольствия, что советские методы раскрываются в присутствии английских офицеров," — замечает Файербрэйс. Но каждое слово записывалось стенографисткой, и Ратов, очевидно, утешал себя тем, что, попав в Советский Союз, каждый военнопленный дорого заплатит за свой вызывающий тон. Файербрэйсу было „крайне неприятно и больно" всякий раз, когда он был вынужден соглашаться с Ратовым в том, что то или иное лицо является несомненно советским гражданином и следовательно подлежит репатриации. Но каковы бы ни были его симпатии, приказ был четок и он не имел права спасать тех, кто не мог представить убедительных доказательств того, что он не является советским гражданином.

Только однажды, — рассказывает Файербрэйс, — он поддался эмоциям и спас человека. Это был военнопленный, который указал на Ратова и прокричал: „Вы убили мою мать, моего отца, вы убили моих братьев, и я прошу английского генерала — чем отправлять меня в Советский Союз, лучше расстреляйте меня тут же на месте!"После такого взрыва Файербрэйс не мог найти в себе силы осудить на смерть этого человека. Он сказал Ратову, что по его мнению этот человек — поляк, и, хотя это было явно бездоказательно, его занесли в „спорный список", на время избавив от опасности.

Но это был единственный случай, когда заведомой ложью Файербрэйс спас человека. „Я хотел бы спасти и других, но это было невозможно: приказ был четок", — говорит он. Он знал, что если будет постоянно нарушать приказы, то навлечет на себя не только гнев Ратова, но и своего начальства, особенно Министерства Иностранных Дел. Конечно, военнопленные находились в Великобритании и под английским контролем,

но Ратов не упускал случая и постоянно напоминал, что может произойти, если он не добьется своего и не заполучит всех лиц, чье советское гражданство установлено. 11-го апреля за обедом в лагере Ньюландс Корнер между Ратовым и Файербрэйсом произошел спор, во время которого Ратов заявил, что если англичане будут действовать подобным образом, советские власти задержат в Одессе пятьдесят британских военнопленных. „Как это вам понравится?" — отрезал он. С ледяным спокойствием Файербрэйс ответил: „Если ваше замечание нечто большее, чем дурная шутка, я вынужден сообщить об этом в высшие инстанции." Файербрэйс старался сделать вид, что не придает этому разговору большого значения, но в глубине души подозревал, что советские власти способны на такое, а если так, то он нес бы личную ответственность за неприятные для английских солдат последствия.

Файербрэйс был одним из первых офицеров, попавших в эту страшную моральную ситуацию: выполняя требования высшей политики, он был вынежден делать то, что ему претило. Ему было сказано, что имелись серьезные причины для подписания соглашения и для его выполнения. Что бы Файербрэйс ни думал, спорить с этим не входило в его обязанности, и было бы нелепо даже пытаться это делать. Он располагал лишь небольшой частью информации, которой обладали ведущие переговоры дипломаты. Он не мог видеть события в широком контексте. Одно Файербрэйс знал твердо: его вынуждали делать работу, которая с моральной точки зрения была ему глубоко противна.

Случай Ивана Сидорова и его жены Натальи ярко иллюстрирует те проблемы и моральную дилемму, которые поставило перед офицерами и дипломатами соглашение о выдаче советских военнопленных. Сидоров родился в 1914 году на юге России и получил инженерное образование. Он считался политически неблагонадежным из-за своего классового происхождения, и к началу войны в 1941 году неоднократно подвергался арестам и заключению на короткие сроки. В 1942 году он попал в плен к немцам и был помещен в лагерь для военнопленных. Несколько раз ему предлагали работать на немцев, но он отказывался. Однажды в лагере появился майор власовской Русской Освободительной Армии и предложил ему работать в трудовом батальоне.

Английский следователь, который допрашивал Сидорова,

объясняет в своем отчете, почему тот согласился на эту работу: „Сидорову сказали, что если он не согласится, то останется в лагере и будет голодать. Он знал, что если он начнет работать, ему рано или поздно предложат воевать против русских и не сразу согласился на это. Однако кормили в лагере очень плохо. Когда же он работал в трудовом батальоне, он получал хорошую пищу и жалованье." Его бросили на строительство дорог в Южной Украине и в 1943 году он женился на местной семнадцатилетней девушке по имени Наталья. До марта 1944 года он работал на железной дороге и на строительстве мостов, а потом его переправили на восточный берег Франции, чтобы защищать Атлантический вал в случае ожидаемого вторжения.

Наталье удалось поехать с ним во Францию. В течение трех месяцев он работал в окрестностях Шербурга на рытье траншей, а она служила в батальонной кухне. Но через несколько недель мужчин одели в военную форму и роздали оружие. Теперь они стали не трудовым батальоном, а военным подразделением. Каждый русский, кто сопротивлялся этой перемене, был расстрелян. Итак, Иван оказался одетым в военную форму вражеской армии и помогающим защищать побережье куда должны были высадиться союзники его страны. Он вдруг оказался в опасном положении. Не было ни малейших сомнений, что по советским законам он будет квалифицирован как предатель, и единственной возможностью избежать этого было остаться в лагере для военнопленных, где питание было недостаточным для поддержания жизни. 6-го июня началась Нормандская десантная операция, а 26 июня подразделение, в котором состоял Иван, попало в плен к американцам.

Иван и Наталья оказались отделенными друг от друга. Их переправили в Англию, но его послали в лагерь для военнопленных в Кемптон Парк в графстве Сарри, а ее — в общежитие Министерства Здравоохранения в Ретфорде (Йоркшир). Вскоре он и его друзья узнали, что в соответствии с английской и американской политикой все они будут отосланы домой, независимо от их желания. Иван понял, что как только он вернется в Советский Союз, его будут судить за предательство, и что единственный путь — это доказать англичанам, что он не советский гражданин. Итак, он решил выдавать себя за поляка. Однако загвоздка была в том, что ему предстояло предстать перед англо-советской комиссией по репатриации. И у

Ратова, и у Файербрэйса были говорящие по-польски помощники, которые занимались проверкой подобных заявлений. Они могли сразу же установить, что по-польски он почти не говорил, в то время как по-русски говорил прекрасно. Во время допроса он начал выкрикивать оскорбления по адресу Ратова и советских офицеров. В результате его имя было отмечено и советские стали настаивать на его выдаче.

Эта часть истории Сидорова не отличается от многих других. Многие русские военнопленные, привезенные в Англию, так же неистово сопротивлялись репатриации. Жены многих из них тоже были в Англии. Однако Ивана и Наталью спасли две счастливые случайности. Во-первых, когда Наталья попала в плен к американцам. она ожидала ребенка, и этот ребенок родился в январе 1945 года в Ретфорде. Будучи рожденным в Англии, мальчик автоматически становился британским подданным. В качестве родителей британского подданного супруги Сидоровы имели больше оснований, чем остальные, требовать разрешения остаться в Соединенном Королевстве.

Во-вторых их делом занялась Этель Кристи — член британской квакерской общины, которая во время голода 20-х годов в России принимала активное участие в деле помощи голодающим. Она стала действовать от имени Сидоровых. В результате ее усилий власти поняли, что им не удастся тихо избавиться от этой семьи. Если бы они отослали Сидоровых домой, с английским ребенком или без него, неизбежно возник бы скандал.

Итак, Сидоровы были бы сразу же переправлены в лагерь для советских граждан в Ньюландс Корнер, если бы не сын и не помощь Этель Кристи. А уже из лагеря их бы быстро погрузили на отправляющийся в Россию пароход. В Министерстве Иностранных Дел выдвигались различные аргументы против семьи. Были опрошены группы английских поляков, но они ничего не знали о Сидорове. На этом основании и на основании допроса Сидорова англо-советской комиссией, Файербрэйс сказал, что он на девяносто процентов уверен, что Сидоров является русским. Поляки сказали ему, что они считают невероятным, что человек, который между двумя войнами более двадцати лет прожил в Тернопольской области, как это утверждал Сидоров, не научился сносно говорить по-польски. Сидорова разоблачило недостаточное знание польского.

Сотрудник Министерства Иностранных Дел Джеффри Вил-

сон советовал немедленно выдать Сидорова и его жену советским властям. Это трудное решение, — признавал Вилсон, но его следует принять без сентиментов, руководствуясь практической политикой и дипломатией:

> Это решение должно быть принято независимо от того, как рассматривать жену, которая несомненно является советской гражданкой, или сына, который является британским подданным точно так же, как советским или польским. Если мы решим это дело, руководстуясь гуманными соображениями, а не на базе фактов, которые мы знаем, мы только создадим безнадежную неразбериху, и работа бригадира Файербрэйса станет абсолютно невозможной.

Патрик Дин писал, что Сидоров вполне мог лгать, заявляя, что он поляк, „потому что знал, что если его отправят в Советский Союз, он наверняка будет казнен за свою службу во власовской армии". Дин понимал, что скорей всего к Сидорову применят особо суровое наказание, „припомнив ему все те страшные обвинения против Советского Союза, которые он высказал во время допроса в присутствии генерала Ратова". Но с юридической точки зрения это не имело значения. Другой чиновник, Джон Голсуорси, писал, что единственно важное значение имеет то, что Сидоров, почти безо всякого сомнения, является советским гражданином и что „следовательно, мы ничего не можем сделать, чтобы уберечь его от русских, которым он принадлежит в соответствии с Ялтинским соглашением". То же самое относилось и к Наталье, которая была такая же советская гражданска как и ее муж. Голсуорси пришел к следующему выводу: „Итак, нет никаких юридических трудностей по поводу выдачи этих двух русских, хотя я очень удивлюсь, если они не покончат самоубийством."

Однако, думал он, существовала трудность в отношении ребенка. Ребенок имел двойное британско-советское гражданство, но пока он находится в Великобритании, британское гражданство преобладает. С одной стороны было бы трудно и противозаконно отделять ребенка от его родителей. С другой — было бы незаконно отправлять ребенка в Россию, если бы родители пожелали, чтобы он оставался в Англии. Невозможно депортировать британского подданного из Великобритании. Конечно, сами Сидоровы абсолютно не разбирались в этих

юридических тонкостях, но Голсуорси думал, что было бы опасно просто отделаться от ребенка, отослав его вместе с родителями. Проблема заключалась в том, что „если это каким-нибудь путем просочится из Ретфорда (что вполне могло случиться), это вызовало бы самую серьезную критику и вопросы относительно общей трактовки Ялтинского соглашения". Это соглашение все еще держалось в тайне и „чем меньше говорилось о нем, тем лучше".

Именно это соображение превалировало в официальных кругах. Как лучше избежать скандала? Какое решение причинит меньше хлопот Министерству Иностранных Дел и вообще властям? Любой путь был чреват трудностями. Тогда решили прибегнуть к компромиссу. Может быть есть возможность депортировать самого Сидорова, но задержать Наталью и ребенка? Ведь именно его выдачи хотели советские представители. Может быть, если выдать Сидорова, они не будут поднимать много шума из-за женщины и ребенка? На этой основе был сделан запрос в Министерство Внутренних Дел, в отдел, ведающий иммиграцией: нельзя ли разрешить Наталье и ее ребенку остаться? Первая реакция Министерства была отрицательной: „Они ни в коем случае не хотят оставить ее... Они опасаются, что если ей разрешить остаться, а мужа отослать, то начнутся бесконечные хлопоты, ибо она будет постоянно делать запросы о своем муже."

В течение всей первой половины 1945 года Иван и Наталья находились в состоянии мучительного страха, считая, что по всей вероятности их казнят, а если нет, то почти наверняка, на неопределенное время разлучат друг с другом. Наталье, вероятно, было даже хуже, потому что ей было только девятнадцать лет, она кормила своего пятимесячного ребенка и была бесконечно предана мужу. Если решение обернется против них, она должна будет оставить ребенка в Англии. Вероятно, она никогда не увидит его снова. Трудно вообразить большую муку, чем эти месяцы постоянного ужаса и ожидания разлуки с двумя дорогими ей людьми. Однажды эмиссар из советского посольства пожелал повидать ее в Ретфорде и разговаривал с ней таким грубым тоном, что ее пришлось отправить в больницу. Она находилась на грани нервного расстройства.

К июню почти все советские военнопленные были отосланы из Великобритании домой. Остались только так называемые „спорные случаи", вроде Сидоровых, и несколько

больных. Наталья знала, что британское подданство ее ребенка не может служить полной гарантией, что им разрешат остаться, потому что среди русских женщин, захваченных во Франции, имелись и другие беременные. Она знала, что с ребенком или без, все они были возвращены и только она осталась. Случай ее отличался тем, что в лице Этель Кристи она имела надежного защитника, и английские власти боялись скандала, который та поднимет, если это дело не будет решено надлежащим образом.

19-го июня Этель Кристи привезла Наталью из Ретфорда в Лондон для беседы в Министерстве Иностранных Дел. „Я была напугана и с трудом вспоминаю события того дня", — рассказывает Наталья. Измотанная месяцами ожидания, не говорящая по-английски, не понимая, какие проблемы она поставила перед международной политикой и участниками Ялтинского соглашения, она чувствовала себя подавленной в коридорах британского правительства. Обеих женщин провели в кабинет Томаса Бримелоу, который тогда занимал небольшой пост в отделе, ведающем советскими делами. „Она (Наталья) упала на колени, по русскому обычаю поклонилась до земли и умоляла меня помочь спасти ее и ее мужа от депортации. Я сказал ей, что не могу дать ей каких-либо четких обещаний, так как в отношении нее и ее ребенка еще не принято никакого решения."

Чиновники Министерства Иностранных Дел не привыкли к таким сценам. Этель Кристи рассказывает: „Бедный господин Бримелоу! Она опустилась на пол и обняла его колени, так что он не мог двигаться. Он так и замер. Мне было очень жалко их обоих." Сквозь слезы Наталья рассказала Бримелоу о том, что она пережила, стараясь остаться с мужем, о том, как она следовала за ним через всю оккупированную нацистами Европу, о своем горе, когда их разлучили и она должна была одна воспитывать и кормить их ребенка. Она сказала, что умрет без него, и Бримелоу видел, что она не преувеличивает. Слишком многое они пережили вместе, и их любовь была необычайно сильна.

Наталья привезла с собой прошение на имя Черчилля. Этель Кристи рассказывает, что произошло, когда они вышли из здания Министерства Иностранных Дел. „Она хотела передать свое прошение, и я повела ее к дому номер 10 на Даунинг Стрит (резиденция премьер-министра), рядом с Минис-

терством Иностранных Дел. Улица кишела туристами и они глазели на нас, когда я и рыдающая Наталья пробирались к дверям дома, где жил Черчилль и просовывали прошение в почтовый ящик." Потом она отвезла Наталью обратно в Ретфорд и посоветовала ей как можно терпеливее ожидать решения своей судьбы.

Перевод прошения Натальи был передан премьер-министру и в Министерство Иностранных Дел. Этот потрясающий документ начинался так: „Я умоляю Вас проявить жалость к несчастной женщине и бедному и обездоленному ребенку. На Вас вся наша надежда. Мой муж и я всю жизнь будем работать для английского народа, и мой сын, рожденный в Англии, всегда будет в долгу перед британским правительством и добрым английским народом, которые приняли его несчастных родителей." Письмо содержало в себе описание страданий этой семьи, после того как в 1941 году началась война. Наталья писала, что „только холод, голод и ужасные условия заставили моего мужа надеть на себя немецкую форму". Во время войны, — писала она, — мы страдали ужасно, и „только взаимная любовь поддерживала нас".

Наталья описывала, как ей не позволяли навещать мужа в лагере в Кемптон Парк. Он никогда не видел своего сына. Ее письмо заканчивалось так:

> Я прошу Вас помочь бедной обездоленной женщине. Ни я, ни мой любимый муж не можем вернуться на свою родину. Они никогда не поймут того, что мы оба пережили, и никогда не простят, что он надел немецкую форму. Моему мальчику только пять месяцев. Они заберут его у меня. Я знаю это слишком хорошо. Пожалейте нас, пожалейте моего несчастного мужа, пошлите нас, если возможно в какую-нибудь самую дальнюю, заброшенную и трудную колонию. Мы отдадим все наши силы на благо британского правительства и доброго, доброжелательного английского народа.

Между тем, Ивана допросил бывший британский поверенный в делах в Москве Роберт Ходжсон, хорошо говоривший по-русски. В отчетах Ходжсона содержалось много данных в пользу Сидорова: „Я не мог уловить в нем ни грана неуверенности или изворотливости. Он произвел на меня впечатление очень честного и правдивого человека." Ходжсон был возму-

щен, услышав о запугиваниях, которым подвергалась Наталья со стороны советского агента, в результате чего „она была доведена до тяжелого нервного расстройства". Его точка зрения сводилась к тому, что „инциденты такого рода крайне затрудняют для нас выполнение пунктов наших договоров" и что „мы были бы абсолютно правы, отказавшись выдать Сидорова, ибо действия НКВД становятся нестерпимыми". Он понимал необходимость поддерживать дружеские контакты с Советским Союзом и значение тех проблем, которые возникнут, если Великобритания будет явно пренебрегать условиями Ялтинского соглашения, касающимися военнопленных. Тем не менее, заключал он, „конечно, мы обязаны делать все возможное, чтобы избежать соучастия в делах вопиющей несправедливости".

Но дипломаты все еще были склонны рассматривать это дело в духе британской внешней политики. Им казалось немыслимым отказать советским требованиям и оставить Сидоровых в Англии. Они были советскими гражданами, и по соглашению, добровольно подписанному советской и английской сторонами, их следовало репатриировать, причем, если понадобится, даже силой. Некоторые британские чиновники жалели Сидоровых и понимали причины, вынудившие его сражаться на стороне немцев, но они не желали спасать его, так как этим они нарушили бы торжественное соглашение.

Они помнили вступление Англии в войну шесть лет назад именно для того, чтобы защищать принцип уважения к договорам и к международным законам. Миллионы отдали свои жизни, чтобы показать будущим гитлерам, что споры должны решаться путем переговоров, а не односторонних действий. Четырьмя месяцами ранее в Ялте между Советским Союзом и западными союзниками было достигнуто важнейшее соглашение, и часть его касалась насильственной репатриации. Летом 1945 года казалось, что Сталин придерживается этого соглашения. Он не выступил на стороне коммунистов во время гражданской войны в Греции и он склонял находившихся у власти коммунистов в Польше, допустить некоммунистов в правительство. Случай Сидоровых, возможно, был мелочью, но юридическая сторона этого дела была вполне ясной, и Министерство Иностранных Дел было в ужасе от мысли, что они будут первыми, нарушившими Ялтинское соглашение ради спасения двух человек.

Британское Министерство Иностранных Дел отнеслось с особым вниманием к этому делу не из сочувствия к Сидоровым, а из боязни гласности и неприятностей. В июне это дело обсуждалось с одним из наиболее влиятельных сотрудников Министерства Иностранных Дел Моли Сарджент, и Патрик Дин писал: „Кажется, вопрос о выдаче Сидорова и его жены теперь решен и они отправятся в Советский Союз." Это решение было принято при полном понимании того, что „когда они прибудут на родину, они понесут жестокое наказание и, по всей вероятности, будут казнены". Их рожденный в Англии ребенок, думал Дин, „будет несомненно взят на воспитание государством и, следовательно, за него можно не беспокоиться". Его смущала только мысль о том, как он сообщит об этом решении Сидоровым, а также был не решен еще один вопрос — следует ли самим родителямм решить, возьмут они ребенка с собой, или оставят в Англии. Дин полагал, что по многим причинам, было бы лучше не спрашивать мнения Сидоровых по этому вопросу. „Однако, — продолжает он, — я опасаюсь, что если мы не предупредим мать, что ребенок отправляется с ней, то при отправке их в Советский Союз, в порту или на аэродроме, она может устроить неприятную сцену и попытаться навязать ребенка сопровождающему их конвою, а это поставило бы конвоиров в крайне трудное положение, а также принесло бы много неприятностей, если б этот инцидент получил огласку."

После этого решено было передать дело Сидоровых в высшие инстанции. 9-го июля Джон Голсуорси составил пространный меморандум, в котором излагалась общая позиция младших сотрудников Отдела по советским делам. В меморандуме говорилось, что Сидоровым следует сообщить, что они отправляются в Советский Союз. По мнению Голсуорси, „это было единственно возможным решением в свете обязательств, которые взяла на себя Великобритания, подписав Ялтинское соглашение".Советские власти все еще держали некоторое число британских военнопленных, и если дело Сидоровых затянется еще на какое-то время, эти британские военнопленные могут стать заложниками. К тому же, после того, как выяснилось, что утверждения Сидорова о том, что он, будто бы, поляк, не соответствуют действительности, Ратов был заверен, что семья Сидоровых будет вскоре возвращена в Советский Союз. Если же это

обещание не будет выполнено, генерал Ратов поднимает скандал.

С другой стороны, — как отмечал Голсуорси, — некоторые русские эмигранты в Лондоне с интересом наблюдали за развитием этой истории. По мнению Голсуорси, если эти эмигранты будут недовольны решением по делу Сидоровых ,,они разгласят подробности дела, что может вызвать нежелательные прения в Парламенте." Кроме того, нельзя было забывать и о Этель Кристи — женщине уважаемой и влиятельной среди британских квакеров. Вряд ли она смолчит, если семью Сидоровых попытаются отправить в Советский Союз. Голсуорси также ознакомился с отчетом капитана Юматова о его поездке в Одессу. В этом отчете, — пишет Голсуорти в своем меморандуме, — содержатся ,, серьезные свидетельства о том, что некоторые русские военнопленные, умолявшие британские власти оставить их в Великобритании, но отправленные в Советский Союз в соответствии с Ялтинским соглашением, по прибытии на место назначения были расстреляны.". Если и этот ужасный факт получит огласку, — писал Голсуорси, — это только ухудшит положение.

Тем не менее, Голсуорси считал, что этот вопрос следует рассматривать принципиально: „Опасно проявлять мягкость в отношении подобных индивидуальных случаев... Начав делать послабления в трактовке Ялтинского соглашения по гуманным соображениям, мы обнаружим, что существует длиннейший список кандидатов на такие поблажки." Таким образом задача представляется простой: семья Сидоровых должна быть отправлена в Советский Союз. Но Голсуорси не мог не выразить своих опасений по поводу предстоящего плана и в конце своего пространного послания добавил:

> Осуществляя этот план, следует ожидать неприятностей с трех сторон: от советских властей, от сочувствующих Сидоровым и от самих Сидоровых. О первых двух факторах мы уже упомянули. Что касается третьего фактора, учитывая сильные чувства, которые питают друг другу муж и жена Сидоровы, вполне возможно, что узнав о нашем решении, жена попытается убить себя и ребенка или передать нам ребенка и покончить с собой. Возможен и другой вариант: она может притвориться, что смирилась со своей судьбой, а затем уже при погрузке на судно, попытаться покончить с собой... Само собой

разумеется, и самоубийство и побег вызвали бы нежелательный шум.

Этель Кристи получила отчаянное письмо от Натальи. Получив письмо, Этель Кристи немедленно написала в Министерство Иностранных Дел Томасу Бримелоу, сообщая ему, что в ответ на письмо Натальи она заверила ее, что „все ответственные за дело Сидоровых делают все возможное, чтоб помочь ей и ее мужу". Я познакомила Наталью со своими друзьями, — пишет Этель Кристи в своем письме, — и ее очень полюбили в семье морского офицера Хэйдона. Она им так понравилась, что они предложили ей жить с ними в Ричмонде, Сарри. Министерство Иностранных Дел могло убедиться, что поддержка семьи Сидоровых в Англии растет. „Состояние ожидания действует на нее хуже, чем на ее мужа, потому что он спокоен относительно судьбы Натальи и ребенка. У нее же нет никаких иллюзий относительно того, что с ним случится, если он будет возвращен в Советский Союз. Кстати говоря, он не намерен пересечь границу живым", — говорилось в письме Этель Кристи в Министерство Иностранных Дел.

На этой стадии британские власти начали осторожно взвешивать ситуацию. С какой стороны можно ожидать больших неприятностей? Что страшнее — советская реакция, если Сидоровых оставят в Англии, или реакция сторонников Сидоровых, если их выдадут Советскому Союзу? Несчастные Сидоровы стали, сами того не понимая, очень важными фигурами, ибо их дело могло привести к серьезному ухудшению англо-советских отношений, или поставить британское правительство в чрезвычайно неловкое положение.

Из правительственных документов выясняется, что именно в этот момент зародился совершенно новый аргумент: поскольку нет никакой возможности избежать тех или иных неприятностей, почему бы не совершить гуманный поступок и не оставить в Англии всю семью Сидоровых. Вот что писал Патрик Дин: „Следует обдумать следующий вопрос: Учитывая особые обстоятельства этого дела, не позволить ли Сидорову остаться в Англии, раз скандал с советским правительством неизбежен в любом случае." Томас Бримелоу согласился с этим: „Раз уж мы собираемся нарушить условия Ялтинского соглашения в отношении матери, почему

бы не нарушить его в отношении отца тоже." Во время своего визита в Министерство Иностранных Дел Наталья тронула сердца сотрудников Министерства, и они впервые допустили элемент гуманности и морали в свои размышления об этом деле. „Отделение матери от ребенка полностью противоречит английским законам", — отмечал Дин, а Бримелоу писал: „Если мы депортируем Сидорова, он, вероятно, немедленно будет расстрелян, а мы окажемся людьми, пославшими на верную смерть человека, который, как мы считаем, невиновен, хотя и настроен антисоветски.

Через несколько дней Патрик Дин и глава Отдела по советским делам при Министерстве Иностранных Дел Кристофер Вернер обсуждали эту проблему с Александром Кадоганом. Они решили, что дело это следует как можно скорее передать на рассмотрение министра. Кадоган направил письмо Алеку Даглес-Хьюму (в то время его именовали лордом Данглассом), а также Министру Иностранных Дел Энтони Идену:

> Это неприятное дело возникло в результате наших обязательств, принятых при подписании Ялтинского соглашения, согласно которым мы должны выдать советским властям всех „освобожденных" либо захваченных в плен советских граждан... Этот случай исключительный, поскольку ребенок формально имеет британское подданство, и я хотел бы отклонить требование советских властей о выдаче семьи Сидоровых. Это вызовет серьезный скандал с советскими властями. С другой стороны Вы сможете убедиться, что эта семья приобрела многих сторонников в Великобритании и их дело получило довольно широкую огласку. Таким образом, передача их советским властям, возможно, вызовет большой шум в Англии. Я надеюсь, что Вы готовы пойти на скандал с советскими властями в данном случае.

13 июля Энтони Иден принял решение, которое для Сидоровых означало спасение. Министр Иностранных Дел писал: „Хорошо, оставьте семью. Но как можно дольше тяните с ответом, чтобы мы могли получить назад как можно больше своих пленных. Я несколько опасаюсь ответных мер." Это было одно их последних решений Идена в качестве министра, так как двумя неделями позже выяснилось, что консерваторы

проиграли на выборах и правительство уходит в отставку. Даже тогда Сидоровым еще не могли сообщить о спасительном для них решении, так как не было еще получено формального разрешения из Министерства Внутренних Дел. Это разрешение было дано 27 августа и вскоре семье Сидоровых сообщили, что их не пошлют обратно в Советский Союз. Им не сказали, на каком высоком уровне рассматривалось их дело.

Между тем ожидаемого скандала с советским посольством не последовало — факт, который в течение последующих месяцев вызывал изумление в британских официальных кругах. Очевидно, русские тоже боялись открытого обсуждения этого дела, опасаясь раскрытия некоторых подробностей тайного соглашения. Может быть они оценили трудность проблемы отделения ребенка от матери если не с точки зрения самой семьи, которой они едва ли сочувствовали, то с точки зрения британского правительства, которое должно было это осуществить. Советские власти могли также понять, что если они публично выступят против Англии в связи с этим делом, британскому правительству останется только заклеймить Советский Союз как бесчеловечное государство. Или они просто решили, что Сидоров — слишком мелкая сошка, недостойная серьезного скандала. Здесь даже могла помочь смена английского правительства, так как это был короткий период медового месяца, когда советское правительство думало, что в лице нового премьер-министра Эттли и его социал-демократической партии оно найдет более надежных и покладистых сторонников, чем консерваторы во главе с Черчиллем. Оставалось еще много ярых врагов Советского Союза, на которых Сталин мечтал наложить руку. Сидоров проскользнул у них между пальцев, но только благодаря счастливой случайности, и едва ли стоило поднимать из-за него шум, который мог бы затруднить получение тысяч других „предателей", находящихся еще в английских и американских руках.

В декабре 1945 года Наталья и ее ребенок переехали из Ретфорда в Ричмонд к Хэйдонам. Но Ивана еще не освободили. Его перевели из Кемптон Парк в лагерь для военнопленных, расположенный в Бэри и Киркам. Тут ему сказали, что его не репатриируют, но он все еще беспокоился об окончательном решении англичан, так как слышал истории о советских гражданах, которых насильно отправляли домой даже после того, как они получали заверения в том, что им позволено

остаться. В конце 1945 года и на протяжении 1946-го советские представители рыскали вокруг лагерей для военнопленных, высматривая тех русских, которые выдавали себя за граждан других стран. Через несколько месяцев Сидоров начал понемногу жаловаться. Он хотел работать, так почему же его не освобождают? Офицеры говорили ему, что он должен считать себя счастливчиком, ибо находится в лагере в безопасности под протекцией британских военных властей.

Случай Сидорова уникален, так как он оказался единственным человеком, который обеими сторонами был признан советским гражданином и тем не менее смог остаться в Англии. Шли месяцы, и другие русские покидали лагеря: одни, признавшие себя советскими, чтобы отплыть домой, другие, сумевшие доказать обратное, освобождались, и только Сидоров оставался на месте. К концу 1946-го года он был единственным русским во всем лагере. Все остальные были немцы. И только в декабре ему вручили железнодорожный билет и велели ехать в Танбридж-Уэлс в графстве Сарри, чтобы соединиться со своей семьей. В Ливерпуле он должен был пересаживаться на другой поезд, и это беспокоило его, потому что именно оттуда корабли увозили его несчастных соотечественников в советские порты. Но оснований для страха не было. Один английский офицер даже дал ему пять шиллингов, чтобы он мог подкрепиться в поезде. „Я хотел узнать его фамилию и адрес, чтобы вернуть ему эти пять шиллингов из первой получки", — рассказывает Сидоров.

Итак, в самый канун Рождества 1946 года, после двух с половиной лет мучительной разлуки, семья воссоединилась. С тех пор их дела пошли хорошо. Вскоре Сидоров получил работу в Англии и к 70-м годам стал преуспевающим инженером. Как и большинство людей, избежавших принудительной репатриации, он питает страстную и трогательную благодарность к стране, которая дала ему убежище. „Я делал все, чтоб быть хорошим гражданином. Мы всегда аккуратно платим налоги и делаем все как надо. Здесь все так приятно и мы чувствуем себя совершенно спокойно", — говорит он. Сидоровы живут в собственном доме под Лондоном.

Сын их, без которого они наверняка были бы отосланы в Советский Союз и, вероятнее всего, расстреляны, окончил английский университет и успешно начал свою карьеру. Воспоминания о том, что случилось с ними в 1945 году еще слиш-

ком мучительны для них, и поэтому они просили автора этих строк не открывать их настоящей фамилии. В этой истории изменены их фамилии, а все другие фамилии и факты достоверных. „Сидоровы" помнят и понимают как им повезло и что их история — одна из немногих со счастливым концом. Но только через тридцать лет проживания в Англии они узнали о необычайных перипетиях, предшествовавших их спасению, что только прямое нарушение Ялтинского соглашения и личное решение Энтони Идена спасли их от гнева Сталина и дали им новую жизнь.

Глава третья

СМЕРТЬ НА ПРИСТАНИ

Те, кому не повезло как Сидоровым и которых комиссия Ратова-Файербрэйса признавала советскими гражданами, отсылались в Ньюландс Корнер — лагерь, сосредоточенный вокруг гостиницы для воскресного отдыха неподалеку от Гилдфорда в Сарри. Летиция Фэрфилд — известный врач и сестра знаменитой писательницы Ребекки Уэст, весной 1945 года часто посещала этот лагерь, так как гостила у своих друзей Стречи в соседнем доме. К этой семье принадлежал Джон Стречи — бывший коммунист, который в 1950 году стал военным министром Великобритании. Летиция Фэрфилд вспоминает: „Джон Стречи был совершенно безжалостен. Он считал предателями этих русских, потому что они были взяты в плен в немецких формах, и говорил, что они заслужили все, что с ними происходит. Как всегда, он находил оправдание всему, что делали советские русские."

Мисс Фэрфилд питала к заключенным больше сочувствия, так же как и их английский комендант, русист по профессии, который понимал, через какие испытания прошли люди, находящиеся теперь под его началом. „Его сочувствие и мягкость по отношению к ним, его чисто человеческая симпатия были одной из самых трогательных вещей, которые я когда-либо видела", — говорит мисс Фэрфилд. Она и мать Джона Стречи обычно сохраняли для заключенных кусочки шоколада из своих рационов и иногда приглашали их на чай. Лагерь не был окружен колючей проволокой, хотя заключенным было запрещено покидать его без разрешения. Для попыток к бегству было мало возможностей. У них не было денег, документов, продовольственных карточек, они почти не знали английского и им не к кому было обратиться за помощью. Всякого бежавшего было бы очень просто поймать.

Здесь никогда не собиралось больше нескольких сот заключенных, они жили в наскоро сколоченных сараях в саду гостиницы. Комендант устраивал для них концерты и снабдил их радиоприемниками. Такие условия успокаивали заключен-

ных, побуждали их верить, что на самом деле их не отошлют обратно в Россию. Конечно, каждый пленный, представший перед комиссией, заносился в черный список и, попав в Россию, им было уже несдобровать. Мисс Фэрфилд рассказывает: „Они говорили нам, как они боятся возвращаться. Они были чрезвычайно этим напуганы. Но все они были уверены, что англичане не допустят их выдачи. Я помн-, как однажды гуляла по саду с одним парнем из очень отдаленной части России. Он сказал мне: „Англичане никогда не отправят нас назад, Англичане очень добрые." У меня прямо упало сердце при этих словах."

В конце концов пришло время военнопленным уезжать, и комендант сопровождал партию из лагеря в Гилль, где их ожидали суда, чтобы забрать в Россию. Ночь они провели в сарае на пристани, где им сообщили, что на следующее утро начнется погрузка. Ночью за комендантом пришел его помощник и повел его в сарай, где в петле висело тело одного из заключенных, повесившегося на балке.

Через несколько дней комендент встретился с госпожой Стречи и Летицией Фэрфилд. „Я помню, он разрыдался, рассказывая нам об этом. Он сказал, что увидев тело повесившегося, он почувствовал себя убийцей", — вспоминает Летиция Фэрфилд. В последующие недели многие английские офицеры испытали подобные душевные страдания. Закаленные в боях мужчины, не дрогнувшие под пулями, проявляли несвойственные эмоции перед лицом такой невоенной ситуации, когда их вынуждали обманывать людей, которые им доверяли, усыплять их бдительность иллюзией ложной безопасности, а потом передавать их на возможную смерть.

В конце марта произошел подобный безобразный инцидент. Соединенные Штаты получили разрешение переправить 6.000 советских военнопленных, захваченных в немецких формах, в Ливерпуль, откуда они должны были отправиться домой. Британские власти были против этого. Перевозка такой огромной партии отчаявшихся людей была связана с огромным риском. Была к тому же и юридическая сложность: по соглашению эти лица не были военнопленными, а были гражданами дружественной страны, а потому не было никаких юридических оснований для того, чтобы их содержали под стражей солдаты Великобритании и США. Однако практические соображения и необходимость перепра-

вить этих пленных перевесили все эти соображения юридического порядка, и американцы получили разрешение на операцию. Было решено, что Файербрэйс присоединит к ним еще 150 русских военнопленных, находящихся у англичан, причем каждый из них недвусмысленно высказывал свое нежелание возвращаться домой.

28 марта помощник Фейербрэйса полковник Тэмплин сообщил по телефону Патрику Дину тревожные новости: „К несчастью, один из русских, подлежащих выдаче, повесился в лагере Скарсбрук перед самой отправкой партии в Ливерпуль, а другой перерезал себе горло на пристани в Ливерпуле и находится при смерти."

Полковник Тэмплин вспоминает, как он поднялся на корабль и в одной из кают нашел умирающего. Он хотел отправить его в береговой госпиталь, но советские представители настаивали на том, что тот должен быть отправлен вместе с кораблем. Эти новости вынудили Патрика Дина ответить: „Крайне неприятно, что мы отсылаем в Советский Союз лиц, которые, какова бы ни была их степень сотрудничества с немцами, предпочитают покончить с собой, чем вернуться в собственную страну." Тем не менее, продолжал он, эти люди несомненно относятся к категории советских граждан. Великобритания связана международным соглашением об их выдаче и должна поступать соответствующим образом.

Но человек умер, и Дин очень беспокоился, что надо начинать расследование, а это означало бы утечку информации в прессу и разоблачение некоторых аспектов Ялтинского соглашения. Дин писал, что за последнее время имели место четыре или пять случаев самоубийств, а это давало повод для политических осложнений. Даже по законам военного времени было невозможно производить разбирательство тайно, ибо для этого надо было убедить суд, что необходимо сохранить секретность в интересах общественной безопасности, обороны и монархии. В данном случае на это нельзя было ссылаться. „Я бы хотел спрятать это за пунктом 18-б или за каким-нибудь другим ограничением военного времени", — замечает Моли Сарджент. В конце концов прессе „посоветовали" не оглашать этого дела. Время было военное, и журналисты поступили так, как им было сказано.

Путешествие в Одессу было тяжелым. Отношения между английскими и советскими офицерами были напряжен-

ные. Английский переводчик Чеслав Есман рассказывал, что на борту *Альмазоры* с военнопленными проводились постоянные беседы, имеющие целью подготовить их к возвращению к советской действительности. Им говорили, что Англия согласилась освободить и отпустить их домой только под сильнейшим нажимом. Пленным, которые задавали наивные вопросы о высоком качестве питания на судне, докладчики говорили, что *Альмазора* — это образцовое судно английского торгового флота, а на других судах, будто бы, условия совершенно ужасные.

В Стамбуле судно остановилось, чтобы подобрать четырех советских граждан, которые спрыгнули с предыдущего корабля в Дарданеллах и были задержаны турецкой полицией. Когда пленных взяли на борт, старший из советских офицеров, майор Шершун, откровенно сказал англичанам, что задержанные по всей вероятности будут отправлены в „исправительно-трудовые лагеря". (2) Проблема заключалась в том, — объяснил он, — что невозможно точно определить, с кем общались военнопленные, и кто из них сотрудничал с немцами, а кто — нет.

Альмазора прибыла в Одессу 18 апреля, и в тот же день, как только русские сошли на берег, Есман услышал две автоматные очереди за большим строением на пристани. Несколько позже ему удалось поговорить с одним из советских охранников, и тот сказал ему, что это расстреляли на месте двоих за сотрудничество с английской полицией и за то, „что они продались капиталистам". Есман доложил об этом капитану корабля Баннистеру и старшему из английских офицеров полковнику Бойлу, однако официального протеста не последовало. Теперь военнопленные были советскими гражданами на советской территории, и их судьба больше не касалась англичан.

В результате этого случая на *Альмазоре* в советской печати появилось одно из немногих упоминаний о насильственной репатриации. В начале 1963 года, в апогей так называемого хрущевского „либерализма" *Новый Мир* в нескольких номерах печатал воспоминания известного писателя Ильи Эренбурга. В мартовском номере Эренбург описывает, как его дочь Ирина приехала в Одессу от газеты *Красная Звезда* и видела прибытие судна: „На борту находились наши собственные военнопленные, некоторые из них бежали из немец-

ких лагерей и сражались вместе с французскими маки. Ирина рассказывала мне, что их встретили как преступников и изолировали. Говорили, что их отправили в лагеря."

Но самые страшные события произошли на английском судне *Эмпайр Прайд* , которое отплыло из Ливерпуля 23-го мая. С самого начала было ясно, что путешествие будет трудным. Среди русских было много больных — сказывались условия их пребывания в немецких лагерях. Несколько человек страдало тяжелыми формами туберкулеза и не надеялось дожить до конца пути. Больных было так много, что одну палубу пришлось превратить в больничную палату. В партии находилось и несколько женщин, почти все — беременные.

Майор Т.Р. Кроуфорд из Управления по делам военнопленных наблюдал в Ливерпуле за их погрузкой. Он вспоминает, что генерал Ратов обратился к группе из сорока военнопленных, которые отказывались подняться на борт и заверял их, что все их проступки на немецкой службе полностью прощены. Слова советского генерала не произвели впечатления. Кроуфорд говорит: „Моя постыдная роль в насильственной репатриации этих сорока, сцена, когда восемьдесят вооруженных охранников силой втаскивали их на борт — все это до сих пор остается одним из моих самых мучительных воспоминаний."

Пленных на корабле сопровождали два офицера из группы Файербрэйса: Джеймс Мартин и Джордж Юматов — канадец русского происхождения, чья семья эмигрировала в 1920-м году, а также полковник Мирошниченко из советской Военной Миссии и двое его подчиненных. Неприятности начались уже при погрузке трех тысяч русских. Основную массу людей привели на пристань в колоннах. Некоторых внесли на борт на носилка. А группу примерно из двенадцати человек сопровождала усиленная охрана, по два солдата на каждого военнопленного. Когда группа подходила к сходням, один из военнопленных наклонился, разбил о землю фаянсовую чайную кружку и осколком перерезал себе горло.

Мартин и Юматов решили срочно отправить его в больницу в Ливерпуль, но тут вмешались советские офицеры, которые требовали доставить его на судно. Его имя значилось в списках, — сказали они, — и оставить его ни в коем случае нельзя, к тому же судно хорошо оборудовано для медицинс-

кой помощи. Английский врач осмотрел истекающего кровью и тут же на месте зашил ему горло. Его доставили на корабль и заперли на гаупвахте, несмотря на то, что она была свежевыкрашена в ярко-зеленый цвет. Юматов пишет:

> Этого человека раздели догола и руки привязали к койке. Тем не менее он дважды срывал швы, и только после впрыскивания успокоительного, его удалось усмирить. Я никогда не забуду этой картины — окровавленный человек, выпачканный зеленой краской среди забрызганных кровью зеленых стен.

30-го мая, когда *Эмпайр Прайд* проходил Гибралтар, человек по фамилии Даченко прыгнул в море и быстро поплыл к африканскому берегу. Была объявлена тревога, но поиски не увенчались успехом. Через несколько минут капитан сказал, что нет никакой надежды обнаружить его в темноте, и корабль поплыл дальше. Ширина пролива была в том месте около восьми миль, — вспоминает Юматов, — и до берега было очень далеко. С корабля видны были только его мерцающие огоньки. Мало вероятно, что Даченко достиг африканских берегов, скорее всего он утонул. Через несколько дней еще несколько человек спрыгнуло за борт в Дарданеллах. Их подобрал турецкий патрульный катер, и они были доставлены обратно на судно. Один из них после этого попытался бритвой перерезать себе вены. Его схватили и посадили под замок.

Самым неприятным во всем этом путешествии было поведение военнопленного майора Поляченко, который каждый день приносил Мирошниченко и другим офицерам из Военной Миссии списки лиц, сотрудничавших, как он утверждал, с немцами или совершивших другие преступления против советской власти. Часть из них — тридцать человек — были тут же арестованы и заперты в каюты, но Поляченко каждый день доносил на 15-20 человек и для всех его жертв не хватало кают. Поэтому остальные — Юматов думает, что число их колебалось между двумя-тремя сотнями — оставались на свободе, не подозревая, что их имена были внесены в черные списки. Английские офицеры с нарастающим страхом наблюдали за событиями и ждали, что произойдет, когда они прибудут в Одессу.

Корабль причалил к одесской пристани 10-го июня и в половине седьмого вечера началась разгрузка. Большинство

военнопленных сходило на берег без охраны и не сопротивлялось, но Юматов и Мартин были потрясены тем, что советские почти не проявляли заботы о больных. В своем рапорте Юматов сообщал:

> Советские представители отказались признать кого бы то ни было лежачим больным, и даже умирающим было приказано самим нести свои вещи. Вынесли только двоих: человека с ампутированной правой и сломанной левой ногой, и другого, находящегося без сознания. С тем, кто пытался покончить с собой, обращались так грубо, что его рана открылась и кровоточила. Его спустили с судна и провели за здание склада на пристани. Раздался выстрел, но ничего не было видно. (3)

После того, как между 10-ю и 11-ю часами на берег сошли остальные, Юматов увидел, как партию из 31 военнопленного, находившихся на судне под строгим арестом, провели в пакгауз в пятидесяти метрах от причала. Юматов и Мартин остались на пристани, ожидая, что будет дальше. Через пятнадцать минут из пакгауза раздалась громкая автоматная очередь. Юматов рассказывает: ..Мы переглянулись и кто-то из нас сказал: — Ну вот, этим ребятам конец." Еще через двадцать минут из пакгауза выехал закрытый грузовик и направился к городу. Видя, как этих людей сгружали с судна, офицеры не удивились, услышав выстрелы. Однако для них было полной неожиданностью, что в этой партии находился и Поляченко — доносчик и главный помощник в составлении черных списков, который, по всей видимости, был убит вместе со своими жертвами. Это была классическая техника, но, по словам Юматова, удивительный поворот событий „несколько осветил этот во всех отношениях мрачный день".

Было около полуночи. Английские офицеры и команда отправились спать. Некоторым из них разрешили наутро сойти на берег. После долгого спора о паспортах и пропуске на берег, Юматов и два советских офицера сели на пристани в джип и отправились позавтракать в одесскую гостиницу *Лондон.* В нескольких метрах от парохода джип вдруг остановился, потому что дорога была заблокирована большим грузовиком, шофер которого отказывался тронуться с места несмотря на всеобщие требования. Юматов обнаружил, что он находится рядом с тем самым пакгаузом, куда накануне были брошены

31 военнопленный и откуда он слышал выстрелы:

Я вышел из джипа и подошел к окну, расположенному в шести футах над землей. Но благодаря суматохе я без труда нашел ящик, достаточно легкий, чтобы его перенести, и достаточно большой, чтобы дать мне несколько дюймов, которые требовались для обзора. Я увидел длинное складское помещение со стенами, забетонированными до уровня окон и с большой задвигающейся дверью в конце. По правую руку около маленькой металлической и тоже задвигающейся двери бетон был сильно выщерблен и покрыт дырами. Пол и часть стены были запачканы темными пятнами.

После этого, — говорит Юматов, — у него не осталось ни малейших сомнений, что накануне 31 военнопленный был расстрелян. Правда, сам Юматов не был свидетелем расстрела, но сила доказательств — стаскивание военнопленных с корабля, автоматная очередь за складом, появление крытого грузовика, выщербленные и забрызганные кровью стены и пол — все это убедило английских офицеров, что произошла бойня. Это было последней каплей для капитана *Эмпайр Прайд*. Он заявил, что не пустит офицеров советской Военной Миссии на возвращающийся корабль. Английским офицерам пришлось повторить избитые аргументы, что существует договор о репетриации, что советские внутренние дела не имеют отношения к Великобритании, прежде чем капитан согласился взять представителей советской Военной Миссии на борт.

Несколько тысяч французских и бельгийских военнопленных заняли на корабле место русских заключенных. Они были освобождены Красной Армией в Восточной Европе и, как писал Юматов, находились в ужасном состоянии: их, ослабленных лагерями, заставили пешком пройти сотни километров до Одессы. На протяжении всего путешествия капитан корабля и команда бойкотировали советских офицеров, но Мартин и Юматов были лишены этого небольшого удовольствия. „Приходилось сохранять корректные отношения. Мы должны были избегать любого инцидента, который мог бы вызвать дипломатические трения", — объясняет Юматов. В разговорах с русскими они всячески избегали упоминаний о судьбе советских военнопленных, и вообще они мало в те дни видели этих офицеров, потому что все время занимались делами

французских и бельгийских военнопленных, которые сошли на берег в Марселе. Английские и советские офицеры тоже сошли здесь и вместе перелетели в Англию. Предстояло еще масса работы по репатриации, и тем и другим надо было работать вместе, согласованно, невзирая на личные чувства друг к другу.

Юматов, который служит теперь англиканским приходским священником недалеко от Онтарио в Канаде, был глубоко потрясен тем, что случилось в Одессе:

> Большинство из нас — сотрудников группы связи с русскими — были русскими по рождению. Во время революции родители вывезли нас из России. Мы имели дело с людьми, которые вполне могли быть нашими родственниками и которые во всяком случае были нашими союзниками, но тем не менее они обращались со своими собственными сородичами хуже, чем со скотом... Это было бездушным неуважением к человеческому достоинству, и жесткая сталинская политика, по которой все военнопленные — предатели и нелюди, проявляла себя со всей очевидностью.

Юматов ощущал также и ложность своего положения. Почти год он занимался тем, что успокаивал русских, находящихся в Англии, уговаривал их не бояться репатриации и убеждал, что если они только по-хорошему согласятся вернуться домой, все будет в порядке. Потом, в Одессе, он неожиданно столкнулся с фактами, убедившими его, что все далеко не так благополучно. Он не думает, что все 3.000 русских с *Эмпайр Прайд* были расстреляны, но, очевидно, как и другие репатриированные, все они попали в трудовые лагеря и страдали от убийственного голода и холода в этих страшных местах. Кроме того, он убежден, что некоторые из них были убиты: наверняка те, кто был проведен с судна в пакгауз, и, вероятно, еще 200-300 человек, которые с помощью Поляченко попали в список советского полковника.

В Уайтхолле (британском правительстве) отчет Юматова вызвал некоторый испуг. Файербрэйс проверил по своим спискам имена 31 жертвы и пришел к выводу, что все они отказывались вернуться в Советский Союз или пытались избежать репатриации, выдавая себя за польских военнослужащих. Все это усиливало его тревогу за судьбы людей, которые прохо-

дили перед объединенной комиссией и заносились в спорный список: „Этот отчет (Юматова) помог мне понять, что необходимо более тщательно рассматривать все спорные случаи, и я могу только надеяться, что ни один человек из этих списков никогда не будет отправлен в Советский Союз", — писал Файербрэйс. Он напоминал Министерству Иностранных Дел, что с советской точки зрения любой житель прибалтийских государств и Западной Украины является таким же советским подданным, как и все остальные, и что только благодаря тому, что Англия не признает притязаний Советского Союза на эти территории, этим людям разрешается временно оставаться в Англии. „Нет ни малейших сомнений, что такие люди будут расстреляны немедленно по прибытии", так как они открыто рассказывали о поведении Красной Армии во время вторжения 1939 и 1940 годов, а каждое их слово фиксировалось на бумаге, писал в заключении Файербрэйс.

Июнь подошел к концу. За шесть предыдущих месяцев из Англии было отправлено 32.044 советских граждан: часть — северным путем в Мурманск, часть — через Средиземное море в Одессу. (4) Проблема русских в Англии подходила к окончательному разрешению. Оставались лишь „спорные случаи", уникальная семья Сидоровых, несколько больных и те, кому удалось скрыть свое гражданство. Несколькими неделями раньше практика пересылки военнопленных в Англию прекратилась. Проще было оставлять их в Европе. По мере того, как приближался разгром нацистской Германии, и гигантские армии наступали с востока и запада, становилось все яснее, что скоро станет возможно осуществлять репатриацию и сухопутным образом.

После того, как 30-го апреля Гитлер покончил с собой и власть нацистов заметно ослабла, миллионы людей были освобождены из лагерей и расползлись по всем направлениям. И когда неделей позже Германия официально капитулировала, стало ясно, что эти „перемещенные лица" представляют колоссальную проблему, даже более серьезную, чем разоружение бывших врагов. Военнопленные и мобилизованные немцами рабочие из всех оккупированных стран кишели на дорогах, создавая помехи движению военного транспорта союзников, и представляя собой серьезную угрозу закону и порядку.

5-го мая по всей Европе на многих языках была передана

инструкция генерала Эйзенхауэра к перемещенным лицам: „Оставайтесь на местах. Ждите дальнейших приказов. Объединяйтесь в небольшие группы соотечественников и выбирайте ответственных, которые будут иметь дело с военными властями союзников." Конечно, для американцев и граждан стран Западной Европы проблема не стояла так остро. Для них это был только вопрос ожидания транспортировки. У них был дом, где их ждали родные и друзья. Но на Востоке рушился весь уклад. Государственные границы передвигались на сотни километров, неся смерть и разрушения в огромном масштабе. Штыками Красной Армии насаждались левые правительства. Многие беженцы с большой тревогой смотрели на будущее и не хотели возвращаться домой.

Одной из таких стран была Польша, и в обращении Эйзенхауэра учитывался тот факт, что не всегда будет возможно автоматическое возвращение поляков на родину. Поэтому он объявлял: „Полякам, освобожденным на территории Германии и поступившим в ведение Верховного Командования, будет предоставлена возможность высказать свое желание относительно возвращения в Польшу. Каждый случай должен рассматриваться индивидуально." Отношение же к русским было совершенно иным. Было просто сказано: „Все русские, освобожденные на территориях, находящихся в ведении Верховного Командования, будут переданы советским властям как можно скорее." (5)

Этого было достаточно, чтобы проницательные журналисты забили тревогу. 24 мая *Нью Йорк Таймс* с удивительной точностью писала: „На Ялтинской конференции было решено, что все лица, проживавшие на территории Советского Союза до 1939 года, будут высланы обратно в Россию. Теперь, несмотря на нежелание многих из них, их репатриируют. 30-го мая лондонская *Дэйли Геральд* сообщила, что „все лица русского происхождения будут насильственно возвращены, независимо от их желания". Теперь секретное соглашение стало известно многим офицерам союзных стран. В конце концов оно просочилось на страницы прессы, но не было освещено должным образом и не произвело большого впечатления на западную публику. Лишь немногие англичане и американцы знали, что репатриация осуществляется насильно и что многие русские предпочитают покончить с собой, чем вернуться на родину.

Репатриация русских с немецких территорий проводилась на скорую руку, без предварительных обсуждений и бумаг, как это было в случае репатриации из Англии. Как сообщает один американский офицер: „Многих из них просто впихивали в поезда, не задавая лишних вопросов." (6) Английским и американским офицерам было просто приказано передавать русских советским представителям, направлять или привозить на обменные пункты, расположенные на границах между оккупационными зонами. 2-го июня *Дэйли Геральд* сообщила, что ежедневно через границу переправляется по десяти тысяч русских, большинство из них женщины. Чтобы переправлять их через Эльбу, сооружен понтонный мост. Советская сторона была украшена флагами, приветственными лозунгами и *Дэйли Геральд* писала: „Весь день по радио исполнялись русские песни, в то время как бесконечные колонны бездомных людей ковыляли по направлению к русской территории."

Репортер газеты *Чикаго Дэйли Ньюз* наблюдал, как мобилизованные немцами советские рабочие отправлялись домой из Австрии:

> Они выглядели ужасно: простые крестьяне, лишенные воображения, бедно и грубо одетые, тупо взирающие на окружающее. Их собирали, привозили в Линц, мыли и подвергали санитарной обработке от вшей и впихивали в вагоны. Она карабкались на подножки и поезд медленно трогался. Они сойдут в нескольких километрах по ту сторону советской границы, и им предстоят еще сотни километров пути к своим домам, которые, по всей вероятности, разбомблены или сожжены. У их детей немецкие отцы. Сотни беременных женщин будут воспитывать детей, чьи отцы — немцы. Странные узлы, которые они непременно хотят тащить с собой, содержат все их земное имущество. Невозможно смотреть, как они отчаянно цепляются за одежду, которую мы бы отказались носить, и как они тащат мешки с пшеницей, швейные машины, пилы, инструменты, чайники и консервы. (7)

Англичане и американцы стремились ускорить процесс репатриации. Проблема русских создавала различные трудности. Годами они ужасно питались и многие из них были больны. Им отпускался минимум пищи и лекарств, так как в этом остро нуждалось немецкое население. Американцы и англичане

понимали, что Германии предстоит вынести много лишений, но они чувствовали, что своим союзникам они должны оказывать больше помощи. И, конечно, нальзя было забывать, что существуют советские офицеры связи, которые не упускают случая и при каждой возможности протестуют, когда им кажется, что советские граждане получают недостаточно пищи. Русские перемещенные лица были источником постоянных неприятностей и возможных конфликтов с союзниками.

Из всех военнопленных и насильно мобилизованных рабочих в Германии в наиболее тяжелых условиях находились русские, и когда лагеря развалились, их поведение вышло из-под контроля. Всякий, кто был в Германии в те необычайные дни, последовавшие после конца войны, помнит о диком поведении русских. Например, Джон Стэнтон, сидевший в лагере для английских пленных офицеров под Мюнхеном, вспоминает, как русские из соседнего лагеря сразу же после освобождения напали на местную деревню: „Они стали мародерствовать. Они врывались в дома, насиловали всех женщин и выпивали все подчистую. Немцы совсем не сопротивлялись и только пытались спрятаться. Русские не были организованы. Они представляли собой сборище обезумевших людей. Страдания, перенесенные ими в лагерях, страшно ожесточили их."

Британские офицеры тоже утратили чувство реальности, хотя их страдания не шли ни в какое сравнение со страданиями русских. Стэнтон вспоминает, что в те дни хаоса и кошмара он и его друзья были полностью на стороне русских. Им доставляло удовольствие смотреть, как русские давали своим мучителям на собственной шкуре почувствовать, что с ними проделали немцы. Но служащие в американских и британских оккупационных войсках считали тяжким наказанием и почти невозможным делом осуществлять контроль над таким количеством обезумевших людей. В отчете, написанном для сенатора Уайли, говорится: „Жажда мести по отношению к немецким хозяевам, — вот, пожалуй, самое сильное чувство, владевшее советскими перемещенными лицами. О них сообщают также, что они выказывают неуважение к властям и чужой собственности."

Большинство подобных случаев замалчивалось в интересах общего дела союзников, но один из них просочился на страницы прессы. Через несколько дней после капитуляции Германии советские военнопленные одного из лагерей в ок-

рестностях Нюрнберга — 1.600 офицеров и 8.000 других — напали и разграбили немецкий товарный состав. Здесь было несколько вагонов, нагруженных пятидесяти-галонными канистрами с метиловым спиртом. Для русских, только что вышедших на свободу после нескольких лет заключения, соблазн был слишком велик. Они смешивали его с водой и пили. За несколько дней 400 человек умерло. Американцы сообщали, что с точки зрения охраны здоровья перемещенных лиц алкогольные отравления представляли собой вторую по серьезности проблему после тифозных заболеваний.

Можно быть уверенным, что только из-за большого числа жертв этот случай получил огласку. Русские были доведены до отчаяния, и хотя это было понятно после всего, что они вынесли, но можно вполне понять и желание союзных властей избавиться от такого количества трудных и опасных людей. Союзные власти отдали приказы подготовиться к наплыву более чем миллиона граждан союзных государств, треть из которых были военнопленными, а остальные — перемещенными лицами. И хотя в конце концов с Востока на Запад прибыло всего 450.000 человек, в те первые дни мира проблема эта стояла очень остро. В конце мая на территорию, оккупированную американцами, начал вливаться такой мощный поток, что для того, чтобы хоть временно приостановить его, были взорваны мосты. Полковник американской армии Винсент Паравичини, занимающейся вопросами беженцев, 29 мая объяснил журналистам, что помимо французов, бельгийцев, голландцев, англичан и американцев, прибытие которых ожидалось и приветствовалось Западом, были еще сотни тысяч немцев, тоже стремящихся в западные зоны. Они боялись, и не без оснований, Красной Армии, и думали, что западные союзники отнесутся к ним с большим сочувствием.

22-го мая советские и американские представители встретились в Лейпциге и выработали „План передачи через границы оккупированных территорий бывших военнопленных и гражданских служащих, освобожденных Красной Армией и вооруженными силами союзников." В руках советских военных властей, рядом с демаркационный линией, находилось 2.200 американских и английских военнопленных и они были переданы в Лакенвальде сразу же после того, как Лейпцигское соглашение вступило в силу. Было создано несколько обменных пунктов, и соглашение обязывало обе стороны обес-

печивать военнопленных удобным транспортом до тех мест на границе, откуда они дальше могли отправиться пешком. Конечно, Лейпцигское соглашение было дополнением к Ялтинскому соглашению о репатриации. Англичане и американцы были довольны быстрым получением своих военнопленных и тем, что советские представители в обращении с ними соблюдали нормы. К концу мая из-под советского контроля было освобождено 28.662 американских военнопленных, из них 2.858 прибыло морем из Одессы, а остальные были доставлены сухопутным путем. (9)

Лондонская газета *Таймс* сообщала о том, что процесс массовой репатриации проходит гладко и что „у всех только одна цель — вернуться домой". (10) *Дэйли Геральд* тоже создавала впечатление, что миллионы русских жаждут вернуться в Советский Союз. До газеты „дошли слухи, что, будто бы советские не хотя принимать назад своих перемещенных лиц и даже слухи о расстрелах". Услышав такое, *Дэйли Геральд* направила своих репортеров в Веддендорф — территорию, оккупированную советскими войсками, куда входил поезд с 1.600 русскими. Репортеры сообщали, что видели вагоны, украшенные лозунгами: „Да здравствует наше Отечество!", „Слава вдохновителю наших побед великому Сталину!" Репортеры газеты не увидели ничего, внушающего тревогу: „Никто, судя по всему, не противится возвращению в Россию. Всю ночь они провели в дороге, но постоянно смеются, поют, шутят и оживленно беседуют. Поют под аккордеон. Тут же бренчат на балалайках." (11)

Едва ли следует удивляться, что тут преобладала атмосфера аккордеонно-балалаечного бренчания. Прошло только несколько дней после конца войны, и всякий, кто говорил о наличии разногласий среди союзников, в Англии и Соединенных Штатах, вызывал почти физическое отвращение. Для людей, которые вынесли столько лет кровопролития и разлуки со своими близкими, всякая идея о дальнейшей борьбе была неприемлема. Обострись конфликт между Советским Союзом и Западом, и пришлось бы отложить демобилизацию, объяснив солдатам, что следует ожидать дальнейших боев. Не могло быть сомнений, чья сторона окажется более деморализованной, более склонной к неповиновению и даже мятежу. Правда Красная Армия находилась в состоянии временной дезорганизации, в прямом смысле опьяненная победой, но жестокие

сражения вселили в ее солдат дух строгой дисциплины, которой они не могли не подчиняться. Они вынесли самые тяжелые испытания, они понесли наибольшие потери и они были менее, чем английские и американские солдаты склонны жаловаться своему начальству или подвергать сомнению неожиданные приказы. Всего этого в Красной Армии не было, ибо законы там действовали драконовы.

Хотя в течение всего 1945 года отношения между Востоком и Западом не обострялись до такой степени, чтобы привести к военному конфликту, британские и американские политические деятели не могли избавиться от неприятной мысли — в какой непрочной позиции они оказались бы, если бы эти отношения серьезно ухудшились. Это был вопрос не только морального духа армии, но и общественного мнения внутри этих стран. Жены и матери хотели, чтоб мужчины вернулись домой. Они пришли бы в ужас от любого упоминания об еще одной войне и еще одной разлуке. Они бы яростно протестовали, если бы их правительства допустили хотя бы возможность такой перспективы.

В демократическом обществе требуются годы, чтобы убедить народ в необходимости войны. Эта проблема была актуальной для Великобритании и Америки, когда перед ними встала необходимость уничтожить нацистскую Германию. Могли ли они рассчитывать на полную поддержку народа? В случае с нацизмом могли, хотя и это требовало борьбы. В случае с Советским Союзом они столкнулись бы с гораздо более серьезными трудностями. В течение ряда лет официально поддерживались просоветские настроения. И понадобилось бы гораздо больше, чем несколько месяцев, чтобы преодолеть их.

С другой стороны, в России расположение к западным союзникам хотя и прокламировалось в прессе по разным формальным случаям, но среди народа подвергалось строжайшему контролю. Союзники или не союзники — все они были классовыми врагами, и любой советский гражданин, вступающий с ними в слишком тесный контакт, рисковал быть арестованным. Никого бы из них не удивило и не потрясло, если бы вдруг объявили, что теперь Англия и Америка являются врагами Советского Союза.

Соображения подобного рода постоянно беспокоили западных руководителей, и им трудно было даже помыслить о

том, чтобы нарушить Ялтинское соглашение. В конце войны в западный части Германии находилось немногим менее двух миллионов советских граждан и процесс их репатриации проходил так интенсивно, что за два месяца советским представителям было передано 1.393.902 человека. Сведения об этом периоде хаоса отрывочны, и трудно сказать, сколько было тех, кто сопротивлялся возвращению. Как рассказывают некоторые офицеры, ведавшие отправкой, большинство возвращалось домой добровольно и, хотя, очевидно, они сомневались в доброжелательном приеме на родине, так как сдались только под влиянием строгого предупреждения Сталина, но все же не ожидали получить десять лет трудовых лагерей. Другие сразу же оказывали сопротивление. Несколько офицеров рассказывало автору этих строк, что некоторые русские выпригивали из поездов, отправляющихся на восток, некоторые просили охрану лучше расстрелять их, чем выдавать советским. Но большинство из них понимало, что англичане и американцы, получив приказ выдать их насильно, намерены его исполнить. Поэтому они покорились судьбе и не сопротивлялись. К тому же в их интересах было притворяться довольными своим возвращением и как можно чаще выказывать свою лояльность, так как это обещало хоть какую-то надежду на прощение.

Немногие из этих двух миллионов могли бы доказать свою полную непричастность к какому бы то ни было сотрудничеству с врагом. Только немногие вынесли испытания в немецких лагерях и провели все эти годы пленения, никак не помогая вражеской военной машине. Для большинства из них — сотрудничество ограничивалось лишь тем, что они выполняли грязную или опасную работу в обмен на чуть лучшие, чем в лагерях, питание и содержание. Но с другими дело обстояло хуже. Сотни тысяч советских граждан добровольно и с энтузиазмом сражались на стороне немцев. В хаосе майских и июньских дней 1945 года многие из них пытались смешаться с группами перемещенных лиц. При некотором везении они могли бы вернуться домой и никто не узнал бы об их деятельности. В эти недели надо было сделать мучительный выбор. Что они могли выбрать? Отправиться домой и надеятся на лучшее? Бежать и попытаться остаться в Германии? В любом случае шансы на успех казались незначительными.

Сообщение в газете *Нью Йорк Таймс* показывает, как мало сочувствия испытывали люди на Западе к русским, пе-

решедшим на сторону врага. В ней сообщалось, что „русские предатели в количестве от 100 до 150 тысяч, содержавшиеся как военнопленные, вероятно, предстанут перед советским судом". (12) На пресс-конференции 8-го июня генерала Омара Бредли спросили о советских заявлениях по поводу дурного обращения с их гражданами в американских лагерях. Его ответ был загадочным: „У нас есть русские, но я не думаю, что Россия может жаловаться на наше обращение с ними. Мы захватили от 100 от 150 тысяч русских, сражавшихся на стороне немцев. Я убежден, что этих людей ничего хорошего не ждет."

9-го июня американский полковник Роберт Гиль, ведающий делами военнопленных из вражеской армии, заявил в Париже, что его люди передали Красной Армии 50.000 советских граждан, сражавшихся в немецкой армии. Многие из них делали это вынужденно, но, — говорил Гиль, — „все-таки что-то было такое, что мешало им вернуться в Россию" (13), и они панически боялись ехать домой.

Советские власти особенно стремились заполучить в свои руки сторонников Андрея Андреевича Власова — советского генерала, который в первый год войны с невероятной отвагой защищал Москву и Ленинград, а 12-го июня 1942 года попал в плен к немцам. Проведя в плену несколько недель, он пришел к выводу, что все русские беды, включая и военные неудачи, есть результат советской системы. Его биограф В. Осокин так описывает главную мысль, которой был одержим Власов: „Если большевизм умрет, тогда русский народ останется жить. Если большевизм выживет, тогда русский народ погибнет, перестанет существовать. Или — или. Третьего пути нет." (14)

Это был типично русский односторонний подход. Власов не хотел анализировать цели и характер немецкого нацизма, его убийственного расизма, предназначающего всех людей „низших рас", в том числе и русских, к рабству и конечному уничтожению. Он знал лишь, что оккупация Советского Союза Германией создает единственный шанс свержения коммунистической системы. 10-го сентября, через два месяца после сдачи в плен, он опубликовал листовку, в которой обвинял Сталина в уничтожении Красной Армии посредством чисток, и крестьянской России — посредством коллективизации. Он призывал всех русских „всеми силами стремиться свергнуть ненавистный сталинский режим". В конце 1942 года немцы

назначили его главой „Русского Национального Комитета". (15)

Идея Власова заключалась в том, что этот Комитет должен создать свою собственную армию и политические группы, чтобы ее солдаты сражались бок о бок с немцами, которые уже проникли вглубь России, и чтобы его сторонники взяли на себя управление Россией после крушения Советского Союза. В этом он был более чем наивен, ибо у Гитлера были иные планы. 16-го июля 1941 года он сказал:

> Никому кроме немцев нельзя разрешать носить оружие. Это исключительно важно. Даже если в конкретных обстоятельствах покажется проще обратиться за военной попощью к каким-нибудь другим завоеванным народам, это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас — неизбежно и неотвратимо. Только немцы могут носить оружие, — не словаки, не чехи, не казаки или украинцы. (16)

Тем не менее много славян было вооружено и брошено в бой вместе с немецкой армией, но не тем способом, на который надеялся или которого ожидал Власов. Русская Освободительная Армия была сформирована не как отдельная воинская часть под командованием Власова, а в виде множества отдельных батальонов под командованием немецких офицеров, вкрапленных в немецкую армию. Никто точно не знает, сколько их было, но наиболее серьезные источники утверждают, что между 1943 и 45 годами число русских на этой службе исчислялось более чем 500.000, а может быть и целым миллионом. (17)

Было ясно, что нацисты стремятся использовать Власова в пропагандистских целях, раздуть его фигуру в глазах мира и особенно в глазах красноармейцев, чтобы побудить их к дезертирству. Они хотели также использовать его, чтобы вбить клин между союзниками, заставить английских и американских лидеров ставить под сомнение искренность русских в их отношении к войне. В своем Открытом письме Власов заявил, что „Англия всегда была врагом русского народа". Он обвинял Сталина в том, что он использует Англию и Америку для достижения собстенных целей мирового господства и „связывает судьбу русского народа с будущим Англии". В нескльких документах он выразил свое отвращение к „капиталистам" и

„империалистам", точно так же, как и к большевикам.

В конце 1942 года Власову разрешили создать в Дабендорфе, в окрестностях Берлина, „пропагандистский центр", где его сторонники издавали две газеты — *Заря* и *Доброволец* и обучали русских вербовать своих соотечественников из лагерей для военнопленных. Те, кто имел дело с обучением в Дабендорфе, рассказывают о его независимом характере и об отсутствии в нем элементов открытой пропаганды нацизма. Ясно одно — Гестапо и другие экстремистские организации в Германии относились к этому центру с подозрением и все время старались дискредитировать его в глазах Гитлера. Русские инструктора в Дабендорфе неизбежно смешивали русские националистические лозунги с нацистской пропагандой. Чтобы добиться хоть какого-то успеха в своем деле, они должны были завоевывать доверие нацистов.

Власов не мог избежать того, что в глазах последовательных нацистов сам он был недочеловеком (Untermensch) и, следовательно, не годился командовать людьми в немецких формах. Более практически настроенные немецкие командиры тщетно ратовали за более реалистический подход — за более правильное использование этой ценной человеческой силы. Они наталкивались на жесткую идеологическую ограниченность людей вроде Генриха Гиммлера, который 4-го октября 1943 года, обращаясь к генералам СС, сказал: „Меня совсем не интересует, что случится с русскими или чехами. Свалятся ли от истощения эти 10.000 женщин, роющих противотанковые траншеи или нет, интересует меня только с точки зрения того, будут ли эти траншеи готовы для Германии." (18)

По иронии судьбы именно Гиммлер, в той же самой речи назвавший Власова „свиньей", был первым из немецких вождей, кто занял более позитивную позицию по отношению к Русскому Освободительному Движению. 16-го сентября 1944 года Гиммлер и Власов встретились в Растенбурге, в Восточной Пруссии, и договорились о создании нового комитета и армии для объединения русских против Сталина. После освобождения России этот комитет должен был стать временным правительством. 14-го ноября на торжественном заседании в Праге был создан комитет и выпущен манифест, который теоретически обещал русским многие из тех свобод, которых они лишены: возвращение земли крестьянам в частную собственность; ликвидацию принудительного труда, свободу слова и

вероисповедания.

Однако ноябрь 1944 года едва ли был удачным моментом для начала такого грандиозного мероприятия. Четырьмя днями позже американские войска вступили на территорию Германии. С этого момента цели Гиммлера и Власова разошлись. Гиммлер надеялся не только собрать как можно больше людей для защиты Рейха, но и подорвать союз между Советским Союзом и Западом. Только в этом случае Германия могла бы выиграть войну. Власов после всех своих неудач, был склонен не столько помогать нацистам, как создать некий политический комплекс. План его состоял в том, чтобы сразу же после окончания войны, как бы она ни закончилась, вступить в переговоры с победившей стороной и втянуть ее в свой поход против Сталина. Он полагал, что если победят союзники, а дело шло к этому, то столкновение Красной Армии с Англией и Соединенными Штатами станет лишь вопросом времени. В этом случае Власов и его люди с радостью пошли бы на союз с Западом и бросили бы все свои силы против Советского Союза.

Власовское движение пережило один короткий момент славы. 5-го мая один из его генералов, Сергей Буняченко, бросил дивизию русских в битву против отрядов СС в Праге, что склонило чашу весов в пользу бойцов сопротивления и способствовало освобождению города. Американский журналист Иван Петерман писал: „На самом деле Прага своим освобождением больше всего обязана иностранным войскам. Не союзникам, которые появились здесь уже после окончания боев, а двадцати двум тысячам русских изгоев, одетых в немецкую форму." Однако чешское сопротивление, в большой степени коммунистическое по своему характеру, не чувствовало благодарности к таким незванным освободителям. Они приказали власовцам сдаться Красной Армии. В течение двух-трех дней Буняченко и его отряды покинули город. Теперь их единственной надеждой было войти в контакт с американцами, находившимися неподалеку.

Но сам Власов был уже человеком сломленным. Главный офицер связи между Власовым и немецкой армией, говорящий по-русски прибалт Вилфрид Стрик-Стрикфельд, писал, что у Власова начались периоды депрессии и тяжелых запоев, так что в конце концов он потерял всякий контроль над ситуацией. В американскую армию посылались парламентеры, но

никаких заверений они не получали. Теперь власовцам не оставалось ничего, кроме как пробиваться к оккупированной американцами территории, чтобы сдаться. Вначале американцы относились к ним дружелюбно. Обыкновенные фронтовые офицеры ничего не знали о Ялтинском соглашении о репатриации. Стрик-Стрикфельд пишет: „Когда один американец спросил меня, является ли Власов предателем, я ответил контрвопросом: были ли предателями Вашингтон и Франклин?"

В течение мая некоторые власовцы были захвачены Красной Армией и либо расстреляны на месте, либо посланы в трудовые лагеря. Те, кто сдался американцам в те хаотические первые дни мира, были переданы в советские зоны. Другие попали в лагеря для военнопленных и ждали решения своей судьбы. Сам Власов попал в руки советских властей около Шлиссельбурга, к западу от Ганновера, 12 мая, когда ехал в сопровождении американского эскорта. 2-го августа 1946 года *Правда* объявила, что он и девять его офицеров приговорены к смертной казни через повешение.

Находящиеся сейчас на Западе сторонники Власова все еще считают, что власовцы были правы, что их решение поднять оружие против Сталина было справедливо. Стрик-Стрикфельд пишет: „Идея о том, что прагматический союз между англосаксонскими странами и Кремлем не мог длиться долго, не была беспочвенной. Ее разделял каждый, кто знал, что такое большевизм. То, что произошло впоследствие, подтвердило нашу правоту. Неверен был только наш расчет времени. И, конечно, мы ничего не знали о соглашении в Ялте." (19) Заключает он свою книгу следующим панегириком: „Русское Освободительное Движение было втоптано в грязь, а Власов и его друзья казнены, точно так же как были казнены Штауффенберг и его соратники (после покушения на Гитлера в 1944 году). Но, отдав свои жизни за свободу и справедливость, они превратились в силу, которая будет жить повсюду, где уважается свобода и справедливость." (20)

Противники Власова указывают, что сколько бы он не стремился к независимости, в конечном итоге он оказался заодно с нацистами, которые вторглись в его страну и смотрели на русских как на скотов, и что после того, как гитлеризм показал свое истинное лицо, советский народ сплотился вокруг Сталина и отважно сражался, чтобы изгнать захватчи-

ков со своей земли. Будь политика Гитлера менее жестокой, вероятно, нашлось бы больше сторонников немецкой оккупации, было бы больше перебежчиков из Красной Армии и тех, кто был готов служить Власову. Но случилось так, что к концу войны Сталин получил поддержку почти всего советского народа.

Было бы странно, если бы это было иначе. Ни одна страна не терпит вторжения иноземцев, особенно столь бесчеловечных, как фашисты, и только сила социальных потрясений, происходивших в Советском Союзе перед началом войны, побудила многих его граждан — вероятно около миллиона — с готовностью взять в руки оружие и сражаться на стороне врага. Как пишет Солженицын в *Архипелаге ГУЛаг*: „А во „власовские" отряды вермахта их могла привести только последняя крайность, только запредельное отчаяние, только неутолимая ненависть к советскому режиму, только презрение к собственной сохранности." (21)

Среди них наиболее яростной антисоветской группой были казаки. Еще раньше, чем власовцам, им было позволено формироваться в полу-независимые отряды в составе немецкой армии и они завоевали репутацию хороших бойцов. 17-го мая фельдмаршал Александер телеграфировал в свой главный штаб в Лондоне, запрашивая инструкций, что делать с 50-ю тысячами казаков и 25-ю тысячами хорватов, находившимися на его территории. Быстрое решение, — писал он, — „поможет нам избавиться от больших людских скоплений в Южной Австрии". В то же время он выражал беспокойство, что „в каждом из этих случаев немедленное возвращение этих людей на родину может оказаться для них роковым".

На другой день Эндрю Каннигам, начальник Главного Штаба военно-морских сил Великобритании ответил, что казаки в любом случае должны быть отправлены в Россию, так как они подпадают под условия Ялтинского соглашения. Случай с хорватами, по его мнению, был более сложным. Они были югославскими, а не советскими подданными и Ялтинское соглашение на них не распространялось. Полковнику Седрику Прайсу, который работал тогда в Военном Кабинете, а позже стал директором британской военной разведки, было приказано проконсультироваться с Министерством Иностранных Дел.

Министерство Иностранных Дел было за репатриацию

как казаков, так и хорватов. В письме за подписью Джеффри МакДермота говорилось:

> Отряды хорватов действовали в составе регулярной армии квислинговского правительства под немецким руководством... Поэтому мы за то, чтобы выдать отряды хорватов, находящиеся в Южной Австрии, военным силам Тито. Такая акция будет приятна Тито, и мы покажем ему, что по крайней мере в некоторых вопросах мы готовы считать его постоянным и полноправным союзником. (22)

20-го мая Черчилль в письме к начальнику своего личного Штаба генералу Эсмею выразил некоторую озабоченность этой проблемой:

> Что Вы знаете о численности русских, которые были взяты в плен немцами и освобождены нами? Можете ли Вы отделить тех, кто просто работал на немцев, от тех, кто активно боролся против нас? Не могли бы Вы сообщить мне дополнительные сведения о 45-и тысячах казаков, о которых говорил генерал Эйзенхауэр? Как они оказались в настоящем положении? Воевали ли они против нас?

Черчилль не довел до конца дело, которое тревожило его, он получал крайне туманные ответы на свои вопросы и приходили они тогда, когда операция уже шла полным ходом. 29-го мая Александер получил приказ Главного Штаба передать казаков и хорватов соответственно Сталину и Тито. Фактически репатриация уже началась и без приказа, просто в соответствии с положениями Ялтинского соглашения, и уже произошел целый ряд кровавых эпизодов. Дальнейшее изложение покажет, что для многих английских солдат это был самый ужасающий эпизод за всю войну.

Глава четвертая

КАЗАКИ И ХОРВАТЫ

Во время гражданской войны в России в 1918-20-х годах, одними из активнейших бойцов на стороне белых были казаки — люди странного сословия, полунация-полуобщество, которые веками населяли южную часть России, временами добиваясь независимости от русских царей, а временами служа им верой и правдой и получая от них привилегии. Проживая на границе государства, раскинув свои станицы на территории от юга Украины до северного Кавказа и Сибири, казаки постоянно были вынуждены совершенствовать свое военное искусство и средства самозащиты. Они славились искусством верховой езды и физической силой. Цари нуждались в них для защиты южных границ и стремились завоевать их преданность, но обычно было трудно поддерживать строгую дисциплину среди людей, живущих столько отдаленно от центров власти, столь сильных в военном отношении и по своему темпераменту столь склонных к мятежам. В XVII-XVIII веках казаки Стенька Разин и Емельян Пугачев поднимали кровавые восстания, подавлять которые удавалось лишь с величайшим трудом.

Позднее цари вошли в соглашение с казаками, по которому каждый мужчина с 18-ти лет призывался на двадцатилетнюю военную службу. Взамен казаки получили некоторую независимость, кое-кто из них был приближен к царскому двору и пользовался там большим влиянием. К началу нашего столетия на территории России проживало пять миллионов казаков, разделенных на сотни и войска. У них существовало нечто вроде военного самоуправления. Главные казачьи войска располагались к северу от Кавказа и пять из них — Донское, Кубанское, Уральское, Оренбургское и Терское — включали в себя около 85% всего казачьего населения. Каждым войском управлял атаман. Вячеслав Науменко, бывший атаманом кубанских казаков с 1920 по 1958 год, с грустью и тоской вспоминает о тех предреволюционных днях. „У нас был статус автономного государства внутри империи, подобно поля-

кам, литовцам, и некоторым другим нацменьшинствам", — вспоминает он. Но в то время как одна часть русских восхищалась храбростью и военным искусством казаков, другая — со страхом смотрела на них как на „преторианскую гвардию" царизма. Во время беспорядков они со всей жестокостью разгоняли уличные демонстрации.

Когда Россия была охвачена гражданской войной и революцией, большинство казаков боролось против нового большевистского правительства и Красной Армии. Когда же война закончилаась победой Красной Армии, много тысяч казаков бежали на Запад. Старые эмигранты, бывшие белогвардейцы с горечью смотрели на то, как уничтожается казачий жизненный уклад и перераспределяются их земли. Они составляли планы и заговоры против тогда еще слабой власти большевиков. В течение многих лет у них было мало возможностей осуществить свои планы из-за железной хватки, которой Сталин держал страну. Предпринимались попытки небольших вторжений в надежде на то, что при первом же признаке белого движения русский народ поднимется и свергнет коммунистический режим. Но дело обстояло не так просто. В большинстве случаев лазутчиков сразу же ловили и уничтожали.

Очевидно поэтому среди казаков оказалось больше всего тех, чьи сердца загорелись надеждой, когда Гитлер напал на Советский Союз и, как казалось на первых порах, одерживает победу. Война представлялась им замечательной возможностью свергнуть коммунистический режим и восстановить прежнее положение казаков в России. Лидеры казаков, вроде кубанского атамана Вячеслава Науменко (который в 1920 году был генерал-майором в Белой Армии) и донского атамана Петра Краснова, сразу же предложили нацистам свои услуги. В то время они получили категорический отказ. Немецкая армия была тогда достаточно сильна и не нуждалась в помощи „славянских недочеловеков". Но после Сталинградской битвы и последующих поражений немцы стали более терпимо относиться к этой возможности, надеясь с помощью казаков одержать верх над союзниками. В ноябре 1943 года они обещали казакам вернуть им их исконные земли. Четырьмя неделями позже Краснов и Науменко были назначены членами командования казачьими войсками в составе немецкой армии. Еще одним членом командования был назначен Т.И. Доманов, незадолго до этого произведенный в генералы.

Доманов в отличие от остальных был представителем „новой эмиграции" — бывшим советским офицером, присоединившимся к немцам во время их вторжения и теперь отступавшим вместе с ними.

Казаки питали привязанность к амуниции, принятой еще в царской России. Хотя их основная форма была немецкая, они носили высокие каракулевые папахи, высокие сапоги, бурки и огромные бороды или усы. На парадах солдаты носили длинные изогнутые сабли, а офицеры имели при себе изукрашенные драгоценностями инкрустированные кинжалы — фамильное оружие, переходящее от поколения к поколению в каждой казачьей семье. Когда казаки начали отступать, они тащили за собой обозы беженцев — женщин, детей, которые боялись оставаться на территории, куда должна была вступить Красная Армия. Это доходило до того, что иногда среди них было столько же гражданских лиц, сколько и бойцов. Многие из старших офицеров были еще ветеранами гражданской войны и им уже перевалило за шестьдесят — возраст слишком преклонный для активной военной службы.

Несмотря на устарелое и громоздное вооружение, казаки сражались яростно, но удаляясь все дальше и дальше от собственных территорий у них нарастало чувство отчаяния. В конце войны казаки под командованием прибалта Хельмута фон Паннвица были посланы в северную Югославию для борьбы с коммунистическими партизанскими отрядами Тито. Искусные наездники, они были больше приспособлены к горным условиям и действовали здесь более эффективно, чем моторизованные немецкие части, которые они заменили. Это была жестокая борьба, без пощады с обеих сторон. Вскоре казаки снискали себе здесь печальную славу. Входя в деревню, в которой, по их мнению укрывались партизаны, они огнем и мечом сравнивали ее с землей.

Казаки утверждали, что эти сомнительные действия начались только после того, как они были вынуждены отойти от собственных территорий. Это произошло тогда, когда усилилось давление нацистской Германии на них и их шаткая автономия практически перестала существовать. Многие признаки деградации наметились после смерти атамана Павлова 17 июня 1944 года. Бывший офицер Штаба Павлова Петр Донсков писал автору этих строк, обвиняя Краснова в подготовке убийства Павлова с целью завоевать доверие немцев и стать

атаманом. Действительно, в последний год войны многие казачьи части оказались под прямым контролем СС.

Казаки не отрицают случаев жестокости со своей стороны, но приписывают их влиянию эсэсовцев, которые были введены в их Главный Штаб, а также некоторым темным личностям из своей среды, присоединившимся к немцам, когда им казалось, что Гитлер побеждает. Николай Краснов, внук казачьего генерала Петра Краснова, в своей книге *Незабываемое* описывает эти темные стороны деятельности казаков: „Они занимались грабежом и бандитизмом на больших дорогах. Они насиловали женщин и жгли селения. Их безобразия бросали пятно и на тех, кто честно и по-солдатски пришел исполнять свой долг, на тех, кто шел бороться с коммунизмом и верил в победу разума над алчностью." (1)

Одной из уступок Министерства по восточным делам Альфреда Розенберга (Ostministerium) в эти месяцы затухания войны была передача казакам области в районе Толмеццо в Итальянских Альпах в нескольких километрах от австрийской границы. Казаки должны были занять этот район и сделать его базой для своих военных действий. Странное место было выбрано для новой казачьей станицы, однако в течение восьми месяцев число казаков здесь росло и к весне 1945 года составило 35 тысяч человек, из которых половина были воинами, а остальные — их семьи.

Здесь они не чувствовали себя в безопасности, потому что в окрестностях действовали отряды итальянских партизан, большинство из которых, так же как и в соседней Югославии, были коммунистами и относились к казакам крайне враждебно.

Потом казакам предстояло столкнуться с проблемой английской и американской армий, которые с боями продвигались по территории Италии. Английская армия в апреле 1945 года подходила к Толмеццо и итало-австрийской границе. Казаки носили немецкую форму и формально должны были принять бой, но решили не делать этого. Они боролись с Советским Союзом, а не с Англией и не с Америкой. Перед ними встал выбор — сдаться или отступить. В конце апреля походный атаман Доманов, заменивший в феврале атамана Краснова, отдал приказ об общей эвакуации. 30-го апреля казаки погрузили все свое имущество на телеги и направились в сторону Альпийского перевала Плоукен-пасс, находящегося в

нескольких километрах. На следующее утро их авангард вошел в Австрию, и в течение последующих дней все они расположились лагерем около двух австрийских деревень — Маутен и Кетчах. В Маутене находился немецкий комендант — старик с солдатской инвалидной командой. Можно представить себе их удивление, когда они увидели вокруг себя эту экзотическую орду. Над сколоченными на скорую руку телегами натянуты холщевые навесы. В телегах — амуниция, провизия, казачки, дети, младенцы — словом все неотъемлемые предметы семейной и военной жизни казаков. Комендант приказал им остановиться, но силы его были ничтожны, а авторитет упал вместе с крушением режима. Казаки не желали ему подчиняться. Дмитрий Фролов — член Штаба Походного Атамана Казачьих Войск генерала Доманова, вспоминает первую встречу с англичанами. 4-го мая их авангард в составе одного офицера и нескольких рядовых солдат подошел к лагерю казаков близ Маутена. „Кто такие?", — спросил английский офицер. Казаки, как могли, объяснили. Очевидно, удовлетворившись этим, англичане сказали „о кей", повернули свои мотоциклы и удалились.

Конечно, англичан тревожило, что будут делать казаки дальше. В начале мая подполковник Малколм, командир восьмого батальона известного шотландского полка Аргайла и Сутерланда, получил приказ продвинуться к Лоренцаго в тридцати километрах от Толмеццо и „сделать это место опорным пунктом операций против казачьих отрядов". Его бригадный генерал Джеффри Массон не знал, что казаки уже ушли в Австрию. Джек Бейтс, который в то время вел дневник 36-й пехотной бригады, отмечает, что их продвижение к австрийской границе не встретило никакого сопротивления и „напоминало мирную прогулку по прекрасным местам" (2) Они были приятно удивлены тем, что казаки решили не сопротивляться.

Английскому отряду сообщили также, что около пограничного местечка Форни Авоитра разбило лагерь несколько тысяч грузин. Бейтс пишет, что грузины неходились в самых хохоших отношениях с местным итальянским населением, но что между ними и казаками происходили кровавые схватки. Как всякий англичанин, Бейтс был поражен видом этих старых вояк:

Эти грузины представляли собой аристократический ата-

визм царской России. Их офицеры, десять из которых были князьями, одеты в сверкающие формы и обращались со своими солдатами, как с крепостными. Перед войной многие из них служили шоферами такси в Париже. Как раз перед прибытием сюда пехотного Вест-Кентского полка в городе загрохотали выстрелы и население попряталось в дома. Позже выяснилось, что это один грузинский офицер застрелил другого на дуэли.

Грузины сдавались охотно, объяснив, что у них нет счетов с западными союзниками, а только с Советским Союзом. „Этот довод, — пишет Бейтс, — мы скоро выучили наизусть." Был только один напряженный момент, когда с гор спустился главный офицер и начал обвинять этих князей-офицеров в том, что они сдаются, не получив на то приказа. Бейтс вспоминает: „Главный офицер, к сожалению, в отличие от многих других, кого мы знали, оказался прекрасной княжной... Одетая в брюки из оленьей кожи, эффектная и властная, она потребовала встречи с британским генералом". Другой офицер помнит, как 9-го мая, уже после полуночи, он привел к Массону эту „стройную, увешанную гранатами женщину". Массон вспоминает, что это была красивая женщина тридцати лет, одетая в белый глухой свитер, бриджи и сапоги и обвитая патронтажем. Им удалось договориться об условиях сдачи.

7-го мая батальон Малколма достиг окрестностей Толмецо и приготовился вступить в бой с казаками, которые обитали здесь около года. Но тут обнаружилось, что казаков на месте нет. Батальон Малколма вошел в город и в течение дня они вылавливали оставшихся казаков. Их надо было не только кормить, но и охранять от рвавшихся в бой партизан, которые убили бы всех казаков, попадись они им в руки. В 5 часов дня англичане услышали самую радостную новость за всю войну: Германия безоговорочно капитулировала. Отчет гласит: „К сожалению, батальон не мог себе позволить праздновать победу, но всем было выдано пиво сверх нормы." (3) Лондонскому Ирландскому Пехотному батальону, находящемуся неподалеку, повезло больше. Его командир подполковник Бала Бредин произнес в честь победы речь, а потом был разложен костер из пятиметровых бревен. В отчете говорится: „Военнослужащие всех званий получили ромовый пунш, вино, бутерброды, печенье и жареную телятину.

Под звуки похоронного марша на волынках к костру было пронесено чучело Гитлера и сожжено." (4) Но немногие воинские части имели возможность забавляться подобным образом. Джек Бейтс вспоминает, как мало тронуло их известие о победе. События развивались слишком стремительно и оставалось еще слишком много работы.

8-го мая в Толмеццо прибыла делегация казаков с сообщением, что они готовы сдаться на любых условиях. Они говорили с дивизионным командиром генерал-майором Робертом Арбутноттом, который назначил на 9 часов утра следующего дня собрание на железнодорожной станции Обердраубург. На этом собрании Доманов должен был безоговорочно сдаться Массону. У англичан это решение вызвало вздох облегчения. Несмотря на странный вид, казаки были опытными бойцами и хорошо вооружены. По словам Бейтса: „Пока казаки не капитулировали, они представляли собой силу, с которой нельзя было не считаться, и только после их полной капитуляции мы могли почувствовать себя в полной безопасности."

В своем отчете Бейтс пишет: „Преследуемые со всех сторон. потеряв всякую надежду на победу, они теперь столкнулись с перспективой быть возвращенными в Советский Союз как предатели." Здесь он допускает крупную ошибку. Казаки меньше всего могли себе представить, что англичане выдадут их Красной Армии — их смертельному врагу. Согласно Фролову, делегация с самого начала изложила свою точку зрения Массону и его сотрудникам: „Мы сказали, что мы казаки и всю жизнь посвятили борьбе против советской власти. Мы бились до последней капли крови. Но мы никогда не сражались с регулярными частями западных союзников, потому что англичан и американцев мы считаем своими друзьями." Они были настолько плохо осведомлены о политической и военной ситуации того времени, что союз Англии и Америки со Сталиным действительно считали лишь уловкой, которая вскоре перестанет быть необходимой. Они действительно думали, что вскоре война перейдет в новую фазу — Запад против Советского Союза. В таком случае казаки оказались бы ценными союзниками для западной стороны. Если бы они только подозревали, что Запад положился на добрую волю Сталина и решил преподнести ему в качестве подарка их собственные жизни, они никогда бы не сдались.

Массон приказал казакам спуститься с гор и переправить-

ся через Реку по мосту около Обердраубурга в нескольких километрах от Маутена. Здесь они вышли на шоссе, которое шло в западном направлении параллельно реке к городу Лиенц, расположенному в 15 километрах и разбили лагерь в поле к востоку от города. Примерно в двух километрах от Лиенца, в Пегетце оставались казармы брошенного лагеря, где должны были поселиться женщины и дети. Британцы стали поставлять им довольствие, а за порядок казаки должны были отвечать сами. Офицерам было оставлено их личное оружие и достаточно винтовок, чтоб нести охрану.

Между Лиенцем и Обердраубургом находилась река, шоссе и железная дорога — три параллельные артерии в расстоянии нескольких сотнях метров друг от друга. Это была долина реки Дравы. Она тянулась на несколько километров и ее окаймляли со всех сторон крутые горы. 9 и 10 мая казаки провели в дороге. Англичане с беспокойством наблюдали, как конные эскадроны галопировали взад и вперед, мешая их продвижению. Бейтс пишет, что управлять ими было невозможно: „Лишь немногие говорили по-немецки или по-английски, да и те не были склонны подчиняться." Но несмотря на хаос, они двигались к месту назначения быстро и расторопно, и вскоре достигли цели.

Для казаков это была перемена к лучшему по сравнению с жизнью в Толмеццо, где они страдали от недостатка продовольствия и подвергались постоянной опасности со стороны партизан. Семнадцатилетняя русская девушка из деревни близ Одессы Зоя Полянская, не казачка, но каким-то образом оказавшаяся с ними, вспоминает доброе отношение англичан:

> Когда мы спустились с гор и нашли приготовленные для отдыха кровати с одеялами, я подумала: „это не так уж плохо." И я всегда вспоминаю, что когда нам дали на завтрак по три печенья, я подумала: „это совсем хорошо". А потом они дали нам белый хлеб, чистый белый, которого мы не видели годами. И я подумала: „это божественно."

Согласно английским данным, к 16 мая в долине реки Дравы собралось 22.009 домановских казаков: 15.380 мужчин, 4.193 женщины и 2.436 детей. В нескольких километрах к востоку, недалеко от Обердраубурга, разбило лагерь 4.800 грузин. Еще несколько дальше к востоку английские солдаты

охраняли 15-й Казачий кавалерийский корпус генерала Хельмута фон Паннвица, сдавшийся в полном составе в количестве 18.792 человека. (5) Но в то время царила такая неразбериха, что к точности этих цифр следует относиться с осторожностью. Например, казачьи историки утверждают, что численность войск Доманова в Италии составлала 35 тысяч человек, на 13 тысяч больше, чем сообщают английские источники. Дело, очевидно, заключается в том, что много казаков осталось в Италии и после эвакуации, а другие рассеялись в разных направлениях во время похода через горы. Каждый день прибывали все новые массы людей. Алек Малколм вспоминает: „Мне было сказано, что в мой район прибудет 25 тысяч казаков и что мы должны „присматривать за ними". Но это задание было невозможно осуществить."

В эти первые дни мира на оккупированных территориях Центральной Европы царила неразбериха, а в долине реки Дравы, расположенной вблизи итальянско-югославской границы, положение было еще хуже. Слишком много здесь собралось различных национальностей, политических групп, полунезависимых партизанских отрядов, чье отношение к союзникам в целом было неопределенным. Только что освобожденные военнопленные передвигались с места на место, одни — движимые желанием поскорей попасть домой, другие — твердым намерением не возвращаться, и все они причиняли массу хлопот англичанам и американцам, в чьи функции входило не только сохранять порядок на освобожденных территориях, но и выявлять военных преступников, иметь дело с нацистскими фанатиками, не подчиняющимися приказу о капитуляции.

Остро стояла проблема языка. Английские и американские солдаты не славятся своими лингвистическими способностями, и им было чрезвычайно трудно иметь дело со всеми этими поляками, венграми, болгарами, итальянцами, русскими и югославами, попавшими в их руки. В те времена большинство людей в Центральной Европе знало хотя бы несколько немецких слов, так что при официальных переговорах требовалось обычно два переводчика — один переводил с английского на немецкий, а другой с немецкого на язык того человека, с которым велась беседа. Американские и английские офицеры обладали реальной властью и часто по несколько раз в день должны были принимать решения, от которых зависила жизнь

людей. У них было слабое представление о политической ситуации в странах Восточной Европы и они мало что понимали в тех сложных спорах, которые их просили решать.

Командир 38-ой (Ирландской) бригады Т.П. Скотт попал в одну из самых отчаянных ситуаций. Оказавшись со своим подразделением в юго-восточной части Австрии, он столкнулся с такой сложной в политическом и дипломатическом отношении проблемой, для резрешения которой потребовался бы гений Макиавелли. Во-первых, здесь были казаки. Из шестой полк, входящий в Корпус фон Паннвица, последним оставил Югославию. На протяжении всего отступления их преследовали партизаны Тито, но они стремились во что бы то ни стало достичь австрийской территории и сдаться англичанам, потому что знали, что попади они в руки коммунистов, будь то приверженцы Сталина или Тито, их жизни не стоили бы ни гроша. Подразделение Скотта было первым английским отрядом на их пути.

У Лавамунда на реке Драва, по которой сейчас проходит австрийско-югославская граница, путь к отступлению 6-го полка преградила болгарская дивизия, сражающаяся на стороне союзников под командованием советских офицеров. Они потребовали сдачи, на что получили категорический отказ немецкого командира казаков полковника Карла цу Залм Хорстмара. Болгары угрожали дать бой. Казаки ответили, что в таком случае они будут защищаться. Болгары, уверенные, что Лавамунд находится под их контролем и что казаки не смогут перебраться через мост в Австрию, остановились и стали ждать, когда с востока прибудут советские подкрепления.

В немецкой армии существовало особенно плохое мнение об этих болгарских отрядах, которые частично состояли из людей, сначала сражавшихся на их стороне, а потом сменивших мундиры. Это мнение разделял и полковник Скотт: „Когда я впервые столкнулся с болгарами, я не знал, на чьей стороне они, друзья они, или враги. Теперь они оказались на нашей стороне, хотя начинали с обратного. Во всяком случае было совершенно ясно, что руководствовались они одной идеей: проникнуть в Австрию, чтоб грабить и насиловать."

Полку под командованием Залма, который оказался в безвыходном положении на другом берегу Дравы, повезло. Около Лавамунда они обнаружили лагерь для военнопленных, в котором обитало 1.500 англичан, австралийцев и новозеланд-

цев. В начале мая их немецкая охрана была отозвана и английские солдаты, очутившись на свободе, кое-как перебиваясь, ждали прибытия своей армии. Старшим среди них был сержант — англичанин по имени Эдвин Аткинсон. Именно он, не будучи даже офицером, и всего неделю назад находившийся в положении военнопленного, принял капитуляцую нескольких тысяч казаков и немцев.

Аткинсон вступил также в переговоры с болгарами, которые все еще угрожали перебраться через реку и захватить казаков. Он сумел сдержать их, убедив, что будто бы англичане являются авангардом наступающей 8-ой Армии. Но к тому времени там уже царил полный хаос. Аткинсон отвечал не только за английских военнопленных, но имел также дело с русскими, болгарами и казаками. Кроме того имелось еще и местное австрийское население, и теперь оно в большом количестве жалось к лагерю. Аткинсон вспоминает: „Австрийские женщины так боялись болгар, что искали убежища в нашем лагере, так что в конце концов все они оказались внутри, а мы — за пределами лагеря."

Аткинсон достал мотоцикл и окольными путями отправился в Австрию, где вошел в контакт с английским войсковым соединением под Вольфзбергом. Служивший в полку Залма майор Леопольд Гоесс говорит: „Мы попросили этого сержанта пойти, найти англичан и сказать им, что мы готовы сдаться им, но не болгарам. Аткинсон сделал это и в тот же день вернулся на своем мотоцикле, но только через три дня английские солдаты из Ирландской Бригады Скотта появились у Лавамунда.

Одним из первых прибыл сам Скотт, и когда, не без трудностей, он уяснил себе, кто на чьей стороне, ему неизбежно пришлось вступить в переговоры между двумя враждующими сторонами, чтобы предотвратить сражение. Гоесс говорит: „Английский бригадный генерал прибыл на джипе. Он сказал нам, что война уже несколько дней как кончилась и спросил, почему мы не сдаемся. Мы сказали, что готовы сдаться ему, но не болгарам. Он сказал, что мы не можем выбирать, кому сдаваться, и что болгары — союзники Великобритании. Мы сказали — нет, мы знаем, что случится с немцами, если они попадут к этим людям, и мы не хотим.

„Он сказал, что не имеет значения, кому мы сдадимся, и что он гарантирует нам полную безопасность. Мы опять отка-

зались. Тогда он отправился к болгарскому командиру и, вернувшись, сказал, что обо всем договорился, что мы должны сдать оружие и пройти через болгарскую линию обороны в британский лагерь. Снова мы сказали — нет. Мы опасались, что как только мы сложим оружие, что-нибуль случится. Тогда он рассердился и сросил, как мы можем сомневаться в его слове? Мы сказали, что не сомневаемся в его слове, но не верим слову болгар. — Мы знаем их лучше, чем вы, — сказали мы Скотту."

Скотт почувствовал, что должен еще раз пойти на встречу с болгарами. Через час он вернулся и на этот раз сказал казакам, что он согласен с ними и что неразумно было бы ожидать, чтоб они сдались болгарам. Сразу же он послал небольшую группу английских солдат охранять немцев и казаков, которых теперь считал своими пленными. Он не знал о Ялтинском соглашении и уверял, что их отошлют в британский лагерь.

Ночью 11-го мая болгары подошли к реке и начали окапываться, готовые, очевидно, начать бой. Но если они были готовы уничтожить казаков, они не были подготовлены к тому, чтобы начать открытое сражение с британской армией. Гоесс продолжает: „На следующий день, около 6-ти часов утра пришел бригадный генерал и велел нам двигаться. Нам велели сдать тяжелое оружие и взять с собой только легкое, и так мы направились к мосту." Ни Скотт, ни казаки не знали тогда, пропустят их болгары, или нет. Но Скотт думал, что они блефуют и решил проверить эту гипотезу.

К Скотту присоединились теперь сержант Аткинсон и его военнопленные, которые помогали сопровождать казаков к реке. Аткинсон говорит: „Ирландская Бригада снабдила нас оружием, а мы обеспечили людей. Трудность заключалась в том, что мои английские ребята никогда в жизни не сидели верхом на лошади, и им приходилось помогать больше, чем казакам, которых они пытались охранять." Дорога через Лавамунд от моста до конца города была оцеплена английскими войсками, и казаки шли по ней до самого вечера 12-го мая на глазах у разъяренных болгар, пока не достигли оккупированной англичанами территории.

Сейчас Гоесс с восхищением говорит о том, как Скотт провел все это дело: „ Он три раза курсировал взад и вперед между нами и болгарами, не ради себя, но ради людей, которые были его врагами. Он выполнил свой долг, он фактически сделал даже больше, чем требовал от него долг."

Но и избежав болгарской опасности, казаки и их немецкие офицеры все еще не находились в безопасности. Когда на следующее утро приехал начальник Скотта, командир Корпуса генерал-лейтенант Китли, и узнал, что Скотт принял капитуляцию казаков и дал им определенные обещания, он забеспокоился. Он рассказал Скотту о Ялтинском соглашении, по которому казаки по всей вероятности будут выданы Красной Армии.

Скотт говорит: „Я сказал Китли, что было бы свинством так поступить. Я принял их капитулицию и дал слово. Я страшно разозлился." Китли посоветовал ему предоставить казакам возможность отправиться в Меблинг, в тридцати километрах к северу от Клагенфурта, где находился штаб Паннвица. Ему сказали, что дальнейшая судьба казаков его не касается. Это было компромиссное решение, на которое Скотт согласился только под большим нажимом. Он все еще чувствовал, что его решение принять капитуляцию казаков было правильным: „Если бы я решил иначе, могло бы произойти крупное сражение. Тысячи могли бы погибнуть."

Это, конечно, так, но британские власти должны были понимать, что передача Корпуса Паннвица Красной Армии тоже принесет смерть тысячам.

Сейчас Скотт рассказывает, что недели после капитулиции Германии ему казались самыми напряженными за всю войну: „Короче говоря, ни у кого не было ни малейшего представления, что могло произойти через минуту, и откуда ждать неприятностей. Была полнейшая неразбериха". Перед Скоттом встала и еще одна, более сложная проблема. 14-го мая он получил сообщение, что две части армии хорватов, численностью в 200.000 человек, продвигаются к расположению британских войск у Блейбурга — на автрийско-югославской границе. „Было очевидно, что хорваты сражались на стороне врага", — замечает Скотт. Вместе с ними двигалось примерно полмиллиона гражданского населения, и они хотели вступить на британскую территорию, чтобы сдаться и отдать себя под протекцию англичан. (6)

О политической ситуации в Югославии Скотт знал очень мало, но он не хотел и слышать о том, чтобы позволить сотням тысяч хорватов проникнуть в этот район. Куда они денутся? Кто будет содержать их? Перспектива его ужасала. Единственным средством связи Скотта с вышестоящим ко-

мандованием была рация в его машине, работающая с перебоями. Довести этот вопрос до фельдмаршала Александера, как того хотел хорватский генерал, не было никакой возможности. Скотт должен был сам разобраться в этом деле.

Все осложнялось еще и тем, что недалеко от хорватов находилась армия партизан Тито, готовая в любой момент на них напасть. Группы ненавидели друг друга смертельно. На протяжении четырех лет хорваты были независимы от Югославии и находились под управлением фашиста Анте Павелича и его движения „Усташи". Все это время свирепствовала партизанская война: сербы против хорватов, коммунисты против фашистов, коммунисты против монархистов. Каждая из сторон не знала пощады. Самым темным эпизодом во всей их истории была интервенция казаков на стороне немецких оккупационных войск в Югославии.

Не зная всей предыстории и не сознавая риска, которому он подвергался, Скотт остановил свою машину прямо между двумя армиями и начал переговоры. Сначала они просто не замечали его и сражались, несмотря ни на что. Однако, — как рассказывает Скотт:

> Слава Богу, в небе показался какой-то самолет, и я сказал: „Видите этот самолет? Это я вызвал его по рации. Пока это только разведывательный самолет, но скоро здесь будет много бомбардировщиков. И если вы не заткнетесь и не разойдетесь по домам, вам придется иметь дело с ними. Вас разбомбят!" Я отчетливо дал им понять, что если они начнут сражение, я атакую их всех без разбора. То, что в моем распоряжении было лишь два взрослых мужчины и один мальчик, они не знали.

Но с помощью этого фантастического блефа Скотт смог извлечь из этих орд двух начальников и привезти их в свою штаб-квартиту в замок Блайбург. Поместив хорватов и титовцев в отдельные комнаты, он начал вызывать их по одиночке, надеясь добиться мирного решения. Первый из них — молодой, лет двадцати с небольшим, титовский комиссар — сказал Скотту, что решил немедленно напасть на хорватов. Скотт объяснил, что хорватов можно ликвидировать гораздо быстрее и с меньшими для титовцев потерями, если убедить их сложить оружие. Комиссар согласился отложить атаку на полчаса. Потом он удалился и его место занял хорватский генерал.

Хорват сказал Скотту, что сейчас происходит „эмиграция всей нации хорватов", которые сочли для себя невозможным жить под коммунистами. Они просили рассматривать эту проблему как политическую и передать ее фельдмаршалу Александеру. Скотт спросил хорватов, в какую страну они собираются эмигрировать. Об этом они не имели ни малейшего понятия. Он сказал им, что во всей разоренной войной Европе теперь не нашлось бы места, где смогло бы поселиться и жить такое количество людей. Такое переселение могло бы быть осуществлено только после тщательной подготовки. Хорваты полагали, что могла быть возможность переправить их в Африку или Америку, на что Скотт ответил, что для этого не имеется транспорта. Если они будут стоять на своем и попытаются перейти в Западную Европу, они просто умрут с голода. Они сказали, что предпочитают умереть с голода, чем сдаться, и что они „скорее умрут на месте, сражаясь до последней капли крови, чем сдадутся большевикам."

Между тем, комиссар уведомил Скотта, что ждать больше он не намерен и начинает бой. Вот как Скотт описывает, что последовало дальше:

> Я четко поставил перед ними три альтернативы и дал пять минут на размышление. Альтернативы заключались в следующем. Первая — они сдадутся югославам, а я употреблю свое влияние, правда неофициально, чтобы убедить тех вести себя с хорватами корректно. Вторая — они останутся на прежней позиции и будут атакованы югославами. И третья — они попытаются проникнуть за линию английских войск.

Именно третьей альтернативы Скотт опасался больше всего, так как она поставила бы его и его людей перед массой трудных проблем, как политических, так и административных. Поэтому он пытался убедить хорватов в том, что если они переступят границу оккупированной британцами территории, то „подвергнутся нападению не только со стороны югославов, но и всего массива английских и американских воздушных, сухопутных и прочих сил, какие только имеются в нашем распоряжении." В таком случае они „будут вне всякого сомнения полностью уничтожены". Он думал, что титовцам будет трудно уничтожить такое количество людей, и сомневался, действительно ли они хотят этого. Многие выживут, полагал он, если

будут придерживаться „явно разумной линии поведения". Хорватский генерал сказал Скотту, что лично его титовцы без сомнения убьют, на что Скотт ответил: „Конечно, я сожалею, но лучше одному подставить свое горло под нож, чем идти на убой всем." У них не было выбора, потому что, как прямо заявил им Скотт: „Если они примут какую-либо другую альтернативу, они будут обречены на смерть, так какой в этом смысл?" (7)

Такой грубый подход к человеческой проблеме огромной важности был естественным порождением общего духа жестокости того времени, прямым наследием войны. Это вовсе не означало, что Скотт не сочувствовал хорватскому генералу. „Он казался человеком порядочным, очень воспитаным, с оттенком немецкой воспитанности. Мне было очень жаль его." Но приказ был четек: хорваты были врагами, а титовцы союзниками. Поняв в конце концов безнадежность своего положения, хорваты решили капитулировать. Скотт свел вместе обе стороны и хорваты тут же на месте сдались комиссару.

Титовцы обещали, что гражданские лица будут возвращены в Хорватию, а с солдатами будут обращаться как с военнопленными, „за исключением политических преступников, которые будут иметь дело с судебными органами союзников, учрежденными для этой цели". С точки зрения Скотта „условия сдачи были достаточно справедливыми", и они были бы таковыми, если бы встал вопрос хоть о каком-нибудь контроле над их выполнением. Но было ясно, что как только они выйдут из сферы английского влияния, не найдется никого, кто мог бы наблюдать за ходом выполнения этой сделки или хотя бы знать, что она выполняется. Скотт говорит: „Я получил заверения, что всех их репатриируют и займутся их устройством, но было ли это выполнено, или нет, я до сих пор не знаю. Я понятия не имею, были ли они все убиты. Но я бы не удивился, если бы это было так."

Несколькими неделями позже британское Министерство Иностранных Дел пыталось выяснить, что же на самом деле произошло с хорватами. В частности, оно рассмотрело сообщение некоего лейтенанта Бронислава Тодоровича, напечатанное в одной югославской эмигрантской газете. 5-го сентября сотрудник Министерства Джон Аддис писал в британское посольство в Белграде: „Сообщение Тодоровича содержит в себе зерно истины и его главное содержание подтвер-

ждается другими отчетами, имеющимися в нашем распоряжении. Почти не приходится сомневаться, что имело место широкое и массовое уничтожение югославских квислинговских отрядов. И страшно подумать, что они были отправлены в Югославию британскими солдатами."

Ясно что соглашение между югославами и Скоттом не соблюдалось. Один из состоявших при Штабе генерал-лейтенанта Китли полковник И.Трайон-Вилсон вспоминает, что происходила „страшная бойня хорватов", что многих скашивали пулеметными очередями, когда они по мосту входили на территорию коммунистической Югославии. Другой отчет о последствиях „Блайбургского инцидента", взятый, правда, из резко анти-титовского источника, гласит следующее:

> Самой страшной стороной Блайбургской трагедии были марши смерти, организованные 7-ой Бригадой 17-ой Партизанской Ударной Дивизии, которые проходили по многим городам, селам и деревням Словении, Хорватии и Сербии. Десятки тысяч хорватов шли колоннами с руками, связанными проволокой на типично русский манер. Голодных, страдающих от жажды, истощенных, обезображенных и измученных, „освободители", которые сопровождали их верхом и в машинах, заставляли их пробегать огромные расстояния. Тех, кто не выдерживал такого стремительного „марша" прикалывали ножами, избивали до смерти или пристреливали, и они оставались лежать на обочинах дорог и в канавах. Только немногие хорваты достигли пункта назначения этого „марша" (8)

Что же касается обещанных судов над „политическими преступниками", то проводили их судебные инстанции отнюдь не союзников, а сами югославы, при этом правосудие присутствовало здесь, мягко говоря, лишь в зачаточной степени. Действительно, лидер хорватских „усташей" был очень жестоким человеком. Многие из его помощников без сомнения заслужили свою участь. Но много и простых людей, не втянутых ни в какую политику и невиновных ни в каких преступлениях, жестоко поплатились в годы, когда Тито укреплял свою коммунистическую власть в Югославии. Именно эти жертвы и их близкие, которым удалось бежать за границу, наиболее резко обвиняют Великобританию в выдаче сотен тысяч хорватов в руки их врагов.

Югославская проблема была лишь одной из многих, поставивших перед огромными трудностями английских и американских служащих, которые осуществляли администрирование в Центральной Европе. Как отмечает Скотт в конце своего откровенного отчета о поразительном (но мало известном) Блайбургском инциденте: „Короче говоря, ни у кого не было ни малейшего представления, что могло произойти через минуту и откуда ждать неприятностей." Что мог рядовой западный офицер знать о разнице между титовцами и „усташами"? Но это была его работа, и всякая ошибка могла привести к серьезным дипломатическим трениям между Вашингтоном, Лондоном и Москвой, чреватым дальнейшими последствиями в деле военного равновесия, которое и так поддерживалось с большим трудом. Конечно, армейские офицеры боятся всяческих политических проблем и всеми силами стремятся избежать их. Но бывали моменты, когда от них требовались способности дипломата, историка, лингвиста и социолога. Не следует удивляться, что многие офицеры оказывались не на высоте этих требований.

Помимо фашистов и югославских коммунистов им приходилось еще иметь дело с монархистами, сторонниками Дража Михайловича, известными под названием „четники". Лично эти люди, возможно, были настроены к Англии и Соединенным Штатам вполне дружественно, но те не могли платить им взаимностью, так как Тито был „официальным" союзником, а „четники" скорее готовы были умереть, чем признать Тито. Начальник одной из групп, действующих в Германии, Роналд Белчам направил в Лондон обеспокоенное письмо: „Есть два типа югославских офицеров, официально действующих от имени перемещенных лиц: одни из них монархисты, другие — сторонники Тито. Трения между этими группами часто приводят к взаимным попыткам арестовать друг друга. Какой стороне нам следует оказывать поддержку?" (9) Белчаму было велено поддерживать титовцев. Это показалось ему абсурдным, так как именно Тито был причиной многих беспокойств для западных союзников, особенно в отношении военных конфликтов. Но, — как считали в Вашингтоне и в Лондоне, в частности в Государственном Департаменте и в Министерстве Иностранных Дел, — Тито был союзником, а югославы, которые выступали против него — врагами.

У союзников имелась еще и проблема с нацистскими

войсками СС, все члены которых подлежали аресту. Старшим офицерам были переданы инструкции, как распознавать эсэсовцев. В инструкциях содержалось описание всэсовской формы: черные лычки на воротнике и рукавах, особые знаки различия, изображение черепа на тулье фуражки. Самым главным признаком было вытатуированное около левой подмышки обозначение группы крови. В конце войны многие эсэсовцы пытались выдать себя за простых армейских офицеров, и представители союзных войск были вынуждены постоянно вылавливать их. Бывали даже случаи, когда эти татуировки удалялись хирургическим путем немецкими военными врачами. Политика союзников по вылавливанию военных преступников неизбежно вызывала трения с обыкновенными немецкими армейскими соединениями, которые уже капитулировали.

Небольшое число немцев было настолько пропитано нацистской идеологией, что готово было продолжать борьбу, несмотря на капитулицию. Майор Ирландских Королевских Стрелков Р.С.В. Хауэрд вспоминает об одном батальоне гитлерюгенд, причинившим его отряду немало хлопот:

> Это были пятнадцати-шестнадцатилетние мальчишки, которые поклялись захватить с собой в могилу хотя бы одного вражеского солдата. Они сдались, но было чрезвычайно трудно охранять их, потому что каждый из них стремился причинить нам какой-нибудь вред. Для охраны этого крошечного батальона требовался большой отряд, и наши люди на протяжение суток были вынуждены сменяться каждые два часа. Мы не могли поддерживать порядок, потому что большинство часовых были молодые мобилизованные ребята, и они все время засыпали на посту. С этими юнцами мы не знали покоя, потому что когда мы обыскали их, то у многих нашли оружие. Оно составило вполне солидную кучу. Это было более утомительно, чем воевать.

Казаки, таким образом, были не единственной проблемой, с которой столкнулись победители в Австрии. Фактически, она была менее трудной, чем проблемы других групп. Казаки были почти независимы, сами обеспечивали себя жильем и поддерживали порядок в своих рядах. Они подчинялись приказам англичан сразу же, не вступая в дискуссии. На складе около Лиенца нашлись немецкие летние формы, и они заменили ими

свои теплые одежды, пришедшие в негодность после зимы в горах и неподхоящие для жары. Англичане восхищались их мастерством верховой езды, чувством собственного достоинства и благородством. Считалось, что хотя они еще недавно сражались на стороне врага, англичанам они не принесли никакого вреда, и трудно было усмотреть военные части бывших врагов во всех этих лошадях, казачках, казачьих детях. коровах и даже верблюдах. Они сдавались охотно и во всем шли навстречу англичанам. Они выглядели трогательными и безвредными.

Один из сотрудников Малколма майор В.Р. Дейвис по прозвищу „Рыжий", осуществлял связь между казаками и англичанами. За несколько дней он привязался к казакам и полюбил их. Особенно охотно он вспоминает свою дружбу с молодым офицером М.К. Бутлеровым из Штаба Походного Атамана генерала Доманова. Бутлеров хорошо говорил по-английски. Много дней они провели вместе, объезжая на лошадях этот район. Бутлеров был искусным наездником, Дейвис — новичком. Дейвис вспоминает, как его друг беспокоился о том, как бы „английский майор" не ударил в грязь лицом перед казаками из-за своей плохой езды. Вскоре Дейвис приобрел большую популярность. Все казаки знали его по имени, особенно дети, которые со смехом и криками безотлучно следовали за ним. Поминутно он останавливался и раздавал сладости. Его товарищи по службе отдавали ему свои порции шоколада, и Дейвис проводил много времени, разламывая плитки на малюсенькие кусочки, чтобы не обделить никого из детей. Он ощущал себя настоящим Дедом Морозом.

По иронии судьбы (если принять во внимание трагическую роль, которую ему пришлось сыграть в последующих событиях) Дейвису вначале нравилась его работа. Он знал, что как только закончится процесс освобождения этого района от последних вражеских очагов, скука и ожидание демобилизации начнут разъедать психику английских солдат. Надо будет уделять много времени организации их досуга: спортивным мероприятиям, лекциям и развлечениям. Такая перспектива ему не нравилась. Но работать с казаками было для него ново и интересно. „Они были удивительными людьми, добродушными и смелыми, но не очень хорошими организаторами", — вспоминает он. Он проводил много часов, пытаясь

убедить их устроить свой стан по английскому образцу. Он заставлял их строить больше уборных, проводить регулярный осмотр больных, ежедневно выпускать инструкции и употреблять более питательную пищу. К нему — валийцу и кельту — казаки относились с большей симпатией, чем к флегматичным шотландцам, из которых главным образом состоял батальон. Русские, по своей природе подозрительные к иностранцам, щедры в дружбе, и уж если они верят кому-то, то верят ему целиком. „Ко мне они питали полное доверие. Они верили каждому моему слову", — вспоминает Дейвис.

Лейтенант Том Деннис из Королевской Артиллерии тоже любил своих военнопленных казаков и восхищался ими. Он был одним из небольшой группы военных, служащих в различных полках 11-ой Бригады, базировавшейся в Шпитале в восьмидесяти километрах от Лиенца, чья работа заключалась в охране группы из нескольких сот казаков, служивших и сдавшихся под командованием известного генерала Первой мировой и гражданской войны Андрея Григорьевича Шкуро. Деннис рассказывает: „В лагере для военнопленных на моем попечении были казаки и я проводил вместе с ними по многу часов в день. С помощью моей переводчицы, венгерки по фамиллии Бенес, у меня установились необычайно добрые отношения с этими прекрасными людьми."

С своей стороны, их инструктор по верховой езде давал уроки английским солдатам. „Обычно казаки подкрепляли примером то, что они говорили, и иногда по вечерам устраивали небольшие представления, выделывая на лошадях акробатические номера и на галопе поднимая с земли платки." Такая безоблачная картина наблюдалась в течение двух-трех недель после сдачи. Деннис продолжает: „Искренность и честность этих людей, а также их безграничное доверие к англичанам, ярко демонстрирует следующий случай. Несколько сот оставшихся от немцев лошадей разбежались по всему району, внося по ночам хаос и сумятицу, и наконец из штабквартиры дивизии был получен приказ окружить их и загнать в загон. Для моего маленького отряда это задание было невыполнимым, но один из казаков предложил, чтобы казаки выполнили эту работу, а затем вернулись в лагерь. После долгих колебаний я пошел на риск и счастливые казаки приступили к работе. Они взяли по лошади и помчались к горам. Вскоре на дороге показался укрощенный табун лошадей, сопровожда-

емые тремя верховыми казаками с каждой стороны, и когда работа была закончена, они вернулись за колючую проволоку возбужденные и счастливые."

В то время Дейвис еще не подозревал о том, что Верховное Командование уже приняло решение. В начале мая старшие офицеры 5-го Корпуса, который оккупировал и осуществлял администрацию в Южной Австрии, сделали все, чтобы два главных скопления казаков — одно из Толмеццо и другое , перешедшее через границу из Югославии — были в скором времени переправлены дальше от пограничной линии, чтоб их присутствие не было видным Красной Армии. Однако менялись времена и менялись режимы. Многие из местного населения стремились завоевать к себе доверие со стороны новых властей, как советских, так и западных. Многие австрийцы жаждали услужить Советскому Союзу и предоставляли Красной Армии всяческую информацию, связанную с местонахождением казаков.

Через несколько дней командир Корпуса Чарлз Китли получил требование от своего коллеги по ту сторону границы советского генерала Бузухова о выдаче всех казаков: женщин, и детей, наряду с военными и эмигрантами времен гражданской войны. Китли отправился на переговоры с Бузуховым и вернулся обеспокоенный тем, что, как он понял, от него будут требовать возвращения также и тех русских на кого не распространялись условия Ялтинского соглашения. Во время второй встречи на территории, занятой Красной Армией, обсуждались детали, и английским представителем был на сей раз бригадный генерал И. Трайон-Вилсон — один из сотрудников Китли.

Трайон-Вилсон вспоминает: „Я приехал в Юденбург и встретился с этими старшими офицерами Красной Армии. На открытом воздухе стоял стол, уставленный огромным множеством бутылок. У каждой стороны были свои собственные переводчики. У меня был приказ сотрудничать с ними и постараться, чтобы передача казаков прошла гладко. Они составили список, содержащий имена казачьих офицеров, которые, как они сказали, находились в наших руках. Они дополнили этот список на основании собственных источников. Они сказали мне, что хотят иметь полный список всех офицеров, и хотят, чтобы все они были выданы."

Когда сообщение об этом требовании достигло командира

78-ой дивизии генерала Роберта Арбутнотта, который должен был практически выполнять это задание, начались серьезные неприятности. Трайон-Вилсон вспоминает, что Арбутнотт наотрез отказался выполнять этот приказ. Его реакция была настолько резкой, что Китли обратился к своему начальству, генералу Ричарду МакКрийри и сказал ему, что выдача старых эмигрантов противоречит условиям Ялтинского соглашения. МакКрийри ответил, что единственным человеком, который мог бы вынести решение по этому вопросу был сам Главнокомандующий, фельдмаршал сэр Гаролд Александер.

Трайон-Вилсон говорит: „В то время Алекс часто приезжал из Италии в Австрию. Китли поехал к нему и попытался убедить его. Он сказал, что эта проблема включает в себя две группы людей: первая — это те, кто должен был быть выдан в любом случае, и вторая — кто находится под защитой договора. Он хотел бы знать, почему мы должны нарушать наш долг по отношению к последним. Это люди, боровшиеся на нашей стороне во время гражданской войны под Архангельском и на Дальнем Востоке. Многие из них имели английские ордена."

Но никакие доводы не помогли. Александер получил указания из Лондона, по которым следовало выдать всех казаков: как новых эмигрантов, так и старых. Кто дал указание „перевыполнить" пункты Ялтинского соглашения о репатриации, установить невозможно. Эти события не зафиксированы в отчетах Кабинета Министров за май 1945 года, и никакого письменного приказа, который последовал бы в ответ на запрос Черчилля от 20-го мая никто пока не нашел. Начальник Главного Штаба Александера генерал Уильям Морган говорил, что Александер поднимал этот вопрос в Военном Министерстве в Лондоне, и что в ответ ему было самым резким образом объявлено, что дело это решенное и ничего изменить нельзя. Но кто принял это решение, сам ли Черчилль или кто-то из младших министров — ответ на этот важный вопрос не подкрепляется никакими существующими данными.

Для подчиненных Китли эта позиция прояснилась в приказе, датированным 24 мая. „Крайне необходимо, чтобы были захвачены офицеры и, особенно, старшие офицеры и была исключена возможность побегов. Советские власти рассматривают это как дело величайшей важности и, очевидно, по выдаче офицеров будут судить о доброй воле англичан." (10)

И снова это вызвало гневную реакцию со стороны генерал-майора Арбутнотта, так что в конце концов Китли пошел на крайние меры, почти беспрецедентные в британской армии среди военнослужащих такого высокго ранга. Он вызвал к себе своего подчиненного и отдал ему прямой приказ. Только после этого Арбутнотт согласился подчиниться.

Таким образом ясно, что решение о репатриации было спущено по инстанциям от высшего британского командования вплоть до дивизионного уровня, то есть от фельдмаршала Александера к генералу МакКрийри, от него к генерал-лейтенанту Китли, который и отдал приказ Арбутнотту. Ясно также, что как только этим генералам объяснили, что вопрос решен на политическом уровне, они перестали протестовать и начали выполнять приказ. Командир бригады Массон — следующая в цепочке инстанция за Арбутноттом — тоже заявил протест. Но ему было сказано, что вопрос полностью согласован на уровне Главнокомандующего и что он должен немедленно выполнять приказ. В недавнем интервью в передаче БиБиСи его спросили, приходило ли ему в голову когда-нибудь нарушить приказ. Он ответил: „Нет, конечно нет. Если вы имеете в виду невыполнение приказа, отказ подчиниться ему, то конечно нет."

Политические причины такого решения заключались, конечно, в том, что Великобритания знала, как сильно стремятся советские власти получить в свои руки этих казачьих офицеров, и хотела как можно лучше услужить своему союзнику. В Англии думали, что заполучив казаков, Сталин будет более склонен ограничить претензии Тито, который причинял Западу много беспокойства своими притязаниями на австрийские и итальянские территории, что на конференции, которая начиналась в Москве 17 июня, он займет более разумную позицию в вопросе о будущем Польши. Они также надеялись, что он предпримет более активное участие в войне против Японии, которая еще продолжалась. И с другой стороны, Сталин мог бы перейти к агрессивным действиям, если бы заподозрил Англию в сочувствии к казакам или в попытках укрыть их для того, чтобы использовать в дальнейшей борьбе против Советской России. В Лондоне, и особенно в Министерстве Иностранных Дел считали идею защиты людей, предавших Советский Союз и перешедших на сторону Гитлера, совершенно абсурдной, ибо это могло только спровоцировать Сталина.

Мало кто понимал, почему казаки добровольно сражались на стороне немецких захватчиков. Туманные слухи о чистках и репрессиях тридцатых годов проникали на Запад, но об их масштабах не было никакого представления, и всегда находилось множество крикливых попутчиков, отвергавших всякие обвинения о жестокостях Сталина к своему народу как реакционную пропаганду. Западная публика почти ничего не знала о массовых ссылках и голоде 1933-го года, но для миллионов русских, павших жертвами террора, они были жизненной реальностью. Страдания этих людей были такими страшными и так велика была их ненависть к советскому правительству, что у них оставалось мало сочувствия к жертвам другого архи-злодея — Адольфа Гитлера. Они не имели доступа к западным журналам и другим источникам, и если советская пресса объявляла Гитлера фашистом и убийцей, они не обращали на это внимания. Они не верили диким историям, появляющимся на страницах *Правды* или *Известий.* Нападки на Гитлера никак не отличались ото всякой другой пропаганды.

Итак, миллионы советских граждан — русских, украинцев, казаков, калмыков и других — пришли к убеждению, что не может быть ничего хуже того воплощения сатаны, которое управляет ими. Для них Гитлер был неизвестной величиной. Они были готовы помогать ему и без долгих размышлений встали на его сторону. Слишком поздно они осознали, что сдалав это, они поставили себя вне закона, не только по отношению к Сталину — это они считали естественным и даже желательным, но и по отношению к англичанам и американцам, к которым они не чувствовали вражды. Но для тех, кто вершил дела в Лондоне и Вашингтоне, они были лишь солдатами вражеской армии, предавшими славных русских союзников. Многие на Западе подходили к этой проблеме подобным же упрощенным образом.

Генерал Китли писал автору этих строк: „Конечно, репатриация казаков происходила по приказу Военного Министерства, которое в свою очередь действовало по распоряжению самого Уинстона (Черчилля). Следовательно вопрос, хотели мы проводить эту операцию или нет, фактически не имел значения. Перед нами стояло огромное множество проблем, касающихся перемещенных лиц многих национальных групп, положение которых было отчаянным." Именно под руко-

водством Китли осуществлялась данная операция, и даже теперь он считает, что насильственная выдача казаков была оправданной. Однако многие его подчиненные думали иначе. Английские юноши, несколько недель поддерживавшие контакты с казаками, начинали смотреть на них не как на врагов, а просто как на людей. С другой стороны, английские офицеры имели возможность побывать в зонах советской оккупации. Они наблюдали насилия и убийства и все меньше верили в бытовавший тогда идеализированный образ советского солдата. И их беспокоила мысль о том, что им прикажут делать дальше.

Вот уже несколько дней как закончилась война. Каждый радовался, что остался жив. И вдруг этот приказ о выдаче десятков тысяч явно не представляющих опасности людей в руки армии, которая, как стало известно, обладала лишь примитивными представлениями о справедливости и законности. Когда английские военнослужащие поняли, что им предложили выступать в роли тюремщиков и даже палачей, многие из них ужаснулись. И помимо моральных переживаний они столкнулись и с конкретными трудностями. Как только казаки узнают, что с ними собираются сделать, они начнут сопротивляться. Некоторые из них все еще имели оружие. Так как им нечего было терять, они сопротивлялись бы яростно, и дело кончилось бы новыми жертвами. В мае 1945 года согласиться на это было трудно. Война окончилась. Союзники победили. Люди хотели радоваться, демобилизоваться, а не выполнять грязную и опасную работу.

Принимая во внимание эти соображения, старшие офицеры решили, что для безопасности и успеха дела следует пойти на обман. Английские солдаты обращались с военнопленными по-дружески. Казаки спокойно жили в отведенных им местах, не пытаясь бежать или сопротивляться. И все это происходило только потому, что ни военнопленные, ни солдаты не знали жуткой правды о том, что решение о насильственной репатриации уже принято. Ну что же, значит надо поддерживать в них ложное чувство безопасности до последнего момента. Только таким образом казаков можно будет разоружить, погрузить на транспорт и отправить на Восток без кровопролития и массовых побегов.

У казаков был целый ассортимент оружия. По большей части оружие было немецким, но было также и советского,

югославского и итальянского производства. Немцы, относясь к своим союзникам-казакам подозрительно, не проявляли особой щедрости, снабжали их лишь время от времени, предоставляя им самим заботиться о добыче оружия. После битвы под Сталинградом, во время немецкого отступления, к ним стало попадать румынское оружие. Сражающиеся на немецкой стороне румынские солдаты не горели желанием участвовать в этой кровавой бойне и дезертировали массами. Дмитрий Фролов рассказывает: „Я помню, как румыны продавали нам свои винтовки за золотую монетку или даже за кусок хлеба. Потом они убегали." В конце войны казаки сражались с Красной Армией, с партизанами в Италии и Югославии, и когда они побеждали, то забирали оружие у тех, кого убивали или брали в плен. Чтобы избежать полного смешения видов оружия, его перераспределяли, так что каждый эскадрон был вооружен по одному образцу, но наличие в одном полку трех или четырех типов винтовок было обычным делом.

Английские офицеры начали распускать слухи, что казакам будет предложено вступить в английскую армию, образовав в ее составе нечто вроде Иностранного Легиона. „Наши солдаты устали, скоро мы начнем демобилизацию, у нас не хватает людей для охраны", — вспоминает Фролов слова одного англичанина. Другой казачий офицер Александр Шпаренко, писал: „Пошел слух, из весьма достоверных источников, что англичане завезли нас в это ущелье с целью скрыть от глаз большевиков и что мы пробудем здесь лишь столько времени, сколько потребуется, чтобы подготовить суда, которые увезут нас на „черный материк" (в Африку) для несения караульной службы." (11) Другие приносили слухи, что их мобилизуют для борьбы против Японии. Разгоряченное воображение дополняло и приукрашивало эти умышленно распространяемые слухи. Говорили даже, что английское и американское посольства покинули Москву и что вскоре должна начаться война. Для казаков это было бы лучшим выходом. В качестве союзников Запада они бы ценились на вес золота, а в случае победы получили бы в награду свои исконные земли.

26-го мая полковник Малколм отправился на конференцию в Обердраубург, где получил подробные инструкции относительно предстоящего ему неприятного задания. По возвращении в Лиенц он проинформировал своих помощников, среди которых был и „Рыжий" Дейвис. Тот тут же попросил

освободить его от работы в качестве офицера связи. Он сказал Малколму, что вошел с казаками в слишком тесные дружеские отношения. В течение нескольких недель он был их руководителем и советником, отвечал на все волнующие вопросы и уверял, что и речи не может быть об их выдаче русским. В данной ситуации он оказывается в ложном положении и его надо кем-то заменить.

Дейвису объяснили, что именно в силу завоеванного им доверия казаков, он должен продолжать выполнять свою работу и передавать им все распоряжения англичан. Операцию можно произвести быстро и эффективно только в том случае, если военнопленные будут оставаться в блаженном неведении относительно своего будущего. А они будут продолжать верить в свою безопасность, только если Дейвис уверит их в этом. Исходя из этого, он должен приглушать их страхи благодушными заверениями. Отныне ему следовало лгать. Таков был приказ.

Бригадный генерал Массон в своем интервью объяснял, что в его приказах особо подчеркивалась необходимость выдать Красной Армии всех казачьих офицеров, всех без исключения, очевидно исходя из того, что как говорилось в приказе Китли, такой жест будет рассматриваться советскими властями как знак доброй воли со стороны англичан. Когда Массона спросили о коварных приемах, применявшихся в этой операции, он ответил, что не видел других способов ее осуществления: „Я не думаю, что можно было каким-нибудь другим образом переместить всех офицеров, рассредоточенных в долине на территории в несколько километров. Я не думаю, что мы смогли бы даже собрать их вместе. Мы смогли бы собрать нескольких, но отнюдь не все 100%, как мы были обязаны сделать.

Приказ Массона выдавал тревогу: „Если лицо или группа лиц попытаются бежать, прикажите им окриком остановиться. Если они преднамеренно не подчинятся вашему приказу и попытаются бежать, открывайте огонь и цельтесь в ноги, если сочтете, что этого будет достаточно для предотвращения бегства. Если нет — убивайте. Если на вас станет надвигаться вышедшая из повиновения толпа, убивайте главаря. Не следует стрелять поверх голов или в воздух, ибо в таком случае вы можете убить или ранить невиновного, находящегося вдалеке." Массон приказывал также своим солдатам и

офицерам всегда иметь при себе оружие и не ходить поодиночке. В конце говорилось, что каждый военнопленный, уличенный в хранении оружия после двух часов дня 27-го мая, будет подвергнут наказанию вплоть до смертной казни.

До казаков не дошло ни одного из этих тревожных слов. Все, как они думали, шло своим чередом и англичане готовили им место вне Советского Союза, где б они могли жить и работать. Именно в этот момент, как утверждает Дмитрий Фролов, в качестве предлога для разоружения был использован тот факт, что оружие казаков недостаточно унифицировано. Он говорит: „ Английские офицеры сказали нам, что у них нет боеприпасов для всего нашего русского, румынского и итальянского оружия. Если мы хотим служить им, мы должны сдать все наши винтовки и револьверы. Взамен нам выдадут новые, английского образца. Мы поверили им и сделали так, как они хотели." Этот рассказ подтверждается несколькими эмигрантскими историками (12), однако был здесь обман или нет — казаки не видели в этом приказе о разоружении ничего необычного. Как бы там ни было, они все-таки были военнопленными. Приказ звучал разумно и они подчинились ему. Как вытекает из отчета Массона: „Не следует сомневаться, что офицеры обоих соединений, как казачьего, так и кавказского, сделали все возможное, чтобы обеспечить успешное выполнение отданного им приказа о разоружении." Английские офицеры выполнили свой долг с такой осторожностью и тактом, что ни у одного казака не возникло подозрений на этот счет.

Теперь настало время для „второй стадии" операции. Вскоре после разоружения Дейвис через переводчика Бутлерова сообщил старшим казачьим офицерам, что все они вызываются на конференцию, на которой решится судьба казачьих войск. Это была прямая ложь, и Дейвис произнес ее вопреки собственной воле, повинуясь прямому приказу высшего начальства. В действительности никакой конференции не намечалось. Казачьих офицеров приглашали не для дискуссии, а для того, чтобы без промедлений передать в руки советских представителей. Полковник Малколм рассказывал автору этих строк: „Мы знали, что добровольно казаки домой не поедут, если офицеры прикажут им не ехать." План, следовательно, заключался в том, чтобы, заманив в ловушку офицеров, лишить казаков верхушки и сделать их более сго-

ворчивыми, когда, наконец, до них дойдут дурные вести.

Сообщение породило среди казаков некоторое беспокойство. Теперь их сомнения стали расти. Конференция конференцией, но неужели на нее действительно нужно приглашать всех офицеров, все полторы тысячи? Дейвис объяснял, что таков приказ — каждого офицера, без исключения. Он вспоминает: „Бутлеров говорил мне: „Очень странно, почему английский генерал сам не приедет к нам, вместо того, чтобы приглашать всех нас к себе?" Он сразу же раскусил подвох. Попробуйте убедить такого!" Казаки считали безумной идею созыва конференции с участием полутора тысяч человек. Почему бы им просто не послать своих представителей? „Нам было сказано, — вспоминает Фролов, — что мы все должны явиться, что имеется много соединений — кавказцев, калмыков, украинцев, не говоря уж о русских, — сражавшихся на стороне немцев. У английского генерала нет времени посещать каждое в отдельности. „Не беспокойтесь, — говорили они, — до Обердраубурга только двадцать километров, там вы пообедаете, а к вечеру вернетесь в Лиенц". Солдатским долгом Дейвиса было врать, и сегодня он с удивлением вспоминает, как успешно он выполнял это задание. „Не знаю, уж каким дьявольским образом мы усыпили их подозрения и заставили их отправиться. Я с ужасом оглядываюсь на прошлое. Это был действительно адский и коварный обман," Такая позиция Дейвиса вызвала следующий комментарий Массона: „Дейвис был хорошим офицером, но он был слишком втянут в это дело эмоционально. Что касается меня, то я всегда знал, что следует поддерживать как можно меньше личных контактов с казаками. Личные отношения могут очень мешать."

Дейвису было сказано, что приказ о репатриации исходит из высших инстанций и согласован между Сталиным и Черчиллем в Ялте. Но ему не сказали, что это соглашение не распространяется на тех, кто не был советским гражданином до начала войны в сентябре 1939 года. По этому соглашению многие казаки, находившиеся в Лиенце, как например семья Краснова или его друг Бутлеров, вовсе не подлежали выдаче. Среди высшего офицерства только Доманов к 1939 году был советским гражданином. В соответствии с соглашением английские офицеры были обязаны отделить старых эмигрантов от новых и выдавать только последних.

Фактически получилось так, что приказ, исходящий из

Штаб-квартиры генерала Китли, не совпадал с условиями Ялтинского соглашения. По этому приказу целые группы и национальности подлежали репатриации: казаки под командованием Доманова в Лиенце, 15-ый Казачий Кавалерийский Корпус генерала фон Паннвица, части генерала Андрея Шкуро и кавказцы под командованием генерала Клич Гирея. Все входящие в эти группы, согласно приказу, считались советскими гражданами, а „индивидуальные дела могли рассматриваться только в особых случаях". Другими словами, здесь применялся принцип презумпции виновности. Людей посылали на верное тюремное заключение и возможную казнь только потому, что у них не было достаточно веских аргументов для доказательства своей непричастности к советскому гражданству.

На случай, если кто-нибудь стал бы настаивать на том, чтоб для него сделали исключение, приказ содержал в себе следующие руководящие указания:

> Всякое лицо, находящееся теперь в наших руках, которое в момент присоединения к немецким вооруженным силам или соединениям, борющимся на стороне немецких вооруженных сил, проживало на территории Советского Союза 1938-го года, в вопросе о выдаче должно рассматриваться как носитель советского гражданства. Всякое лицо, не проживавшее в СССР с 1930 года и до присоединения к немецким вооруженным силам, не должно рассматриваться как носитель советского гражданства вплоть до дальнейших распоряжений. Во всех сомнительных случаях, таковых следует рассматривать как советских граждан.

Это было еще одним серьезным отходом от Ялтинского соглашения. Эти два определения — „советского гражданства" и „не советского" — не были взаимоисключающими. Под них не подпадали лица, покинувшие Россию между 1930 и 1938 годами. Можно предположить, что они принадлежали к категории „сомнительных случаев", предусмотренных последним пунктом этого приказа, который противоречил трем главным принципам британского правосудия: что иностранцу, имеющему причины опасаться политических преследований за свои политические убеждения, продоставляется политическое убежище; что только осужденный подпадает под действие закона;

что он считается невиновным, пока вина его не доказана и не подлежит сомнению.

Не часто британские власти могут столь легкомысленно распорядиться столькими человеческими жизнями. Массон говорит: „У нас был лишь небольшой штаб, который не имел возможности проводить расследования в таком масштабе. Мое начальство знало, что допросы военнопленных никогда не проводились на бригадном уровне. Даже если бы они попросили меня, я не смог бы этого сделать." Что же касается казачьих офицеров, то мы вообще не собирались разделять их на категории. Приказ Китли, где говорилось о нераспространении репатриации на русских, не проживавших в России с 1930 года, противоречил его же собственному приказу от 24-го мая, в котором четко указывалось, что все офицеры без исключения будут отосланы на родину. Именно приказ от 24-го мая и имел реальную силу.

Вечером 27 мая несколько старших казачьих офицеров — Доманов, Соломахин (новый начальник Штаба), Васильев, Силкин и Фролов — собрались, чтобы обсудить, верить ли англичанам и ехать ли на конференцию, которая должна была состояться на следующий день. Фролов рассказывает:

> Все были за поездку. Они думали, что все в порядке. И я, Ей-Богу, был единственным, кто не верил англичанам. Я не понимаю, — сказал я, — зачем они отобрали у нас оружие. Слишком многое остается недосказанным и туманным. Доманов спросил: что я имею в виду? Англичане относятся к нам хорошо, так стоит ли их подозревать? Я сказал, что мы должны приказать нашим семьям — женам и детям — покинуть Лиенц и двигаться в южную Германию или Швейцарию. Они не военнопленные, англичане не могут задержать их силой, а если они сделают так, то это покажет, что они — наши враги. Если же они пропустят их — значит они говорят правду. Но Доманов не слушал меня. Он начал сердиться и мы поссорились. Я покинул собрание и больше не видел никого из них.

Между тем, другое главное казачье соединение — 15-ый Казачий Кавалерийский Корпус под командованием генерала Хельмута фон Паннвица продвигалось к району Моблинг-Мюлен, в 150-ти километрах к востоку от Лиенца и в 40 километрах к северу от Клагенфурта. Паннвиц был кавалерийским

офицером старой закваски, казаки его любили и, в отличие от нацистских идеологов, он стремился как можно полнее использовать присоединившихся к немцам славян в целях свержения советского режима.

9-го мая война закончилась, и Паннвиц, со всей поспешностью отступавший из Югославии, решил войти в контакт с британскими вооруженными силами. Он назначил посланником своего штабного майора Эрвеин Карла цу Эльтца и направил его с письмом в Ставку Верховного Британского Командования: „Майор граф Эльтц согласно моему приказу прибыл к Вам, чтоб просить Вас принять на себя судьбу двух народов.

„На протяжении 27-ми лет казаки и калмыки, населявшие территорию между Каспийским и Черным морями, отстаивали свою свободу от большевизма. Их ссылали в северные части Советского Союза, где они погибали в огромных количествах. В 1942-43 годах остатки этих народов вместе с женами и детьми покинули свои дома, чтобы последовать за немецкими войсками, и все способные носить оружие входят сейчас в состав моего корпуса. Их жены, дети и мужчины, негодные для несения военной службы, расселились частично в Германии, а частично в северных районах Италии. Передача их в руки Красной Армии имела бы для казаков и калмыков самые ужасные последствия, так как советское правительство явно намерено эти народы уничтожить.

„Немецкий народ проиграл войну и теперь разделяет судьбу побежденных. Однако казаки и калмыки являются союзниками немцев только в их борьбе с большевизмом. Они сражались против той формы управления, которая казалась им неприемлемой. В связи с этим я направил несколько моих офицеров к западному командованию, чтобы возбудить интерес западных властей к судьбе этих двух небольших наций, которые борются только за то, чтобы отстоять свою политическую свободу." (13)

Эльтц и сопровождавший его полковник фон Рентельн вошли в конце концов в контакт с офицерами 6-ой Бронетанковой Дивизии около Фолькермаркта. Родители Эльтца перед войной были лично знакомы с фельдмаршалом Александером. Рентельн в 1919 году служил у него в Прибалтике и вместе с ним боролся против большевизма. Они думали, что их встретят вежливо и с уважением примут их капитуляцию. Они, как

и казаки, наверное, понимали настроение англичан, которые относились крайне подозрительно и питали сильную неприязнь ко всякому, кто сражался на стороне гитлеровской Германии. Рентельн протянул руку английскому офицеру и был поражен его холодным отказом пожать ее. Эльтц пишет: „Хотя я явно имел дело с офицерами, принадлежащими к так называемым высшим слоям общества, это не было джентельменским обращением с побежденными врагом. Было сказано много резких слов и вся эта процедура приняла унизительный характер."

Эльтцу сказали, что так как его корпус сражался в Югославии, они должны сдаться представителям Тито. Он ответил, что это невозможно, что казаки скорее будут биться до последнего, чем сдадутся каким бы то ни было коммунистам. Между тем, фон Паннвиц крепко держал в руках свой Корпус. Имея в своем составе более двадцати тысяч хорошо вооруженных людей, он мог бы оказать упорное сопротивление, если бы решил бороться до конца. Англичане удалились, чтобы обсудить этот вопрос и вскоре информировали Эльтца, что предложение Паннвица отвергнуто. Вместо этого корпусу было приказано вернуться в Югославию и войти в контакт с вооруженными силами Тито в Загребе.

„Более жестокого решения трудно было вообразить", — записал Эльтц в своем дневнике. Это означало, что казаки могут отказаться сложить оружие и тогда война будет продолжаться на австрийской земле. Однако Эльтц понимал, что не может сделать ничего другого, кроме как передать это сообщение. Поэтому он попросил англичан снабдить его документами, чтобы вернуться к Паннвицу. Английский офицер выдал ему документы, сопроводив это тревожными словами: „Вы можете быть совершенно уверены, что выдача казаков Советскому Союзу окончательно решена."

Эльтц вернулся в штаб-квартиру фон Паннвица, сообщил ему дурные вести и уговаривал его распустить корпус. Если он сделает это, то большинство немцев и, возможно, какая-то часть казаков сможет рассеяться по окрестностям и избежать насильственной репатриации. В любом случае это был их единственный шанс. Однако Паннвиц уже успел войти в контакт с другими английскими соединениями и получил от них иную информацию о будущем своего корпуса. Он сказал Зальму, что получил твердые заверения от британских властей, что

насильственной выдачи не будет.

Гоесс говорит: „Паннвиц считал, что корпус должен остаться в полном составе и что англичане собираются переправить его на какой-нибудь остров в Тихом Океане или сделать из него нечто наподобие Иностранного Легиона." Эльтц рассказывает: „Паннвиц думал, что корпус могут послать в Иран, чтобы оказать сопротивление коммунистам, которые пытались захватить иранский Азербайджан. Но хотя Паннвица и можно обвинить в некоторой наивности, нет никаких сомнений, что именно английские офицеры поддерживали в нем эти иллюзии. Хотя он и был в окружении, он и его немецкие офицеры все еще держали корпус под своим контролем, и в случае массовых побегов могли бы причинить союзным властям крупные неприятности. Если бы это случилось, британские власти попали бы в трудное положение по отношению как к своим советским союзникам, так и к собственным административным органам в этой области.

В течение нескольких дней после капитуляции в корпусе разгорались страстные споры. Многие немецкие офицеры получили информацию о предстоящей выдаче. Они очень неохотно подчинились приказу генерала о сохранении цельности корпуса и готовились к бегству. Кроме того целая бригада под командованием казачьего полковника Кононова и часть третьей дивизии корпуса откололись от остальных и отказывались подчиняться приказам. Знаменательный факт: в этой бригаде не было немецких офицеров. Проблемы, вызванные поражением, начали подрывать единство корпуса.

22-го мая Паннвиц встретился с английскими офицерами в замке в Эберштейне, расположенном в нескольких километрах к югу от его собственной штаб-квартиры, и рассказал им о тех дисциплинарных проблемах, с которыми он столкнулся. Сам он пользовался популярностью среди казаков, — объяснил он, — потому что говорил по-русски и командовал ими с момента сформирования корпуса в 1942 году под Сталинградом. Но этого нельзя было сказать про всех 1.142 немца, вкрапленных в основную массу корпуса из 18.792 человек и, как правило, занимающих здесь командные посты. Поражение показало, что казаки и немцы имеют разные цели и разные планы, и единственным объединяющим их началом была их общая ненависть к коммунизму.

В некоторых английских отчетах мы читаем об этой встре-

че следующее: „Генерал был озабочен упадком дисциплины и попросил нас, чтобы было твердо установлено, что его корпус остается под немецким контролем. Он выразил желание, чтобы командование корпусом было передано самим казакам, но считал, что среди казачьих офицеров не имеется подходящих для этого кандидатур. Он считал, что было бы разумно оставить его на посту командующего корпусом до самого конца в силу той репутации, которой он пользовался у казаков. Но нет никакого сомнения, что генералу хотелось бы отмежеваться от казаков, которые считались предателями своей родины."

Через два дня Гоесс и адъютант Паннвица майор Герберт фон Химменгофен доложили англичанам, что дисциплина еще более ухудшилась: „Два отдельных эскадрона казаков отказались выполнять приказы своих немецких офицеров, которые в результате отказались от командования. Теперь оба эскадрона находятся под командованием казачьих офицеров. В данной ситуации генерал хотел бы ускорить процесс передачи командования в руки казачьим офицерам. „На следующий день в корпусе произошла перестрелка, а от местного населения посыпался поток жалоб относительно принадлежащих казакам 15.000 лошадей: „Им понадобилось всего несколько дней, чтобы выщипать всю траву в этом районе. Когда их перегнали в другое место, повторилось то же самое. Казаки позволяют своим лошадям выщипывать всю траву, тем самым обостряя проблемы."

Все это время англичане держали в страшной тайне свое обещание советским союзникам выдать весь этот корпус, причем не только казаков, но и немцев. Это обещание противоречило Ялтинскому соглашению, по которому выдавать можно было только советских граждан. „Ситуация довольно щекотливая", — писалось в английском отчете. „Ясно, что ни фон Паннвиц, ни его сотрудники не подозревают об этом, но эти подозрения возникнут, когда потребуются отдельные именные списки."

25-го мая один из старших казачьих офицеров пришел к англичанам с официальным требованием освободить корпус от немецких командиров. Английский офицер решил воспользоваться этим, как удобным случаем. Он не был уполномочен разрешить эту операцию, да она и не имела уже значения после соглашения, которое было заключено 28-го мая

и в котором говорилось о передаче всего корпуса Красной Армии. Но он ответил казаку, что обратится с этим вопросом к своему командованию и создал у него впечатление, что это требование будет, по всей вероятности, выполнено.

Английский отчет гласит: „Понимая, что следует сразу же использовать любой шанс, этого казачьего офицера попросили поговорить с генералом о немедленном составлении именных списков, которые показывали бы наличие всех казачьих и немецких офицеров, сержантского состава и других рангов поименно. В этом отношении внутренние волнения в лагере сыграли на руку и именные списки были получены, не вызвав подозрений, что они были предназначены для передачи русским. Совершенно очевидно, что если бы они узнали об этих планах, то начались бы массовые попытки к бегству и самоубийствам." (14)

Однако несколько немецких офицеров, включая Залма и Гоесса, уже готовились к побегу. „Мы уже не несли ответственности за корпус. Мы не могли помочь Паннвицу. Но у нас был долг перед нашим собственным полком и мы должны были сделать все возможное, чтоб спасти его от русских", — говорит Гоесс. Он сказал англичанам, что он и его немецкие сотрудники первоначально входили в состав одной немецкой полевой кавалерийской бригады, которая в данный момент находится в Маутендорфе, недалеко от Зальцбурга, в американской оккупационной зоне. Он знал, что в интересах англичан и американцев было объединить по возможности разбросанные повсюду небольшие группы немецких военнопленных с их главными соединениями. Пользуясь этим, он и Залм решили отвести своих немцев в Маутендорф и тем самым спасти их.

Эта проблема обрела острый характер, когда 26-го мая английский офицер сказал Гоессу, что в эту ночь он и его солдаты освобождаются от несения охранной службы и заменяются отрядом шотландцев из 139-ой Пехотной Бригады. „А это что-то да значит, потому что шотландцы гораздо жестче нас", — сказал он Гоессу вопреки инструкциям, которые обязывали его избегать всяких намеков на предстоящую операцию. После чего Гоесс отправился в Сан Вейт, расположенный в нескольких километрах от Клагенфурта, и сказал транспортному офицеру, что его бригада начинает отходить от Маутендорфа. Офицер согласился предоставить Гоессу несколько грузовиков для переправки его людей на запад.

Один из офицеров Паннвица подполковник фон Штейндорф, проведший десять лет в Сибири и освобожденный в 1965 году, рассказывает, что в то время Паннвиц подозревал неладное, но он отказывался от всяких действий, потому что не хотел бросить своих казаков. Но у других немецких офицеров впечатление иное. Залм говорит: „Паннвиц происходил из Верхней Силезии и никогда не жил на Западе. Он в совершенстве знал польский и русский, но не знал английского. Он относился к англичанам и американцам как к сказочным героям. Мысль, что английский офицер может нарушить слово, была для него абсолютно неприемлемой."

„Даже в этот последний день, — говорит Гоесс, — некоторые казаки имели возможность бежать. Но Паннвиц все еще отказывался верить в то, что должно было произойти. Он приказал своим солдатам оставаться на местах и почти все подчинились ему." После 26-го мая условия для бегства стали более трудными, но в предыдущие две недели возможность ускользнуть имелась у многих, особенно у немцев, которым было куда бежать. Но и в этом случае, как и в других, английская тактика обмана действовала на удивление успешно.

28-го мая Паннвицу и некоторым его немецким офицерам было приказано сдать револьверы и приготовиться к перемещению в другой лагерь. Большинство из них не протестовали, однако Гоесс и Залм быстро приготовились эвакуировать около 250 немцев из 6-го полка в Сант Вейт в грузовики, которые уже ожидали их. Сам Гоесс вернулся домой, благо тот был поблизости, а Залм и большинство других достигли Маутердорфа, где их немецкие начальники быстро снабдили их новыми документами и они смешались с остальными. Наконец, они были в безопасности, так же как и другие 250 немцев, бежавших разными путями после того, как каждый в отдельности был предупрежден английскими солдатами. Но более 500 немцев остались с Паннвицем и с 18.000 казаков.

В назначенное время генерал произвел смотр своим немецким подчиненным, готовым двинуться в другой лагерь. Их посадили в машины и повезли, но не в лагерь, а в Юденбург — небольшой городок в 200 километрах к юго-востоку от Вены на реке Мур. Эта река протекает в ущелье, которое разделяет город на две части, а через ущелье перекинут мост, по которому тогда проходила граница между двумя союзными арми-

ями. Лейтенант В.Инглиш, командовавший подразделением Королевской Артиллерии, которая охраняла этот мост, вспоминает, как Паннвиц прибыл туда в белом автомобиле. Когда машина въехала на мост, Инглиш последовал за ней и остановился там, где кончалась нейтральная и начиналась советская сторона.

Отсюда было удобно наблюдать за процедурой выдачи: „Паннвиц был очень высокий парень. Он вышел из машины, подтянулся, встал во весь рост и только тогда осмотрелся. И, казалось, только в этот момент он впервые понял, что произошло. Потом он под напряженными взглядами окружающих очень медленно направился к русским и отдал им честь. Он заставил их ждать и выдержал свою роль с большим достоинством." Официальный британский отчет создает то же впечатление: „139-ая Пехотная Бригада успешно сохранила тайну, и о степени этого успеха говорит хотя бы тот факт, что когда генерал фон Паннвиц вышел из автомобиля, в котором его перевозили через границу советской оккупационной зоны, он был явно удивлен при виде русских. Он воздел руки к небу и воскликнул: — Боже мой!"

Р.К. Кокелл был еще одним молодым английским офицером, который находился тогда у этой границы. Его работа заключалась в том, чтобы вместе с двумя русскими переводчиками, кое-как замаскированными под шоферов, стоять у пограничной линии и отмечать то, что говорили советские офицеры тем, кого им передавали. Он вспоминает эту сцену скорее как искренне доброжелательную встречу, чем как арест опасных преступников. По громкоговорителям передавалась русская музыка, развевались флаги, и фотографы запечатлевали эту сцену. Он вспоминает также „большое число советских боссов", прибывших, чтобы приветствовать побежденных врагов, и несомненно жаждущих посмотреть на высших казачьих офицеров, чьи имена были хорошо известны по всей России. Советские офицеры отмечали фамилии арестованных по списку, который англичане получили от сотрудников Паннвица и передали советским представителям. Кокелл видел, как один советский офицер подошел к высокому стройному казаку, как будто искренне хотел поприветствовать его: „Помните меня? Я был вашим конюхом!" Он считает, что казачьи офицеры выглядели „весьма внушительно", и на него произвело впечатление, как они, полностью

сознавая свою обреченность, с презрением относились к советским офицерам.

Англичанин спросил одного советского офицера, что произойдет с казаками, и ему было отвечено: „Офицеров расстреляют, а рядовых солдат сразу же пошлют в Сибирь." Он вспоминает, что тогда это не произвело на него особого впечатления. Он рассказывает:

> Все полагали, что они не могут причинить большого вреда стольким людям, буквально десяткам тысяч. Мы думали, что они накажут для примера одного-двух, как мы сами сделали с люрдом Хоу-Хоу, и все. Беда в том, что мы все были очень молоды и переполнены военными переживаниями. Каждый день происходило гигантское переселение народов: беженцы, военнопленные — сотни и сотни тысяч. Но все это не казалось нам очень важным. А важным было что-то вроде: смогу ли я удрать сегодня с дежурства и сыграть в теннис? — Это звучит ужасно жестоко, но я боюсь, мы были таковы. Что же до казаков, то мы действительно не знали, кто они такие и что происходит. В каком-то смысле я этому рад, потому что не представляю, что бы я делал, если бы знал. Но теперь я знаю и думаю, что это была самая страшная трагедия.

Кокелл тоже спросил, что будет с казаками, и ему сказали, что офицеров расстреляют, а рядовых солдат будут „перевоспитывать". Трудно сказать, сколько офицеров было расстреляно. Единственное сообщение о смертном приговоре и приведении его в исполнение касалось П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснова, Т.И. Доманова и фон Паннвица. Сообщение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР было напечатано в *Правде* от 17 января 1947 года. Все остальные казаки, очевидно, провели по крайней мере по десять лет в исправительно-трудовых сталинских лагерях, условия в которых были настолько тяжелыми, что выжить в них было нелегко. Но очевидно и другое. Многие из этих жертв вообще не должны были быть выданы русским, даже по условиям Ялтинского соглашения. Ни Паннвиц, ни служившие в его корпусе немцы, ни старые эмигранты не были советскими гражданами и их выдача была абсолютно противозаконна.

Теперь Кокелл говорит: „Я погрузился в эти дела, не ведая, что творю, и я вышел из них с чувством омерзения. Я

вдруг понял, что был втянут в нечто страшное." Его особенно потряс обман. Его начальники придерживались точки зрения, что этот обман сделал возможным выдачу целого корпуса без больших жертв, как со стороны англичан, так и со стороны казаков. Следующие главы этой книги покажут, что если бы казаки и немцы знали, что их ожидает, то разыгрались бы жестокие сцены. Поэтому английские офицеры и говорили Паннвицу ложь за ложью. Он поверил им, и, благодаря этому, операция — с чисто военной точки зрения — прошла успешно.

Глава пятая

КОНФЕРЕНЦИЯ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Никто не ожидал, что выдача 25.000 домановских казаков пройдет так гладко. В 11 часов утра 28 мая Доманов сообщил своим офицерам, что все они сегодня должны отправиться на конференцию. Его слова были встречены градом вопросов. Какие вещи брать с собой? Доманов ответил, что не надо брать ничего, даже шинелей, потому что они вернутся в Лиенц сегодня же вечером (1) „Почему бы нам не уйти в горы? — спросил один офицер. Доманов дал ему прямой приказ оставаться со всеми. (2) Он был убежден, что никакой опасности казакам не грозит, и самое страшное, что может произойти с офицерами после конференции, это их заключение в обычный английский лагерь для военнопленных. Конечно, сидеть за колючей проволокой неприятно, но это можно перенести. Лучше всего будет, конечно, если офицеров вернут обратно в Лиенц. Казачий полк сохранил бы свою цельность и можно было бы снова начать борьбу с Советским Союзом под командованием американцев или англичан.

Оглядываясь назад, казаки, которые вышли живыми из этой переделки, с трудом могут понять, как они позволили заманить себя в ловушку. Их бдительность притупилась под влиянием английской доброжелательности и условий содержания в лагере, которые после тяжелой зимы в итальянских горах были почти роскошными. Они были обескуражены неожиданным концом войны и хотели верить, что на этом их собственный крестовый поход не окончен. Некоторые из них обвиняют Доманова в том, что он ввел их в заблуждение и заставил подчиниться англичанам. Они даже утверждают, что Доманов знал о депортации и подыгрывал англичанам в надежде спасти собственную шкуру. Один казак пишет:

> На допросах в советских лагерях — Шпитале и Юденбурге, Доманов сказал при свидетелях старшему советскому следователю полк. Свиневу, что он знал о готовящейся выдаче казаков с их семьями большевикам и что должны быть выдачи, но он (Доманов) желая выслужиться перед советским правительством, повлек с собой и старых эмиг-

рантов... Присутствовавшие при этом, выданные офицеры, так были возмущены поведением Доманова, что его должны были изолировать, чтобы спасти от расправы. (3)

Друг атамана Павлова Петр Донсков в письме к автору этих строк тоже называет Доманова предателем и советским агентом. Он утверждает, что Доманов, будучи эмигрантом с 1943 года и более всех других подпадая под Ялтинское соглашение о репатриации, советовал англичанам выдать и старых эмигрантов, надеясь тем самым выслужиться перед советскими властями, в руки которых он сам должен был попасть. Генерал Науменко говорил автору: „Я не доверял Доманову и не любил его. Он очень быстро выдвинулся в генералы, войдя в доверие к эсэсовцам и связавшись с самыми скверными элементами в немецкой армии. Некоторые думают, что он знал о репатриации, но прямых доказательств этому не имеется." Это до сих пор является предметом споров в замкнутой среде казаков-эмигрантов. В 1953 году группа жертв депортации опубликовала письмо в защиту Доманова. (4)

Большинство казаков приписывают свою доверчивость не столько злой воле Доманова, сколько лицемерию и вероломству англичан. „Русские офицеры, воспитанные в благородных традициях императорской армии, не могли представить себе такого низкого предательства", — писал один казак. Генерал Науменко писал: „Русские офицеры привыкли верить слову офицера, и они не допускали, что англичане способны на такое." Внук знаменитого генерала П.Н. Краснова Николай Краснов пишет: „Мы, офицеры, все же не предполагали, на какую беспримерную подлость и предательство способно английское командование." (5) Один старый эмиг рант говорил ему: „Не так уж плохо быть военнопленным у англосаксов. Англичане — джентельмены. Мы имеем дело не с этим выскочкой Гитлером, а с офицерами Его Величества. Британский офицер никогда не говорит от собственного имени, будь он хоть фельдмаршалом. Он говорит всегда от имени Высшего Командования, от имени самого Трона."

Конечно, ложь и обман есть неотъемлемая часть современной войны, и нет причин полагать, что сами казаки не прибегали к обману, ибо они воевали даже яростнее, чем другие. Но видя со стороны англичан столь доброе отношение, они

решили, что им можно верить. 28-го мая Бутлеров имел долгий, с глазу на глаз, разговор с Дейвисом. Он сказал ему: „Вы знаете, у меня жена и ребенок, и сегодня я должен ехать на эту вашу конференцию. Я хочу, чтобы вы сказали мне прямо — вернемся мы назад или нет?"

Это еще один случай, который Дейвис вспоминает с ужасом. Его положение было невыносимым. Либо он должен был предать Бутлерова, которого он любил и который стал его другом, либо нарушить приказ, прямо обязывающий его скрывать правду. Дейвис говорит: „Я мог сказать ему: Приводите вашу семью ко мне домой и не выходите в течение этого дня." Может быть именно это я и должен был сделать." Этим он спас бы жизнь своего друга. Но сделай он это, что бы стал делать Бутлеров? Дейвис мог бы сообщить ему скверные новости под строгим секретом, но позволило бы Бутлерову чувство чести сохранить этот секрет? Без сомнения, его преданность товарищам заставила бы его рассказать им все, что он знал. Если бы он спас себя и свою семью и предоставил людям, вместе с которыми воевал, спокойно идти в ловушку, он поступил бы как трус.

Дмитрий Фролов был одним из немногих офицеров, считавших, что никакой конференции не будет. После своей ссоры с Домановым он вернулся домой — в барак, где жили казачьи священники. Этот барак был расположен на некотором расстоянии от главного лагеря. Поэтому Фролов не слышал приказа готовиться к отправке. Около полудня к нему пришел казачий офицер, сообщил ему новости и велел отправляться в штаб полка. Фролов сказал, что не пойдет. Казаки пытались увести его силой, но Фролов выхватил револьвер, который сохранил несмотря на приказ о разоружении. Казаки удалились, грозя страшными карами. Теперь Фролов попал в крайне трудное положение, зная, что должно случиться и решив не идти в ловушку. Но он был совершенно одинок в своих сомнениях, отвергнут своим генералом, а также и своими собратьями-офицерами после того, как отказался подчиниться прямому приказу. Священники пытались воздействовать на него. Они говорили, что его опасения не имеют оснований, что он должен подумать о своей семье, потому что если все кончится хорошо и казаки сохранят свою целостность под английским командованием, он окажется в полной зависимости от Доманова. Фролов был полковником и мог рассчитывать на по-

вышение или на соответствующее звание, но только в случае подчинения воинской дисциплине и согласия отправиться на конференцию вместе со всеми. Спор разгорался, в то время как другие офицеры готовились к поездке.

Лишь немногие казаки, подозревавшие о несчастье, использовали последний шанс и скрылись в горах. Бегство не обещало им ничего хорошего. На что мог надеяться человек без документов, продовольственных карточек, денег, говорящий только по-русски, один в только что завоеванной стране, кишащей вооруженными отрядами? Он мог бы бежать, но сколько он смог бы продержаться? Всего лишь несколько дней как кончилась война. Повсюду еще шныряли фанатики-нацисты, поэтому патрульные войска действовали быстро и всегда держали палец на курке. Да и куда бы он мог уйти? На земле не осталось места, где его бы ждали и место, которое он мог бы назвать своим домом. Жизнь казака в этих горах была бы тяжелой и наверняка короткой. Только в ситуации крайнего отчаяния мог он бросить свой полк — единственное общество, которое признавало его и к которому он принадлежал. Казаки должны были держаться вместе до тех пор, пока у них не было достаточно веских оснований верить в то, что англичане готовы предать их.

Но по той же самой причине можно быть уверенным, что знай они правду, они бежали бы непременно. В то время Джон Григ был лейтенантом 46-го разведывательного полка, охранявшего примерно 1.000 казаков недалеко от Лиенца, в Нойманкте, несколько севернее от Клагенфурта. Григ рассказывает:

> Мы наблюдали за ними в течение нескольких недель и они нам очень понравились. Они сказали нам, что боятся что их выдадут советским, но мы ответили: „О, нет, англичане никогда не пойдут на это." Потом мы получили этот приказ, по которому их надо было выдать в течение трех дней. Мы были потрясены. Наши солдаты приходили к нам и говорили: „Слушайте, эти казаки утверждают, что их собираются выдать и что все они будут расстреляны." Но пока мы не получили приказа, мы не верили в такую возможность. Мы думали, что их отправят куда-нибудь на поселение. Я никогда не видел моих ребят столь потрясенными, как в этом случае. А мы провели вместе годы. Они воевали. Они прошли весь боевой путь от Солерно. Но им не

нравилась идея хладнокровно отправить на смерть всех этих казаков.

Этот случай отличался от других тем, что Григ решил обсудить этот вопрос с другими офицерами, и они договорились рассказать казакам о том, что должно произойти. Он говорит: „Все мы пришли к одному решению. Поэтому я лично сказал переводчику казаков, который говорил по-французски, что у нас есть приказ об их выдаче. Тогда я не колебался, и теперь не сожалею об этом." Решение, которое принял он и другие английские офицеры, было прямым нарушением приказа. Но это была только горсточка офицеров, доверявших друг другу.

Охрана казаков в Ноймаркте была не строгая, и как только они узнали правду, они начали исчезать. Охрана отмечала каждое утро, что число их сокращается. Однако она не предпринимала ничего, чтобы остановить поток. Когда наступил роковой день, половина казаков исчезла. Большинство из оставшихся были офицеры, менее склонные к побегам. Это была двойная трагедия, так как в приказе подчеркивалась важность выдачи в первую очередь именно офицеров. Они-то были нужны советским властям больше всех других. В конце концов их окружили грузовиками, они по-прежнему отказывались верить, что англичане способны на такое. Возможно, казакам удалось поговорить с британскими солдатами, потому что некоторые из них говорили Григу, как им все это не нравится и что они не хотят участвовать в этом. Григ говорит: „Я сказал им, что это нечто, что мы должны сделать и сделаем. Мы сделали это."

Но если в Ноймаркте многим удалось бежать, то в Лиенце лишь незначительная часть казаков предвидела будущее и имела возможность скрыться. Охрана здесь была строже, чем в Ноймаркте. Как только стало известно о репатриации, английским солдатам было приказано не оставлять оружия и не ходить поодиночке. Массовые побеги могли бы поставить оккупационные силы перед страшными проблемами. Советские могли бы рассматривать его как результат попустительства со стороны англичан, как это на самом деле и было в Ноймаркте. Конечно, они стали бы протестовать и, очевидно, угрожать, подозревая, что Запад намеревается использовать этих людей — заклятых их врагов — для какого-нибудь будущего нападения на Советский Союз. Кроме того, бежавшие

военнопленные образовали бы банды отчаявшихся бродяг, терроризирующих местное австрийское население. Бегство десятков тысяч таких людей потребовало бы месяцы опасной работы со стороны и так перегруженной обязанностями и уставшей от войны британской армии. И, вероятно, самым важным с точки зрения тех, кто выпускал такие приказы, был страшный гнев, который Лондон обрушил бы на голову любого генерала, допустившего подобную вещь. Все это могло убедить старших британских офицеров в том, что если обман был единственным способом предотвращения неизбежного хаоса и опасности, то к нему следовало прибегнуть.

Итак, когда 28-го мая в час дня в район Лиенца прибыли английские грузовики, казачьи офицеры послушно построились, чтобы ехать на фиктивную конференцию. Доманов, а с ним и Бутлеров, все еще исполняющий обязанности его переводчика, были взяты в штабной автомобиль и увезены для переговоров в близлежащий пункт, где их встретили вооруженные англичане, которые препроводили их в Шпиталь отдельно от других казаков. Николай Краснов на прощание поцеловал мать и жену. Чтобы их успокоить, он попросил посмотреть, не найдется ли у них шести яиц, чтобы приготовить ему к вечеру яичницу. „Прошло одиннадцать лет, прежде чем я получил эту яичницу", — пишет он.

Несколько высших офицеров сели в кабины рядом с английскими водителями, остальные разместились в кузовах трехтонных грузовиков. Дмитрий Фролов, наблюдавший эту сцену из соседнего леска, начал думать, что он, быть может, и неправ. Английский отчет гласил: „Все офицеры в количестве 1.475, за исключением дежурных по подразделениям и нескольких, не получивших приказа, в соответствие с планом проследовали на пункт встречи." Это был тот самый пункт, куда несколькими минутами ранее прибыли Доманов и Бутлеров. Здесь на кабину каждого грузовика взобрались по два солдата с автоматами и разместились там так, чтобы просматривать все покрытое брезентом пространство кузова с находящимися в нем людьми. Грузовики двинулись в Шпиталь в сопровождении легковых машин.

Фролов вместе с одним своим товарищем пробрались верхом через лес к этому пункту встречи:

Мы стояли на опушке и наблюдали. Кто-то дал сигнал, и грузовики медленно двинулись. В тот же момент из леса вые-

хало множество бронемашин и мотоциклов, которые, как и мы, скрывались в засаде в лесу, и начали вклиниваться между грузовиками с нашими казаками. Между каждыми двумя или тремя грузовиками оказалось по одной бронемашине. Я и Алексей подумали: „Зачем вооруженная охрана и почему их так много? Англичане вели себя как в засаде. Мы еще немного постояли в лесу, а потом повернули назад, чтобы рассказать нашим об увиденном.

Было 1.30 дня. Казачьи офицеры отбыли, и теперь, согласно другой инструкции генерала Массона, настало время сообщить всем рядовым солдатам в долине Дравы о том, что произошло. Офицеры получили распоряжение ознакомить солдат со следующим текстом:

В соответствии с соглашением, принятом союзными правительствами, граждане союзных держав возвращаются в свои страны. Это означает, что казаки и кавказцы, находящиеся на подведомственной британцам территории, будут возвращены в Россию. Некоторые из них поедут добровольно — значительное число кавказцев уже высказало свое согласие на это, однако у большинства эта идея не вызывает энтузиазма. Сегодня, чтобы сохранить порядок в подразделениях, офицеры были отделены от остальных. Мужчины, женщины и дети будут отправлены, как только подготовят железнодорожные составы и моторизованный транспорт. Мы еще не получили подробных инстукций относительно их лошадей и других домашних животных. Телеги нельзя погрузить в вагоны и они должны быть брошены.

Задание будет крайне трудным. Мы не знаем их языка, и даже если они добровольно согласятся выполнять наши распоряжения, операция потребует напряжения всех сил. Поскольку среди них много женщин и детей, некоторые проникнутся сочувствием к этим людям, но вы не должны забывать, что они взяли в руки немецкое оружие и многие из них сражались в Италии и на других фронтах против нас. Несомненно, они встали на сторону немцев, чтобы захватить власть в России. Когда же они увидели, что это невозможно, они попытались оправдать себя в наших глазах.

Русские сказали, что собираются использовать их на сельс-

ких рабстах и сделать из них достойных советских граждан. Ничто не указывает на то, что этих людей уничтожат. Советскому народу очень нужны люди для восстановления страны. Повторяю сказанное в моей вчерашней инструкции: Вам предстоит выполнить очень важное и очень неприятное задание. Попытайтесь выполнить его точно и без кровопролития, но если понадобится применить силу, действуйте быстро и без страха. Я поддержу всякие разумные действия с вашей стороны.

Сейчас Массон говорит, что все факты и инструкции, содержащиеся в этом документе, были спущены ему высшим начальством и что он просто довел их до сведения солдат: „Я несу ответственность за этот приказ, но все идеи в нем принадлежат не мне и я просто передал их." Но каково бы ни было его происхождение, приказ этот содержал в себе слишком много сомнительных недомолвок, чтобы его можно было просто так передать. В нем, например, не принималось в расчет, что многие казаки и кавказцы не были советскими гражданами и, следовательно, не подлежали репатриации по условиям Ялтинского соглашения. В нем не объяснялось, почему женщины и дети должны отвечать за своих мужчин, сражавшихся на стороне немцев, или тот простой факт, что эти мужчины присоединились к немцам не из любви к Гитлеру, а потому, что только в нем одном они видели способ избавиться от Сталина и его режима, прелести которого испытали на собственной шкуре.

Трудно, конечно, сказать, действительно ли британское командование думало, что казаки возвращаются домой для „перевоспитания", но если они думали так, то это было по меньшей мере наивно. Во всяком случае в правительстве не было иллюзий, о чем свидетельствуют слова Энтони Идена в документах Кабинета, датированных 3-им сентября 1944 года: „Вероятно, если мы сделаем то, что хочет советское правительство и вернем всех этих военнопленных в Советский Союз, независимо от их желания, многих из них мы отправим на смерть." В свете этого высказывания и других, найденных в британских правительственных документах, трудно понять точку зрения, будто бы и вопроса не было о том, что эти военнопленные будут убиты. На местах многие британские военнослужащие подозревали о такой возможности и имели массу

доказательств, подтверждающих эти подозрения.

Неясно также, что подразумевалось под термином „достойные советские граждане". Вероятно, авторы этого приказа имели в виду простых советских людей, которые храбро и честно защищали свою страну от фашистских захватчиков. Но, вероятно, они, и их лондонские начальники-то наверняка знали и то, что к 1945 году советская власть под руководством Сталина была ответственна за убийства ни в чем не повинных людей в таком масштабе, что само слово „советский" было дискредитировано. В 1945 году идея „советского достоинства" по всем нормам человеческой справедливости звучала сомнительно, и чрезвычайно странно видеть, что британские власти рассматривали нарушение этого „идеала" как достаточное основание для своих действий.

Приказ был зачитан и английские солдаты узнали наконец правду — все, за исключением шоферов, которые в этот момент держали путь к Шпиталю. Было крайне важно скрыть правду от них, пока грузовики с офицерами не прибудут на место. Один из водителей — Эрчи Рид — рассказывает: „Нам всем сказали, что мы везем этих офицеров на конференцию, но я был только солдат, а солдатам не говорят всего. Путешествие было мирным. Со мной в кабине сидели два казака, и они не больше моего подозревали, что происходит что-то скверное. Потом мы услышали, что это была ловушка, в которую заманили казачьих офицеров." Другой водитель, Джеймс Дэвидсон, говорит: „Со мной в кабине ехал казачий полковник и его жена. Он вполне хорошо говорил по-английски. Он спросил, как меня зовут, я сказал — Джимми, и всю дорогу они так меня и называли. Я не видел никакой охраны или вооруженных людей. Должно быть они находились вне поля нашего зрения. Насколько я знал, казаки ехали на конференцию."

Увидев бронемашины, казаки забеспокоились, но и тут не утратили своей, кажется, неисчерпаемой способности к оптимистическому видению мира и к самообольщению. „Это только наше сопровождение. В этом районе должны быть партизаны," — сказал казачий генерал своим подчиненным. (7) „Здесь действуют группы СС", — сказал один английский офицер Николаю Краснову. (8) Действительно, повсюду шныряли фанатики-коммунисты и нацисты, и обе эти группы представляли угрозу для английских вооруженных сил. Другой офицер, Александр Шпаренго, был обеспокоен этой странной

идеей вызвать всех офицеров разом, вместо того, чтобы просто пригласить нескольких представителей. На пути к Шпиталю он разубеждал себя следующим образом: „Может быть в западных армиях вопросы решаются каким-то новым, демократическим путем, которого я не понимаю. Может быть каждый офицер, независимо от своего ранга и должности, имеет право высказывать свое мнение и отстаивать свою точку зрения. Может быть они решают сложные вопросы путем голосования" (9) Тогда это объясняет, почему вызвали всех.

Шпаренко очень живо описывает, как эти мысли проносились в его уме и как он пытался решить, выпрыгнуть ему из грузовика, или нет. Если он решится, будут ли они в него стрелять? Конечно нет. Если конференция действительно состоится, тогда нет никакого смысла стрелять. Если же — нет, то автоматчики побоятся открывать огонь, потому что это доказало бы, что они находятся здесь не для охраны казаков, а чтобы помешать их бегству. В грузовиках началась бы паника. Шпаренко продумывал все это, убеждая себя, что в любом случае ему ничего не грозит. Но потом его начало беспокоить другое: как он будет себя чувствовать, если англичане сказали правду и через несколько часов все его собратья-офицеры вернутся в Лиенц? Он попал бы в чрезвычайно глупое положение. Хуже того, его могли бы счесть трусом и дезертиром. „А что может быть позорнее для офицера? Но, с другой стороны, человек, позволяющий везти себя неизвестно куда — не похож ли он больше на теленка, отправляемого на бойню, чем на офицера?" Шпаренко пишет, что неожиданно „я очнулся". Он спрыгнул через задний борт грузовика и бросился к деревьям. Конвой уехал без него. Он пишет: „Трудно описать, как я провел остаток дня. То я чувствовал, что поступил правильно, но в следующую минуту корил себя за трусость и отсутствие духа."

Тот факт, что Шпаренго был одним из горсточки тех, кто попытался бежать от конвоя, показывает, что даже теперь большинство казаков не допускало мысли о худшем. Неожиданное появление английской вооруженной охраны убедило некоторых из них в том, что конференция — это всего лишь ловушка, но они продолжали считать, что это вовсе не означает, что они будут выданы. Наиболее вероятно, что их заключат в обыкновенный лагерь для военнопленных. В таком случае будут, конечно, допросы и расследования, чтобы вы-

яснить, кто из них замешан в убийствах и прочих зверствах. Такие „паршивые овцы" — и это признавали сами казаки — имелись среди них, и они будут разоблачены и наказаны. Остальных же освободят. Те, кто перед войной жили в Западной Европе, поедут домой. Остальные осядут где-нибудь еще.

Однако, когда в 2.30 Доманов в штабном автомобиле прибыл в Шпиталь, страшная новость уже распространилась. Его отвели в офицерскую столовую и поместили под охраной в небольшой комнате. К трем часам стали прибывать кавказские офицеры, а спустя еще полчаса сюда влился густой поток казаков. Джимми Дэвидсон рассказывает: „Мы ввезли их в огороженное пространство, похожее на большую клетку, и нас тут же окружила охрана. Сидящий рядом со мной казацкий полковник спросил: — Зачем здесь вооруженная охрана? — Я ответил, что не имею понятия." Грузовики разгружались один за другим. Офицеров обыскивали и у многих находили ножи и другие опасные предметы. Все это отбиралось, а затем офицеров отводили в предназначенные для них помещения внутри клетки. Каждому выдали одеяло, кружку и ложку.

Адъютант 1-го Кенсингтонского Полка капитан Дж.А. Лейверс, ответственный за охрану, отдал своим солдатам следующий приказ: „При всякой попытке оказать сопротивление немедленно открывайте огонь и убивайте. Всякая попытка офицеров покончить с собой должна быть пресечена в тех случаях, если это не грозит опасностью нашим солдатам. Если же это грозит хоть малейшей опасностью, не следует препятствовать самоубийству." (10) Из этого можно заключить, что он и его непосредственный начальник генерал-лейтенант Б.Л. Брайер знали об отчаянных настроениях среди казаков и были готовы ко всему. Байер пришел в офицерскую столовую к Доманову и дал ему подробные инструкции. Он сказал, что он (Доманов) несет ответственность за дисциплину среди своих офицеров пока они находятся в руках англичан. Он должен назначить старшего офицера в каждом помещении, где разместили казаков, который обязан будет заботиться о доставке ужина из кухни этим вечером и завтрака — следующим утром. В 7.30 вечера Доманову дали возможность обратиться к своим подчиненным, разбитым на группы по 500 человек, отведя для этого по пяти минут на группу. Обращение Доманова длилось с 8.20 по 8.30, после чего все казаки и кавказцы были заперты на ночь в своих помещениях.

Подъем был назначен на 4.30 следующего утра, на 5.00 — завтрак, на 5.30 — сборы и на 6.00 — смотр и перекличка. Погрузка на грузовики должна была начаться в 6.30 и кончится в 6.50. Спустя еще 10 минут транспорт со всеми офицерами должен был двинуться на Юденбург для встречи с советскими представителями.

Согласно британским отчетам Доманов сказал Брайеру, что „он постарается как можно лучше выполнить эти указания" — факт, который, формально рассуждая, говорит в пользу теории о посвященности Доманова в планы англичан и о том, что он помогал им провести репатриацию, надеясь, вероятно, спасти собственную шкуру, когда окажется в руках советских властей. Во всяком случае, в британских документах отмечается, что в своих попытках поддержать дисциплину он потерпел неудачу „в результате того впечатления, которое произвела на офицеров его речь, в которой Доманов информировал их о предстоящей на следующий день их выдаче союзной советской армии." В течение всего этого дня подозрения казаков возрастали. Случай за случаем подтверждали их наихудшие опасения. Еще сегодня утром они были свободны, и хотя лишены оружия, но не тронуты как боевая единица, готвая служить Западу. В течение нескольких часов их погрузили, перевезли и заключили в клетки. Однако, отчеты показывают, что и тогда еще они не сознавали до конца факта неизбежной выдачи. Даже за колючей проволокой они сохраняли надежду. Пятиминутные речи Доманова произвели на них впечатление разорвавшейся бомбы. Некоторые офицеры были так потрясены, так ранены в самое сердце, что не могли уже ничего, кроме как покорно принять неизбежное. Но, как показали последующие несколько часов, другие в своей ярости и отчаянии дошли до предела.

Лейтенент Деннис, в течение двух последних недель наблюдавший за казаками генерала Шкуро в Шпитале, находился внутри проволочного ограждения, раздавая казакам пищу, когда им сообщили эту новость. Кажется, он был единственным, кто все еще не знал правды. Люди, которых он знал и любил, неожиданно переменились. Он протянул ящик с пайками одному казачьему офицеру, когорого хорошо знал, и отшатнулся, когда тот подскочил к нему и прокричал в лицо, что не примет пищи. Раньше казаки были веселым улыбающимся народом, но теперь лица их стали пепельно-серыми.

Солдаты Денниса были вооружены автоматами, но их было всего пять-шесть, и он начал беспокоиться за собственную безопасность: „На самом деле они не нападали на нас, но вид их был очень грозным. Похоже было, что они осуществят свои угрозы. Мы образовали из автоматчиков круг и покинули лагерь. Я через плечо крикнул охранявшим ворота, и мы выехали за ворота на грузовике с продуктами.

Британские солдаты заняли смотровые вышки по углам лагеря и патрулировали вдоль колючей проволоки. Как сообщает А.К. Ленивов — казак, который выжил и рассказал эту историю, — „Учитывая все „возможности", англичане изъяли из помещений бараков все столы, табуреты, скамьи, кровати, словом было убрано все, что составляло необходимый аксессуар комнатных принадлежностей". „Атмосфера за колючей проволокой накалилась до предела. Лагерь напоминал осиное гнездо. Любого английского солдата, находящегося там, разорвали бы на куски", — говорит Деннис.

Ленивов пишет, что в ночь перед выдачей „все офицеры ругали англичан, пытались выискивать виновников всего происходящего. В казачьей среде имело достаточное число горячих голов, но подавляющее большинство казачьих генералов обладали холодным рассудком..." (11) В поисках виновников, подозрение в частности падало на Доманова. Старый генерал Краснов подготовил петицию на французском языке, в которой объяснял, почему казаки подняли оружие против Советского Союза. Как пишет его внук, генерал Краснов „предлагал, чтобы его первого судили, старого офицера русской Императорской Армии. Если его признают виновным, он покорится решению суда. Он брал на свою ответственность и под свое честное слово не только тех, кто из рядов эмиграции или по призыву попал в немецкие части, не только тех. кто был рожден в Германии или в зарубежьи, но все тех, кто открыто и честно боролся против коммунизма и в прошлом были советскими гражданами." (12)

Копии этой петиции, подписанной многими генералами и офицерами, были адресованы королю Георгу VI, в Лигу Наций, в Международный Красный Крест, Архиепископу Кентерберийскому. Копии были готовы к рассвету и казаки собирались передать их англичанам. Они хотели, чтобы Брайер немедленно передал их тексты по радио в Лондон и Женеву, так чтобы они были рассмотрены до того, как должна была

начаться выдача. Другая группа казаков просила охрану вызвать лейтенанта Денниса, и он пришел к ним со своим переводчиком. Они просили Денниса привезти к ним для прощания жен и детей и, если нет другого выхода, лучше расстрелять всех на месте, чем выдавать Красной Армии.

Деннис, естественно, отказался. Он сказал, что он всего лишь лейтенант, и что привезти к ним жен и детей невозможно. Теперь настроение казаков изменилось: после взрыва отчаяния они впали в глубокую апатию. Они только просили найти православного священника, на что Деннис согласился. „Они стали очень спокойными. Казалось, они примирились со случившимся. Они даже говорили, что понимают мое положение и что я должен подчиняться приказам.", — говорит Деннис.

Трудно точно сказать, сколько казачьих офицеров покончили с собой в эту ночь. Ленивов говорит о трех самоубийцах, перерезавших себе вены осколками от разбитого окна, (причем один из них был генерал -майор Силкин — начальник 1-ой Казачьей пешей дивизии) и о нескольких повесившихся. Это свидетельство подтверждается и Деннисом: „Я помню первого самоубийцу. Бедняга повесился на электрическом проводе на двери, ведущей в помещение. И было еще несколько других, перерезавших себе горло и вены кусками стекла."

Факты эти подтверждаются и двумя английскими отчетами, к которым ни Деннис, ни Ленивов не имели доступа. Первый гласит: „Один офицер покончил с собой. Он перерезал себе горло прошлой ночью. Другого — вынесли без сознания. Он повесился на двери." Во втором отчете мы читаем: „В ночь с 28-го на 29-е мая два офицера покончили самоубийством, повесившись на спусковых цепочках в уборных." По воспоминаниям Денниса покончили с собой не двое или трое, а не менее дюжины. „Все трупы повесившихся и зарезавшихся казачьих офицеров, были вынесены их соратниками на одеялах к выходным воротам лагеря и положены на землю. (13) Деннис вспоминает длинный ряд тел, лежащих на траве.

На рассвете казаки вышли из своих помещений и стали совещаться, в тщетной надежде найти какой-нибудь выход из трагического положения. Английская охрана на вышках и вдоль колючей проволоки тоже, казалось, начала волноваться.

Так или иначе, а казаков предстояло грузить в машины, а это было делом непростым. Из-за этого среди британской охраный произошел даже небольшой бунт. Деннис вспоминает: „Кое-кто из солдат прослышал о том, что казаков предали, и начали сеять смуту. Солдаты говорили, что не будут грузить казаков и тому подобное. Они были очень раздражены и ругались. Я вышел и сказал им, что мне все это не нравится не меньше, чем им, но что мы получили приказ и должны выполнять его как солдаты." Бунт затих.

Казачьи священники, поехавшие добровольным образом на „конференцию" принесли ящик с облачением и в 5.30 казаки попросили у Брайера разрешение отслужить молебен. Разрешение было дано при условии, что они закончат его до погрузки, которая должна была начаться через полчаса. Священники установили переносной алтарь на свободном месте перед бараками. В своем отчете Брайер писал: „Эта служба представляла собой зрелище в высшей степени трогательное. Пение было прекрасным." Деннис говорит, что „все это было проникнуто таким интимным чувством, что я отвернулся. Я не мог видеть эти бедные души."

Естественно Ленивов, который был одновременно и жертвой и очевидцем этой сцены, описывает ее гораздо эмоциональнее:

> Тысячи казачьих генералов и офицеров, насильно выдаваемых англичанами в СССР, стояли на коленях и горячо молились Богу, порой роняя слезы, под наведенными на них, сверлящими жерлами и дулами английских пушек и пулеметов!.. Трагический, незабываемый, непередаваемый словами, неописуемый пером, патетический по своему глубокому содержанию, по своему исключительному психологическому эффекту — трагический момент!!! Импровизированный хор двух с половиной тысяч казачьих генералов и офицеров, прижавшись вплотную к изгородьям из колючей проволоки, пел молитвы „Отче Наш" и „Спаси Господи люди Твоя!". Вздымалась высоко в воздухе рука казачьего священника с кропилом. Святая вода очищала смиренность и смятенность душ... (14)

Ровно в шесть тридцать прибыли грузовики. Один грузовик остановился в воротах, заблокировав выход. Брайер вошел в помещение, где провели ночь генералы и офицеры, и

сказал, что пора грузиться. Доманов ответил, что отказывается выходить и что не имеет больше власти над офицерами. Англичанам стало ясно, что простой приказ тут не поможет, и что Доманов больше не хочет или не может им помогать. По словам Ленивова эмоциональный накал был столь велик, что „казалось порой, что еще одно мгновение и английские солдаты сдадут с своими нервами и откроют шквальный огонь из пушек и пулеметов." Через штабного офицера Доманова (очевидно Бутлерова) Брайер обратился к Доманову и сказал, „что дает десять минут для пересмотра решения, и если генералы не передумают, будут применены методы, которые обеспечат погрузку на транспорт его и других офицеров."

Через десять минут Брайер снова предложил Доманову выходить. На этот раз ответа не последовало, и он приказал отряду из 1-го Саррийского полка войти в тюремное помещение. Им было приказано применять классическую тактику овладения толпой, то есть изъять ее верхушку. Они вошли в помещение к старшим офицерам и генералам и начали вытаскивать людей одного за другим. Английский отчет описывает, что произошло дальне:

> Трудности особенно возросли после того, как они сели на пол, сцепившись руками и ногами. Один казачий офицер укусил за руку старшего сержанта. Это побудило и английских солдат перейти к более жестким мерам. В дело пошли приклады, рукоятки, штыки, так что некоторые казачьи офицеры были доведены до полу-сознательного состояния.

Ленивов пишет, что избиение продолжалось десять минут, после чего казачьи офицеры и генералы — все безоружные, многие из них старики, перевалившие на седьмой десяток, — были один за другим втащены в грузовик. Доманова погрузили одним из первых. Брайер пишет: „Это произвело желаемый эффект, и с этого момента казачьи офицеры потянулись к грузовикам," Из всего сказанного становится ясно, что вся эта резня и избиения не были вызваны минутной вспышкой и не были местью за укушенную руку старшего сержанта, а явились продуманным актом насилия, призванным подавить сопротивление в зародыше. Идея заключалась в том, чтобы казаки, увидев избиение, поняли бы наконец, что солдаты на-

мерены погрузить их на грузовики любым способом, и что если они не пойдут добровольно, в ними поступят точно так же. Один британский офицер, присутствовавший при этих сценах, говорил автору этих строк о „минимуме примененного насилия", но это трудно согласуется с британским очетом, где упоминается о „неограниченном применении' прикладов, рукояток и штыков. Можно было, конечно, погрузить старших офицеров и генералов и без рукоприкладства. Ведь это были старики, несравненно менее активные и физически более слабые, чем молодые английские пехотинцы. Конечно, могла бы произойти задержка и разного рода неудобства. Но в конечном итоге задание было бы выполнено и без применения методов, которые, даже делая скидку на общую жестокость военного времени и притупление чувства человеческого сострадания, могут быть определены как жестокие.

Многие офицеры имели какое-то представление о Ялтинском соглашении и полагали, что те из казаков, кто были советскими гражданами, должны вернуться домой. Они думали, что дело будет решаться в персональном порядке и „овцы будут отделены от козлищ". В то время как погрузка шла полным ходом, — пишет Ленивов, — многие казачьи офицеры предъявляли англичанам свои Нансеновские паспорта или другие документы, дававшие право политического убежища и удостоверявшие, что их владельцы не подлежат никакой насильственной выдаче со стороны англичан в руки своих прямых политических противников в образе СССР. (15) Но Брайер и его сотрудники, несомненно под влиянием приказа Китли, предписывающего „во всех сомнительных случаях рассматривать этих людей как советских граждан", отказывались принимать документы и освободили только четверых.

Английские отчеты утверждают, что принимались меры к выявлению лиц, не имеющих отношения к советскому гражданству, но что „из-за отсутствия документов, поспешности и секретности эвакуации, расследование каждого индивидуального случая было невозможно". Но даже эти весьма умеренные утверждения не выдерживают никакой критики, когда речь идет о таких генералах как Шкуро, Краснов, Клыч Гирей и фон Паннвиц. Они были хорошо известны. Шкуро в 1919 году был награжден высшим английским военным орденом. За свое участие в первой мировой войне он стал кавалером Ордена Бани. И уже с тех пор он находился в эмигра-

ции. Фон Паннвиц был немцем во всех отношениях. Он не только не был советским гражданином, но даже никогда не был в России. Можно заключить, что решение о насильственной репатриации людей никак не подпадавших под Ялтинское соглашение было принято на основании убежденности Китли в том, что советские власти хотели бы заполучить в свои руки высшее казацкое офицерство, и что их выдача будет рассматриваться как акт доброй воли со стороны Великобритании. Важнее было ублажить советскую власть, чем соблюдать соглашение.

Лишь в малой степени могли англичане смягчить ужас предстоящего путешествия. Начальник службы снабжения майор Роулетт говорит: „Я позвонил в дивизию и затребовал литры и литры водки." Водка была доставлена и, чтобы смягчить трагическую агонию этого путешествия, она вместе со щедрыми рационами пищи погружена в грузовики. В нескольких метрах от ворот лагеря какой-то человек выпрыгнул из машины, но колонну тут же остановили и он был схвачен. Вооруженной охраной командовал майор Томас Гуд. Он рассказывает: „К тому времени как мы появились, они уже были окружены и погружены в грузовики. Мой эскадрон, состоящий из 21 бронемашины, курсировал взад и вперед. Автоматчикам было приказано держать их на прицеле." Через несколько километров попытался бежать еще один казак. По словам Гуда: „автоматная очередь заставила его изменить свои намерения."

Другой офицер этой охраны Джеффри Пикард вспоминает, что он имел приказ открывать огонь только для предотвращения побегов, но не убивать.

> Я не думаю, что наши автоматчики метились в кого-нибудь из беглецов. Гораздо проще было поднимать фонтанчики грязи около их ног. Обычно этого было достаточно, чтобы остановить человека, бегущего по полю, и мы так и делали. Мы снова брали их в плен. Видите ли, если бы мы знали, что с ними должно случиться, мы бы позволили им бежать. Но мы совершенно не знали, кто эти люди и что мы делаем. Поэтому мы только играли в игру „слушай команду", но все кончилось прежде, чем мы поняли, что совершили. Моих солдат затошнило при известии, что мы выдали этих казаков на смерть. Если бы нас заставили повторить это, вряд ли мы бы это сделали. Но

на этом наши функции ограничились.

Стремясь показать советским властям, что они выполнили свое обещание о выдаче казачьих офицеров, англичане приказали своим жертвам сохранить в целости свои формы и знаки различия. По этим признакам советские власти могли выделить главных среди своих врагов, то есть людей, к которым следовало применить особые меры. Но как только казаки оказались в грузовиках, этот приказ потерял свою силу. На протяжение всего пути каждый срывал с себя эти обличающие знаки различия и выбрасывал их из машин, так что вся дорога до Юденбурга была усыпана погонами и себебряными звездами. Они также предлагали охране имеющиеся у них ценности — деньги, фотоаппараты, часы и драгоценности. Сначала это были безнадежные попытки подкупить охрану. чтобы та позволила им бежать, но потом казаки хотели лишь обменять все это барахло на сигареты. Они знали, что первое, что сделают советские представители это обыщут вновь прибывших и изымут у них все ценности. Лейтенант Инглиш пишет, что некоторые английские солдаты из охраны „вели оживленную торговлю", меняя сигареты на часы и фотоаппараты.

Колонна въехала в Юденбург и остановилась перед большим железным мостом через реку Мур — пограничной линией между английской и советской оккупационными зонами. Советские на той стороне были уже готовы, и грузовики без задержки начали пересекать мост для разгрузки. Сержант Д. Чартерс в своем отчете пишет следующее: „Когда наш грузовик остановился, какой-то человек попросил помочиться. Ему разрешили и он перескочил через перила моста и бросился вниз с огромной высоты. Позже его выловили." Майор Гуд не был свидетелем инцидента, но, как он пишет, „видел его последствия". В своем отчете того времени он писал: „Один офицер бросился в пропасть со сто-метровой высоты, но был выловлен, и его искалеченного и умирающего передали советским представителям." Он добавляет: „Как только офицеры вышли из машин и перед тем, как их должна была принять советская охрана, один офицер перерезал себе горло бритвой и замертво упал к моим ногам." Ленивов пишет о пяти попытках покончить с собой на мосту, но Чартерс докладывал только об этих двух, в то время как „остальные спокойно перешли через мост".

Гуд пересек мост и наблюдал, как советские представители принимают военнопленных. Многие имена в английских списках, особенно такие как Шкуро и Краснов, были хорошо известны советской „приемной комиссии'„. Гуд пишет, что советские офицеры казалось были очень довольны прибытием таких знаменитостей, среди которых находились главные демоны двадцатипятилетнего советского фольклора. Здесь же находилась советская женщина, капитан-переводчик, которая хорошо говорила по-английски. Когда Гуд спросил ее, что сделают с этими казаками, она ответила, что генералов и старших офицеров будут „перевоспитывать", а младших отправят работать на восстановление разрушенных советских городов.

С тем же вопросом он обратился к другому офицеру. Тот знал английский плохо. „Он просто скорчил гримасу и провел пальцем по горлу", — говорит Гуд. Таким образом он получил два ответа, противоречащих один другому, но у него не было сомнений, которому верить.

> После разговора на мосту мне стало совершенно ясно, что ни для кого из них не оставалось никакой надежды. Я не думаю, что до этого момента мы достаточно хорошо понимали ситуацию. Во всяком случае я не понимал. В первую ночь в Шпиттале это не пришло мне в голову. Но потом я все понял. Знай мы заранее, — вероятно можно было бы что-то придумать и позволить им бежать. Но тогда мы не догадались поступить так. Приказ был слишком четок.

Гуд вспоминает, как несколько недель спустя встретился с офицером охраны, который выполнял подобное задание. Он рассказал Гуду, что когда одна группа казаков бросилась бежать, его автоматчики начали стрелять либо слишком высоко, либо в сторону. Они рассыпались по холмам и никто не пытался искать их слишком тщательно. Гуд говорит: „Люди, вроде этого офицера в каком-то смысле нарушали приказ, но они была, возможно, и правы." У некоторых офицеров, — думает он, — была возможность „оставить двери открытыми и отвернуться" Это было бы лучше, чем прямое неподчинение приказу, что ему, как солдату, претило. Да и что было толку в неподчинении приказу? Это привело бы просто к замене Гуда на более сговорчивого офицера.

До сих пор многие британские военные, втянутые в эту операцию, все еще задают себе подобные вопросы, в то время как другие вполне удовлетворены тем, что точно выполняли приказ. Например, лейтенант Дж.Т. Петри, входя в состав отряда охраны Гуда, был одним из тех, кто (по его собственным словам) „остриями штыков побуждали казачьих офицеров грузиться в машины". Он согласен с Алеком Малколмом в том, что репатриация казаков была просто очередным заданием, которое необходимо было выполнить.

Конечно, это было очень неприятно, но война немыслима без неприятных вещей. А полученные нами инструкции были достаточно четкие. Нам было сказано, что эти инструкции исходят лично от Черчилля, и это сообщалось нам через местных бригадных командиров, поэтому мы и довели до конца операцию по перемещению военнопленных из пункта А до пункта Б. Я предпочитаю не говорить о том, что я чувствовал, когда выполнял это задание. Я не имею ни малейшего понятия, что случилось с ними после того, как мы ушли из Юденбурга, и я не хотел бы углубляться в это, потому что у меня нет своей точки зрения на этот счет.

Мнение, что дело солдата — беспрекословно подчиняться приказу — „их дело не задавать вопросов, а выполнять приказы или умереть", — разделялось и многими из высшего командования. Массон говорил автору этих строк: „Обо всем этом надо спрашивать не Массона и Китли, а Черчилля. В действительности наше мнение не имеет ни малейшего значения."

Теперь казачьи офицеры находились в советских руках: 1.500 домановских и 500 из Кавалерийского Корпуса фон Паннвица. В Лиенце же, когда офицеры не вернулись, как было обещано, к вечеру 28-го мая, начала расти тревога. Однако англичанам из-за опасения массовых побегов, все еще не разрешалось говорить правду. Переводчица казаков М.Н. Леонтьева писала:

К вечеру поползли слухи о передаче всех офицеров советам. Майор Дейвис категорически это отрицал, оставаясь, по-прежнему ласковым. Но когда скрыть истину было уже невозможно, он, со слезами на глазах, стал уверять, что сам был обманут своим начальством, что ему очень тяжело быть в роли лжеца перед оставшимися казаками и ка-

зачками, которых он уже успел полюбить, но вступать в пререкания он не посмел. (16)

Но на следующее утро, 29-го мая, в то самое время, когда их офицеров уже везли в Юденбург, казаки все еще не имели представления о том, что происходит. Дейвис сказал им, что офицеры не вернутся, но вто еще не означало их выдачу. Скорее всего англичане будут держать их на положении военнопленных. Но даже если действительно офицеры были выданы, это еще не означало, что будут выданы и другие — тысячи простых людей, в том числе дети и женщины. Даже узнав, что их обманули, казаки все еще не допускали такой возможности.

Кроме того, здесь оставалось еще около сотни офицеров, которые по тем или иным причинам не поехали в Шпиталь с остальными, а также тридцать или сорок священников. В то утро по всей территории разъезжали машины с громкоговорителями, по которым передавались приказы всем не поехавшим на конференцию офицерам зарегистрироваться в конторе. Некоторые подчинились приказу, а другие бежали в горы, сознавая, что если они останутся здесь, то рано или поздно их схватят и просоединят к остальным. Потом, 30-го мая, по громкоговорителям было объявлено, что всякий офицер, не зарегистрировавшийся до 12 часов дня, будет нести ответственность по законам военного времени. Дмитрий Фролов, услышав это, пришел в отчаяние. В отличие от многих своих товарищей, он был убежден в том, что англичане решили выдать их советским властям. Но если бы он скрылся, его все равно бы обнаружили и тогда пострадал бы не только он сам, но и его семья. У Фролова была жена, две дочери четырнадцати и одиннадцати лет и пятилетний сын.

Фролов решил подчиниться приказу, поэтому он упаковал вещевой мешок и собрался отправиться со своей семьей в лагерь, находящийся в Пеггеце:

> На площади Пеггеца стоял грузовик с двумя солдатами, шофером и молодым рыжеволосым английским лейтенантом лет двадцати. Было около 12-ти дня, то есть истекал срок регистрации, и лейтенант ждал, чтобы дать сигнал к отправке грузовика с казаками. Я действительно бросил свой вещмешок в грузовик, на прощание поцеловал жену и детей, как вдруг этот офицер взял меня за

руку и отвел в сторону от машины, так чтобы я не смог взобраться в нее. Он дал сигнал, и грузовик уехал с моим вещмешком, но без меня. Когда мы прощались, моя жена заплакала. Должно быть он знал, что происходило и пожадел нас. Во всяком случае он спас мне жизнь.

Однако остальным 83-м казакам, отставшим от главной партии, повезло меньше. Собранные вместе, они были доставлены в Шпиталь и погружены на машины. Лейтенант Денис Хемминг, ответственный за этот, как он сам называет, „воз горя" составил очень живой отчет, удивительный с точки зрения легкомысленного отношения к тому, что происходило: „Транспорт состоял из трех трехтонных грузовиков с офицерами и по одному английскому капралу в каждом. Сзади двигался бронетранспортер с направленными пулеметами и с приказом стрелять в каждого, кто попытается бежать". Охрана запаздывала, поэтому Хемминг поехал вперед предупредить советских, что произойдет задержка. Он вез с собой несколько казачьих шашек, отобранных при различных обысках. Шашки эти в большинстве случаев были украшены драгоценностями и представляли большую ценность. Советские офицеры в Юденбурге знали об их существовании и надеялись, что они получат их вместе с военнопленными. Они специально оговорили этот пункт в своих требованиях.

Хемминг подъехал по мосту к границе, где его встретил советский полковник. Он передал ему список военнопленных, которые вскоре должны были прибыть. Но первый вопрос полковника был о шашках. Хемминг пишет:

Я передал их полковнику, но, как оказалось, это были боевые шашки, что он с разочарованием отметил, ибо он явно надеялся получить парадное оружие. Однако стоявшие рядом два советских офицера ту же схватили оружие и бешено помчались по дороге, размахивая своей благоприобретенной собственностью, подбрасывая сабли в воздух и издавая воинственные крики к большому удивлению других офицеров и стоявших поблизости.

Полковник просил Хемминга поторопиться с военнопленными, потому что советский генерал с нетерпением ожидал встречи с ними, встречи, которая впоследствие состоялась.

Как только группа подошла к советской зоне, туда же

подкатили два мощных мерседесса и из каждого вышло по генералу. Они поприветствовали всех присутствующих и приказали устроить смотр прибывшим в грузовиках. К этому времени военнопленные ясно почувствовали, что фортуна отвернулась от них. Это можно было заметить по выражению их лиц. Генералы, сопровождаемые всеми присутствующими, поговорили с одним или двумя военнопленными. Один из советских генералов произнес длинную речь, в которой назвал военнопленных непослушными детьми и сказал, что если они будут послушны и будут трудиться как все остальные члены советского общества, то никакого серезного наказания не понесут. После этой речи на лицах заключенных, когда их повели за загородку, промелькнуло выражение облегчения. (17)

Другие английские офицеры тоже отмечают теплый, почти дружеский прием, который ожидал казаков по ту сторону моста. Гуд говорит, что основная масса казаков, прибывших 29-го мая, была встречена примерно батальоном советских солдат, постороена в колонны и отправлена маршем к соседней фабрике: „Но была здесь еще и группа старших офицеров, которые, очевидно, не имели отношения к батальону. Я не знаю, были ли эти ребята из прессы или из политических кругов, но выглядели они более интеллигентно, чем простые военные. Некоторые из них фотографировали." Конечно, это был исторический момент — возвращение в советские руки самых яростных врагов Советского Союза, и, естественно, профессиональные советские военные, наравне с чувством ненависти к ним за сотрудничество с нацистами, испытывали к своим поверженным соотечественникам сочувствие. Может быть, их дружелюбие было лишь уловкой, чтобы убедить англичан в том, что с казаками поступят гуманно, а может быть, она была отчасти и искренней. Во всяком случае не этим военным предстояло иметь дело с военнопленными. Через несколько дней они должны были быть переданы в руки сталинской секретной полиции — НКВД — и на этом дружеский прием оканчивался.

Глава шестая

МАССОВАЯ ДЕПОРТАЦИЯ ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ ДРАВА

В долине реки Драва, между Лиенцем и Обердраубургом, оставалось еще более 20 тысяч казаков: отдельные офицеры, рядовые казаки, священники, гражданские беженцы, женщины и дети. Одна из их переводчиц Ольга Ротовая присутствовала при погрузке офицеров 28-го мая: „Жены некоторых из них плакали и просили меня, как переводчицу, спросить английских офицеров, вернутся ли их мужья и когда. — Ну, конечно! — ответил старший из них. — В 3 часа мы прибудем на конференцию. Продолжится она час-полтора и, приблизительно в 5 или четверть шестого офицеры вернутся в лагерь. Успокойте жен. Ведь офицеры едут только на конференцию. Напрасно они плачут!" (1)

Но наступил вечер, а офицеров не было. В 8 часов Ротовую вызвали к англичанам. „Где офицеры?" — спросила она. „Они не возвратятся", — ответили ей. „Но где они?" — „Мы не знаем." Тогда она сказала: „Вы четыре раза обещали нам, что они вернутся к вечеру. Значит ли это, что вы обманывали нас?" На это, по словам Ротовой, один из офицеров ответил: „Мы только британские солдаты и исполняли приказания наших высших офицеров."

Не удивительно, что казаки начали подозревать самое худшее. Уклончивые ответы английских офицеров и отсутствие офицера связи майора Дейвиса, который обычно поддерживал с ними тесный контакт, заставляли их предположить, что англичане что-то скрывают. На следующий день другая переводчица М.Н. Леонтьева прямо спросила английских офицеров, выдали казаков или нет. Ее уверили, что этого не произойдет. (2) В Лиенц они не вернутся, но они в безопасности и содержатся в хороших условиях. Пищу и одежду им посылать не надо, так как они всем этим будут обеспечены. Надо только собрать им для отсылки вещевые мешки и личные вещи.

Все это было подозрительно, но казаки не были до конца уверены, что это ложь. Природный оптимизм еще какое-то время держал их в блаженном неведении. „Эта ночь, — пишет

Ротовая, — была бессонной и мучительной." Но англичанам надо было как можно дольше скрывать правду. У них не было достаточно людей, чтобы охранять открытое место, на котором расселилось более двадцати тысяч человек. И без того уже часть из них покинула долину и перебралась в горы. Как только откроется правда, эта струйка превратится в поток.

На долю Дейвиса выпало самое неприятное задание — открыть правду, и он живо помнит этот момент:

> У них было что-то вроде лагерного комитета, и я попросил его руководителей собраться вместе. Они пришли в ужас, когда я рассказал им правду, и, должен признаться, я и сам почти окаменел. Оглядываясь назад, я понимаю, что, если бы они захотели, они разорвали бы меня на части. Но я был абсолютно наивен. Я пришел прямо к ним. Они не кричали и не бросались на меня, они только жаловались. Они не могли поверить, что я мог такое с ними сделать. Видите ли, они полностью доверяли мне. Это ужасно. Именно поэтому мне так больно при воспоминании об этом.

Зоя Полянская, молодая русская девушка, вспоминает: „Я заткнула уши и сказала: „Нет, я не хочу этого слышать." Дейвис пытался смягчить реальное положение вещей. „Я уполномочен довести до вашего сведения, — сказал он, — что советские представители обещали обращаться с репатриантами гуманно и хорошо." Казаки чуть не расхохотались над такой наивностью. Они закидали Дейвиса вопросами: — А вы знаете, что сделала советская власть? Вы знаете, сколько миллионов было убито при насильственной коллективизации или сколько умерло с голоду? Вы слышали о массовых арестах и чистках? Вы действительно думаете, что Сталину можно верить? На такие вопросы Дейвис не мог ответить. Он знал, что четыре года советский народ храбро сражался с нацистским агрессором, что четыре года английские газеты пели славу Сталину. Чему он должен был верить?

Дейвис сказал, что сделает все возможное, чтобы облегчить их положение. Он постарается предотвратить разделение семей. Все они на время пути будут обеспечены хорошим питанием и максимумом одежды со складов. Он сделает все, чтобы помочь им во всех бытовых деталях, но главный вопрос не подлежит обсуждению. Они должны вернуться в Со-

ветский Союз. Таков приказ. Он вспоминает, что казаки вытолкнули вперед старую женщину. Она протянула руки и он увидел, что на ее пальцах не было ногтей. „Это — пытки в НКВД — вот на что вы нас обрекаете!" — сказала она ему через переводчика. Дейвис был глубоко потрясен, но что он мог сделать?

Это было за два дня до начала депортации. По словам английских официальных отчетов „районы, где находились лагеря, усиленно патрулировались, но тем не менее в последующие несколько дней было невозможно предотвратить бегство в горы значительного числа казаков и кавказцев". Одним из бежавших был Георгий Шелест, проживающий сейчас в Соединенных Штатах. Какой-то английский солдат нарушил приказ и еще до выступления Дейвиса рассказал ему о том, что случилось с казачьими генералами и офицерами. „Несколько солдат были готовы помочь нам. Они рассказали нам правду. У меня была жена и девятилетний сын Георгий. Поэтому я решил, что наша единственная надежда — бежать. Сотни поступили так же. Лучше было погибнуть в лесах, чем быть выданным коммунистам." Прокофий Василенко сделал то же самое. Он взял рюкзак и бежал в леса, покрывавшие низкие склоны гор. Погода была прекрасная, и жизнь казалась вполне приятной. Множество речушек обеспечивало свежей водой, а пищу можно было выпросить (или украсть) у местных фермеров.

Но большинство, более 20.000 человек, решило остаться в долине и не подчиняться приказу. Казаки были лишены верхушки, и поэтому они избрали старшим подхорунжего Кузьму Полунина. Полунин оказался хорошим организатором. Он направил петицию командиру охраны этого района Алеку Малколму. Она начиналась словами: „Мы, русские казаки, бежавшие из России по собственной воле и присоединившиеся к немецкой армии не для того, чтобы защищать интересы Германии, а с единственным намерением бороться против Советского Союза, заявляем, что наше возвращение в Советский Союз абсолютно невозможно."

В петиции говорилось, что многие казаки имеют родственников в Соединенных Штатах и в Европе, за что они подвергались арестам и пыткам в Советском Союзе. Многие из них были захвачены в плен и сидели в нацистских лагерях, где страдали и умирали. Поэтому они и были так рады попасть в руки англичан. „Мы хотим находится под протекцией англий-

ского правительства, потому что в этом наше спасение, — писали они, — а если это невозможно, мы предпочитаем умереть, чем вернуться в Советский Союз, где будем обречены на мучительное и систематическое уничтожение." Они просили Малколма отослать эту петицию в английский Парламент и американский Конгресс.

Еще более трагический документ составили кавказцы, разместившиеся тут же, недалеко — в Деллахе: „В течение последних 25-ти лет для нас не было места в России. Мы кочевали с места на место, холодные и голодные, с женщинами, детьми и стариками. Если вы имеете хоть каплю жалости к этим людям, не посылайте их в Россию, потому что это означало бы для них смерть." Кавказцы просили отправить их в какое-нибудь место, находящееся под британским контролем. Тогда они подчинятся всем приказам и всеми силами будут служить Великобритании. „Но, — говорилось в конце петиции, — если наши просьбы не могут быть удовлетворены и вы все же собираетесь послать всех кавказцев в советские концлагеря, тогда, пожалуйства, сами расстреляйте нас в этих полях."

Леонтьева пишет: „Майор Дейвис принял эти петиции, но мы полагаем, что они не пошли дальше его корзины для мусора." Это несправедливо, потому что Дейвис на самом деле передал эти петиции своему начальству, но что было с ними дальше, он не знает. И даже если бы они достигли Лондона или Вашингтона, было бы уже слишком поздно что-либо предпринимать. Дейвис регулярно посещал лагерное начальство, а казаков просил проявлять благоразумие и принять неизбежное. Эти встречи производили на него тяжелое впечатление. Теперь, когда Бутлерова увезли, его переводчицей стала Ольга Ротовая — девушка, в свадьбе которой он принимал деятельное участие две недели назад.

На одной из таких встреч она попросила Дейвиса рассказать более подробно о предстоящей депортации: будут ли выдавать также и старых эмигрантов? — Да, это так. — Тогда и меня?, — спросила Ольга. — Да, и вы. Вообще все русские, — ответил Дейвис. — Господин майор, — сказала Ротовая, — обернитесь, посмотрите — мужчины плачут... — Я не могу смотреть, — ответил он. Ротовая продолжает:

Руки его дрожали. Он курил папиросу за папиросой и нервно комкал только что написанные распоряжения.

У нас у всех градом текли слезы. Даже мужчины рыдали. Я всячески старалась убедить майора Дейвиса, что наше возвращение в Советский Союз невозможно, что большевики всех нас замучают и т.д. Но, все было напрасно. Ответ был один: — Я только британский солдат и должен исполнять приказания начальства. Это не зависит от меня. Я хочу помочь и не разделять семьи.

Это был сильный аргумент. Дейвис сказал казакам, что если они подчинятся приказаниям, их хорошо снабдят продовольствием и не будут разделять семьи. Если же они будут сопротивляться, их погрузят силой. Детей отделят от родителей. Неизвестно, собирались ли они в самом деле поступить таким образом. Но аргумент на казаков никак не подействовал. Они уже решили, что будут делать в день отправки. Все решили, что с 5-ти часов утра они будут молиться на поляне, молиться до бесконечности и были уверены, что молящихся англичане не тронут. — пишет Ротовая (3)

Было ясно, что англичане не хотят применять силу. Пока у нее и у ее товарищей хватит твердости, — думала Ротовая, — англичане не смогут сдвинуть их с места. Для солдат было бы морально тяжело физически напасть на людей, с которыми они обращались так мягко и которых так полюбили. Казаки были под впечатлением хорошего с ними обращения, и они воспринимали это как знак сочувствия к ним и поддержки со стороны англичан. Они не понимали, что их участие в войне рассматривалось в Лондоне и Вашингтоне как низость и предательство. Они не замечали, что британские солдаты ожесточились в жестоких сражениях, что они представляют собой хорошо дисциплинированную группу людей и что они будут выполнять приказы, даже если не понимают их или чувствуют к ним личное отвращение.

Казаки объявили голодовку. Они сказали англичанам, что не будут принимать пищу. „Это решение было воспринято большинством казаков и казачек, как Великий пост перед предстоящими им страданиями. (4) Тем не менее англичане продолжали приносить еду: хлеб, сахар, печенье и мясные консервы. Продукты никто не выгружал и они сбрасывались англичанами с машин на поляну среди лагеря. Никто не прикасался к продуктам и только над кучей хлеба и консервных банок развевался, воткнутый казаками черный флаг.

Есть резрешалось только больным. Даже детям родители отказывали в пище.

Казаки изготовили множество черных флагов и повесили их на своих палатках. Черные флаги отмечали также границы лагеря. Они делали и расклеивали по территории лагеря плакаты на английском языке: „Лучше смерть здесь, чем отправка в Советский Союз!" Всю ночь люди провели перед походной церковью, где беспрерывно шла служба. Начало расти религиозное исступление. После увоза генералов и офицеров руководство над казаками взяло на себя духовенство. Теперь наиболее набожные казаки поверили, что смерть это единственный выход из создавшегося положения. Попасть в руки атеистов или позволить, что еще хуже, своим детям попасть к ним, означало самое страшное из всего, что могло случиться, ибо это было бы равносильно гибели их бессмертных душ. Богу угоднее было бы самоубийство или даже убийство, чем, то, что уготовили для них англичане.

Прибыли грузовики, чтобы собрать имущество офицеров. Казаки отказались грузить их, поэтому англичане сочли за лучшее самим заняться этой работой, однако это было не легко, так как никто не знал, кому что принадлежит и где какой офицер жил. Между тем казаки начали разговаривать с солдатами. Они спрашивали их, куда направят этот багаж. Солдаты отвечали, что не знают, но что он будет передан офицерам, а в это время обезумевшие от горя казачки совали солдатам записки к своим мужьям, иногда вместе с трогательными кульками с едой, которые те должны были передать. Из жалости солдаты брали эти письма, но, конечно, они никогда не достигли адресатов, которые уже находились в советских руках. (5)

Дейвис думал, что когда придет срок, казаки поймут безвыходность своего положения и добровольно согласятся на отправку. Он ожидал всяческих волнений и затруднений, но не серьезного сопротивления. Дейвис сказал казакам, что они должны отправиться добровольно, иначе англичане применят силу. Сопротивление, — сказал он, — только ухудшит их положение. Однако теперь казаки уже не верили майору. Он уже слишком много раз обманывал их. Правда, он делал это против собственного желания и подчиняясь прямым приказаниям своего начальства. Тем не менее он казаков обманывал, и идея возвращения в Советский Союз казалась им слишком

чудовищной, чтобы принять ее. Они жадно впитывали разные слухи, ходившие по этому району: что вот-вот разразится война между Советским Союзом и западными силами, что британские солдаты на их стороне и откажутся применять против них силу, что казачьи генералы и офицеры находятся поблизости в британском лагере для военнопленных и вскоре будут возвращены. (6) Все это было далеко от истины. Английских военнослужащих предупредили, что задание предстоит неприятное, но при этом велели выполнять его самым тщательным образом ради насущных интересов Великобритании. Они были готовы подчиняться приказам.

В нескольких километрах к востоку от Лиенца находились лагеря кавказцев, и именно на них пал первый выбор. Эти объединения были не столь враждебны к Советскому Союзу, как казаки. Кое-кто из них действительно хотел вернуться домой. Ожидалось, что в целом они будут менее склонны к сопротивлению. Во второй половине дня 30-го мая на территорию лагеря кавказцев вошел отряд 5-го Пехотного полка Беффс под командованием майора МакГрата, чтобы взять их на станцию Деллах, где для них уже были приготовлены поезда. Им было приказано быть готовыми к двум часам дня, однако МакГрат обнаружил, что к отправке никто не приготовился. Приехав, он увидел сбившихся в тесный круг примерно двести мужчин, женщин и детей. Казалось, — пишет МакГрат, — они и не собирались двигаться, ибо выкинули черный флаг, пели псалмы и рыдали." Он продолжает:

> Я распорядился подвести к ним задним ходом четыре трехтонки и с помощью примерно двадцати человек попытался погрузить их в машины. Рыдания усилились и некоторые выказывали желание быть расстрелянными на месте, чем возвращаться в Советский Союз. С огромным трудом нам удалось затолкать несколько человек в один из грузовиков, но мы не могли помешать им спрыгивать обратно, что все они и сделали. Нам казалось, что среди них имелись зачинщики этой сидячей забастовки, и в назидание другим, я приказал четырем солдатам схватить одного из них и бросить в машину. Однако он стал так отчаянно сопротивляться, что я был вынужден ударить его по голове ручкой лопаты.

Этот удар, — пишет МакГрат, — имел „отрезвляющий

эффект". Кавказцев удалось рассеять и без дальнейшего труда доставить на железнодорожную станцию, чтобы на следующее утро, 31-го мая, депортировать. Один британский офицер и сорок пять его подчиненных сопровождали железнодорожный состав, куда погрузили 1.737 кавказцев и который отбыл со станции Деллах в 70 часов вечера. Через восемь часов поезд пересек границу у Юденбурга и выдача состоялась. Другие 1.414 кавказца проделали тот же путь на следующий день. 31-го мая кроме кавказцев было передано еще около 7.000 казаков из Кавалерийского корпуса Паннвица. Серезных инцидентов в этот день было немного. Кавказцы сопротивлялись выдаче не так упорно, а казаки из Кавалерийского корпуса находились в неведеньи относительно происходящего.

Первоначально выдача казаков из Лиенца была назначена на 31-е мая, но была отложена на один день по требованию советских представителей, в чьих руках находилось уже 8.500 человек. Депортация из долины Дравы началась ранним утром 1-го июня. Лейтенант И.Б. Хетерингтон с отрядом Королевских Вест- Кентцев прибыл в лагерь около Обердраубурга и, как и лейтенант МакГрат, обнаружил, что там не проделано никаких приготовлений к отправке. Он вызвал местного лидера казаков и велел ему подготовить своих людей. Казак отказался, добавив, что предпочитает быть расстрелянным, после чего два английских солдата силой втащили его в вагон. Потома Хетерингтон обнаружил большую группу казаков, „сбившихся в кучу в дальнем конце лагеря, причем люди, образующие первый круг, сцепились руками, чтобы не допустить проникновения в свои ряды английских солдат.

Лейтенант приказал солдатам примкнуть штыки, „чтобы вынудить казаков сдаться", но реакций казаков на это была однозначна: они стали рвать на груди рубахи, предлагая солдатам колоть их штыками. Устное обращение к ним через переводчика вызвало только свист и насмешки. Тогда Хетерингтон решил прибегнуть к классической технике овладения толпой путем изъятия ее лидеров. Он велел своим солдатам „хватать наиболее активных". Однако, — докладывает он, — „это было проще приказать, чем выполнить, ибо чтобы схватить одного казака требовалось от четырех до шести человек." Были пущены в ход ручки окопных лопаток, чтобы прорвать наружный круг и вытащить людей из толпы, — техника, кото-

рая „медленно, но верно вела к успеху". После этого проблема возникла еще раз, когда группа казаков бросилась бежать и попыталась скрыться в лесу. Солдаты открыли огонь и два казака были убиты. После этого погрузка продолжалась без затруднений и еще один поезд с казаками отбыл к советской территории.

С еще большими трудностями столкнулся в другом районе 2-ой Батальон Королевского Пехотного Полка (Иннискиллинг). Его командир Дэвид Шоу рассказывает: „Это было ужасно. Мы хватали их и с помощью штыков принуждали влезать в вагоны." Лейтенант Шилдс командовал отрядом, которому было приказано в течение утра 1-го июня погрузить около 800 казаков. В своем отчете он писал: „Я был свидетелем многих случаев безнадежного отчаяния и страха перед будущим, которое для них уготовано. Мужчины бросались на землю и обнажали грудь, чтобы быть расстрелянными на месте, женщины были как безумные. Он и другой офицер, капитан Кемпбелл были вынуждены иметь дело с группой казаков, которые сидели на земле, сцепившись за руки и отказывались двигаться и требовали лучше расстрелять их, чем передавать в руки советских.

Отчет Шилдса показывает, какие за этим последовали страшные сцены:

> Капитан Кемпбелл решил, что не время миндальничать и попытался заставить их двигаться. Этот случай требовал применения силы. Солдаты примкнули штыки и начали разбивать толпу на небольшие группы. Это была нелегкая работа. В следующие десять минут солдаты избивали казаков палками, винтовками, в ход пошли даже острия штыков, которыми, надо сказать, пользовались без излишней деликатности. На этот раз солдаты были очень возбуждены и кто-то пустил очередь из автомата. Солдаты этого только и ждали. Началась пальба поверх голов казаков и в землю около них. Даже по тем временам зрелище было достаточно дикое.

Только чудом никто не был задет шальной пулей. Такая демонстрация силы побудила лишь немногих казаков направиться к грузовикам, которые должны были доставить их к поезду. Основная масса, несмотря на жестокость обращения, оставалась неподвижной. Как обычно, солдаты отметили зачин-

щика, который энергичнее других призывал казаков к сопротивлению. Солдаты приложили особые усилия, чтобы схватить его. Согласно отчету Шилдса, — „когда его наконец втащили в машину, он истекал кровью от полученных ударов и его кожаная куртка, вполне добротная до драки, превратилась в лохмотья, точно так же как и его свитер и рубашка."

Как только этого человека удалили, казаки потеряли способность сопротивляться ударам и взметавшимся у их ног выстрелам. Примерно две трети их постепенно направились к машинам. Но группа примерно из 200 человек сделала стремительный бросок к соседнему лесу. Шилдс пишет: „Конечно, они были встречены пулеметным огнем, способным остановить любую попытку такого рода." Едва ли кто достиг деревьев и вскоре казаки были схвачены. Трое казаков были при этом убиты. Солдатам потребовалось два часа, чтобы очистить лагерь.

Дэвид Шоу говорит: „Нас всех это потрясло. Это был страшный приказ, и моим солдатам было нелегко." После этого случая он отправился жаловаться Роберту Арбутнотту и был очень удивлен, услышав, что его батальон был специально назначен на эту грязную работу, потому что он был ирландским. Генерал сказал, что с его точки зрения ирландцы менее склонны к неподчинению или возмущению, чем солдаты английского батальона. Шоу был шокирован и оскорблен. Но, — говорит он, — „генерал Арбутнотт дал мне прямой приказ и я выполнил его. Мои солдаты были недовольны, но в конце концов они тоже подчинились приказу. Это было ужасно. Я помню этих женщин, некоторые из них были беременны, они катались по земле и кричали. Мои солдаты бросали автоматы и несли женщин к поезду, потом запирали двери и смотрели, как поезд трогается. Из окон доносились крики."

В тридцати километрах от Клагенфурта с точно такими же трудностями при погрузке казаков столкнулся капитан Дж-С. Лоу из 12-го Почетного Артиллерийского полка. За несколько дней до конца мая лично ему сдалось около двух тысяч казаков, которые целых три недели после окончания войны не хотели сдаваться. Охрана в этом районе была менее строгой, чем в Лиенце, так что к началу июня, когда стали приходить приказы о выдаче казаков всех рангов, многие из них исчезли. Прибыло 10 трехтонных грузовиков, чтобы забрать около 300 из них в Юденбург.

Лоу был ответственным за погрузку. Вот что он вспоминает.

> Казаки знали, что мы собираемся взять их, и никто не хотел идти к грузовикам. Они оставались в своих палатках. Тогда мы опрокинули палатки вместе с ними. Потом, когда они оказались на территории лагеря, мы почувствовали, что единственное, что можно сделать, это продемонстрировать силу. Поэтому мы втащили огнемет на насыпь и метнули огонь вдоль прохода между палатками. После этого казаки двинулись к грузовикам.

Сам Лоу сопровождал казаков, но когда охрана вернулась, он был потрясен, услышав о том, что несколько казаков покончили с собой. Он говорит: „Я думаю, что трое убили себя в грузовиках и один спрыгнул с моста в Юденбурге. Судя по следам крови, которые один из моих солдат видел уже потом в грузовиках, они перерезали себе вены, либо на запястьях, либо на шее." После этого было доложено командиру бригады Клайву Ашеру и дальнейшую отправку казаков приостановили. Лоу говорит: „После этого дня со всеми его огнеметами и самоубийствами мы заняли твердую позицию и фактически сказали „Довольно!". Те казаки, которым посчастливилось избежать отправки, оставались здесь еще несколько дней, а потом были переправлены в общий лагерь для перемещенных лиц. Несколько сот казаков еще несколько месяцев оставались с англичанами, работая конюхами или в обслуге.

Однако эти случаи насилия, как бы они ни потрясали, кажутся незначительными по сравнению с тем, что произошло в Лиенце — в районе, охраняемом 8-м Батальоном Аргайлла и Сатерленда. Ситуация в Лиенце была особенно ужасна, потому что здесь находилось около 4.000 женщин и 2.500 детей, и уничтожение большей части казачества в эмиграции походило на геноцид. В то время это событие не обсуждалось в английской или американской прессе. Как советскую, так и западную сторону устраивало держать это в тайне, и журналисты тогда еще прислушивались к совету своих правительств.

До того, как в 1972 году был открыт доступ к документам британского Кабинета Министров, относящимся к 1945 году, точной информации обо всех этих событиях не существовало. Русские эмигранты рассказывали о них довольно под-

робно, но их сообщения были, конечно, эмоциональны и зачастую преувеличенны. Они говорят о „великом предательстве" по отношению к казакам, не объясняя, однако, почему, собственно, англичане должны были проявлять лояльность и сочувствие к людям, которые сражались на стороне Гитлера. Они называют Черчилля военным преступником (7), не пытаясь проанализировать Ялтинское соглашение о репатриации и причины, которые привели к заключению этого соглашения.

Бывший казачий атаман Вячеслав Науменко называет 1-е июня „днем, который вместе со словом Лиенц, кровавыми буквами вписался в историю казачества." Он предвидит, что „этот день на века останется в нашей памяти как день беспримерной жестокости и бесчеловечности, совершенных западными союзниками, и в частности руками британской армии, против беззащитного народа казаков на берегах реки Драва."(8) Но он не рассматривает эти события в общем контексте Второй Мировой войны и не сравнивает их с гораздо большим кошмаром, в который нацисты ввергли другие народы.

Но казаки были людьми, и, хотя у них не было оснований требовать особой к себе лояльности, они имели право ожидать от армии, которая приняла их капитуляцию и рассматривала их как военнопленных, должного к себе отношения. С этой проблемой сталкивается каждый, изучающий ставшие теперь доступными британские документы по этому вопросу. Отчет Алека Малколма начинается так:

> 1-го июня в 7.30 утра я и майор Дейвис пришли в лагерь Пеггец.. В лагере я увидел большую толпу людей, численностью в несколько тысяч человек, образовавшую строгий квадрат. Женщины и дети — в центре, мужчины — по краям. В первом ряду на равных расстояних друг от друга стояли мужчины, одетые в военную форму. В одном месте собралось 15 или 20 священников, одетых в облачения, державших иконы и хоругви. В 7.30 они начали богослужение и вся толпа запела. Было ясно, что эта форма сопротивления была хорошо организована.

Малколм был прав. Накануне вечером священники решили собрать всех казаков для службы на лагерном плацу. Против этой идеи выступил старший священник Василий Григорьев, считавший, что следует избегать слишком большого скопления в одном месте. Он думал, что в этом случае солдатам

будет проще собрать их и погрузить в машины. Но его переубедили другие священники и руководители казаков, считавшие, что богослужение сделает депортацию невозможной, что оно окажет моральное давление на англичан. Ведь молящегося человека обычно стараются не беспокоить. В 6.00 духовенство с Крестным ходом вышло на лагерный плац. Началась литургия и молебен. По подсчетам Дейвиса, на площади, окруженной с трех сторон высоким деревяннм забором, собралось не менее четырех тысяч человек.

Те, кто выжил, живо помнят эту сцену. На толпой возвышался деревянный помост с походным алтарем и большим крестом. Перед алтарем стояли священники в праздничных облачениях. Литургию отправлял Василий Григорьев. Арчи Рид, один из солдат, вспоминает: „Тут был один священник, который, казалось, был главным. У него была дароносица и он произносил проповедь. Его слово было законом. Если бы он молчал, казаки вели бы себя спокойнее. В воспоминаниях других эта сцена предстает окрашенной в более карнавальные тона: краски икон и хоругвей, черные траурные флаги, толпа казаков и пение.

Дейвис через переводчика обратился к толпе и сказал, что время начинать погрузку. Он пишет, что „в результате его слов, толпа лишь теснее сплотилась". Он сказал, что дает им полчаса на молебен, а когда они истекли, дал еще полчаса. Но никаких признаков того, что духовенство собирается закончить молебен не было. Тогда Дейвис понял, что „призывы начинать погрузку добровольно бесполезны, и следует прибегнуть к насильственной эвакуации".

Он построил своих солдат на неогражденной стороне площади. Одни были вооружены дубинками, другие — заряженными винтовками. На поясах у солдат висели штыки. Дейвис приказал им примкнуть штыки. Он пишет:

> Я хотел, чтобы солдаты действовали четко и быстро. Я приказал им примкнуть штыки, и они выполнили это с точностью гвардейцев у Букингемского Дворца. Я понял, что такая тактика сработает. Казаки видели эти штыки, примкнутые к винтовкам, и я был уверен, что они поймут, что мы не шутим. Я действительно не думал, что после этого они будут сопротивляться.

Дейвис ошибался. Солдаты со своими дубинками и винтов-

ками двинулись на толпу, но даже после этого казаки продолжали молиться и отказывались сдвинуться с места. Подобно стаду животных перед лицом хищников, они прятали женщин и детей в середине толпы, выдвигая в первые ряды молодых бойцов для защиты. По словам Дейвиса: „Люди скучивались в плотную массу, опускались на колени и обхватывали друг друга руками." Солдаты пытались вытащить из толпы отдельных казаков. При этом, — как вспоминает Иван Мартыненко, — толпа только покачивалась и содрогалась, но солдаты не могли вытащить из нее никого.

Солдаты никогда не сталкивались с такой ситуацией и были в замешательстве. Несколько из них обратились к Дейвису. — „Они не хотят идти, сэр", — говорили они почти жалобно. Приказ Дейвиса был четок. Они подчинились и вернулись к побоищу, но так смущенно и нерешительно, что Дейвис поразился. Они поглядывали на него, точно желая спросить: „Вы действительно хотите этого?". Дейвис по опыту знал, что прикажи он им атаковать противника на поле боя, они не колебались бы ни секунды. Арчи Рид вспоминает: „Нам сказали, что казаки занимались грязными делами у немцев, и что мы должны смотреть на них как на врагов. Но когда дошло до дела, они оказались совсем другими. Вообще, это была очень неприятная работа."

Следующий план Дейвиса заключался в том, чтобы послать отряд в толпу и изолировать одну ее часть. „Около двухсот человек было отрезано от остальных. Я приказал двум другим отрядам вклиниться между этой группой и остальной толпой, чтобы никто не мог успользнуть из окружения, и помешать погрузке казаков на грузовики." Этих казаков следовало доставить на товарный поезд, который ожидал в нескольких стах. метров. Здесь не было железнодорожной платформы, поэтому были изготовлены деревянные ступеньки, чтобы казаки могли взобраться в вагоны. Но самое главное было погрузить их в трехтонки и доставить к железнодорожной линии. Обычно эти грузовики были покрыты брезентом, прикрепленным к полукругым металлическим прутьям, но на этот раз брезент с машин сняли. В машины, открытые со всех сторон, было легче вталкивать людей.

До этого момента солдаты почти не прибегали к насилию. Они подпихивали и подталкивали казаков, но не били их. Полковник Малколм описывал автору этот эпизод как нечто вро-

де „тех демонстраций у американского посольства в Лондоне, нечто вроде сидячей забастовки", и до этого момента его описание соответствовало действительности. Но то, что случилось потом превращает весь этот эпизод в нечто иное. Казаки в эмиграции описали его подробно и эмоционально. Они, естественно, несколько преувеличили ужас этой сцены. Англичане молчали об этом, и некоторые все еще стремятся смягчить драматизм происходившего. Но и Малколм и Дейвис описали события в момент их свершения, и из их отчетов ясно, насколько ужасны были события того дня.

Дейвис описывает , как отделенная от общей толпы группа в 200 человек была погружена га грузовики:

> Когда отдельные казаки, стоявшие в наружном кругу, были вырваны из толпы, остальные сбились в плотную кучу и под влиянием паники начали карабкаться друг на друга в судорожных усилиях уйти от солдат. В результате образовалась пирамида из истерически кричащих людей, затаптывавших других. Солдаты отчаянно пытались растащить эту массу и били прикладами и дубинками по рукам и ногам, чтобы спасти оказавшихся внизу.

Эта сцена произвела сильное впечатление на английских солдат. Дункан МакМиллан рассказывает: „Все казаки сбились в кучу, центр которой поднялся выше человеческого роста." Арчи Рид, ныне шотландский фермер, говорит: „Не солдаты давили их, они сами друг друга давили. Они налезали друг на друга, как овцы в тумане. Я думаю, что шестеро из них задохнулось." Дейвис в своей докладной пишет, что все казаки из этой группы были погружены силой и что двое умерло от удушья.

Дмитрий Фролов — казачий офицер, присутствовавший при этой сцене, — говорит: „Они бросали нас в грузовики, как мешки с картошкой. Я помню семнадцатилетнюю дочь сержанта Пастрюлина. Это была прекрасная девушка. Я видел, как ее перебрасывали через борт грузовика вниз головой. Потом я видел, как она стояла в грузовике, одной рукой держась за металлический прут, а другой — за голову, которой она сильно ударилась о дно грузовика." Священники продолжали служить молебен. Фролов говорит далее: „Какой-то солдат подошел к о.Пантелеймону. Он схватил священника за рясу и пытался оттащить его от толпы. Отец Пантелеймон выставил

вперед свой деревянный крест, как бы отгораживаясь им. Солдат попятился."

Фролов увидел солдата, несшего на плечах к грузовику мальчика лет пяти. Мальчик в казачьей форме отчаянно извивался. Фролов пришел в ужас, потому что ему показалось, что это его сын Володя. Он опрометью бросился из толпы, но когда подбежал ближе, увидел, что ошибся — это был другой мальчик, лишь похожий на его сына. Он повернул назад, но был схвачен солдатами, которые потащили его к грузовикам. Фролова спасла группа молодых казаков, которые вырвались из толпы и освободили его. Потом они снова сомкнули руки, образовав цепь вокруг толпы, чтобы защищать ее от налетов солдат. Хватать женщин и маленьких детей и насильно грузить их в машины было проще. Часто это происходило на глазах отца семейства. Такие люди, как Фролов, моментально теряли разум при мысли, что их жены и дети будут отправлены в Советский Союз без них. Многие казаки выскакивали из толпы, чтобы спасти своих близких, и схватить их уже не представляло труда.

Зоя Полянская находилась в гуще толпы. Сначала она не понимала, что происходит, она чувствовала только, что ее все сильнее и сильнее прижимают к стене и к крепкому деревянному забору, который частично окружал эту толпу. Когда она увидела, как солдаты выдергивают казаков из толпы, она сначала просто удивилась. Это были те самые английские солдаты, которые обращались с ней так по-дружески. Почему они обратились к ним такой жестокой стороной? „Они вели себя так страшно, что я подумала, уж не сошли ли они с ума", — говорит она сегодня. Но она смутно понимала, что то, что делали солдаты, было довольно неестественно для них. Очевидно за их действиями стояли какие-то непреодолимые политические причины, какая-то сила вне их понимания, которая и заставляла их действовать таким удивительным образом.

В своей книге *Великое предательство*, посвященной исключительно этим событиям, генерал Науменко пишет:

> Солдаты били казаков дубинками по головам. Лилась кровь, люди теряли сознание и солдаты поднимали их и бросали в грузовики... Некоторые приходили в себя и спрыгивали с грузовиков, после чего их хватали, снова били и бросали обратно. Как только грузовик наполнялся,

в него влезали два автоматчика и казаков отвозили к железной дороге, чтобы бросить в уже ожидающие товарные вагоны. (9)

Утверждения Науменко категорически опровергаются полковником Алеком Малколмом и всеми офицерами и солдатами 8-го Батальона Аргайлла и Сатерленда. Малколм говорит: ..Казаки были предателями и должны были нести наказание. Если бы Гитлер вторгся в Шотландию, и среди шотландцев нашлись бы люди, которые добровольно встали бы на его сторону? Конечно, после войны они понесли бы наказание." Он считает, что его солдаты, получив приказ погрузить казаков в поезда, применяли абсолютный минимум необходимого насилия. Он пишет: „Я думаю, что политическое решение о репатриации казаков было правильным, и что это единственный вариант, о котором можно было тогда договориться."

Когда в одном из изданий этой книги появилась репродукция сильной и страшной картины, написанной в 1957-м году одним художником эмигрантом из казаков, на которой изображена была эта сцена, Малколм назвал картину „нелепой" и „абсолютно неправдоподобной". Малколм считает, что здесь есть опасность преувеличения драматизма всей этой истории. Прошло всего три недели после окончания шестилетней войны, пишет он. За эти шесть лет он и его солдаты выполняли множество трудных и неприятных приказов, от которых зависила жизнь и смерть друзей и товарищей по оружию. Он смотрит на всю эту операцию в целом только как на „еще одно неприятное задание, которое надо было выполнить."

Из расспросов британских солдат, которые принимали участие в операции, ясно, что казачий художник С.Г. Корольков, в изображении этой сцены допустил определенную степень свободы. Например, никто не припоминает, чтобы во время этой операции кто-нибудь из солдат размахивал винтовкой как дубинкой. Дейвис указывает на примкнутые штыки и говорит, что было бы опасно, если не невозможно, пользоваться оружием таким образом. Не было там и гусеничных танков того типа, что изобразил художник. Однако Дейвис говорит, что за исключением этих деталей, картина воспроизводит „достаточно правдивую картину" событий.

Никто из офицеров и солдат, с которыми автор беседовал в ходе создания этой книги, не разделяет мнения Малкол-

ма о том, что насильная высылка была необходима. Батальонный священник Кеннет Тейсон называет эту операцию „злым делом". Дейвис говорит: „я до сих пор вспоминаю об этом с содроганием." Дункан МакМиллан считает, что „казаков ни в коем случае выдавать не следовало." Офицер медицинской службы этого батальона Джон Пинчинг тоже говорит, что их ни в коем случае нельзя было выдавать. Мы все очень сожалели о них", — пишет он. Это чувство разделается всеми рядовыми солдатами, которые считают, что работа эта была „несолдатской" и что не следовало ее поручать солдатам.

Все опрошенные разделяют точку зрения Малколма, что при погрузке казаков на поезда „предумышленного" или выходящего за рамки необходимости насилия не применялось, но все сходятся на том, что акты насилия имели место. Дело в том, что, получив приказ, у них не было другого способа погрузить казаков. Единственно, что они могли сделать, это не подчиниться приказу, но на это они пойти не могли. Тейсон пишет, что солдаты „должны были закрыть глаза и уши, чтобы преодолеть собственное внутреннее сопротивление и действовать твердо, применяя силу". Что касается степени применения насилия, то точно определить ее трудно. Нет сомнений, что казаков при погрузке хватали, пихали и тащили, то есть фактически, применяли рукоприкладство. Но, — как отмчает Малколм, такого рода действия применяются полицией и в мирное время, когда она имеет дело с сидячими забастовками. Если бы насилие этим и ограничивалось, то ни у кого не было бы причин жаловаться.

Однако этим насилие не ограничилось. Пожалуй, наиболее веские доказательства этого содержатся в докладной самого Малколма. Он писал: „Было необходимо сильно бить этих людей, чтобы заставить их идти." Из этого ясно, что солдаты били казаков, особенно тех молодых казаков, которые стояли во внешнем ряду и охраняли остальных, мешая солдатам пробиться в толпу и схватить людей для погрузки. Он признает также, что некоторые казаки получили штыковые ранения, но относит их за счет несчастных случаев. Но вполне возможно, что подобные несчастные случаи и могли произойти оттого, что солдаты начали бить казаков прикладами винтовок с примкнутыми штыками. Мало по малу из самого отчета Малколма выясняется, что эта сцена была мало похожа на „сидячую забастовку у американского посольства в Лондоне"

и что только яростно нападая и избивая казаков можно было принудить их к погрузке.

Толпа все плотнее и плотнее прижимала к стене одного из строений Зою Полянскую. Пытаясь уклониться от нападающих, толпа подавалась назад, и тем, кто находился сзади, грозила опасность быть раздавленными. Зою толпа постепенно поднимала вверх по стене, пока она не оказалась на уровне окна. Ее прижимало к стеклу, которое в конце концов треснуло. Верхняя часть ее тела оказалась в комнате, а ноги оставались снаружи, изрезанные кусками разбитого стекла. Она рассказывает: „Ноги мои были изрезаны в лохмотья. Кровь хлестала, но я не чувствовала боли, и это беспокоило меня больше всего. Так я лежала до тех пор, пока кто-то не втолкнул мои ноги в окно."

Толпа все сильнее напирала на высокий деревянный забор, который начал прогибаться и наконец рухнул. Толпа устремилась в пролом, как лава из извергающегося вулкана. После этого, — по словам Ротовой, — „они, подобно преследуемым зайцам, рассыпались по всем направлениям. Она упала на землю недалеко от рухнувшего забота:

> По моим ногам забегали обезумевшие люди. Все смешалось: пение молитв, стоны, вопли, крики несчастных, которых схватили, детский плач, грубые оклики солдат... Били всех, даже священников, которые, подняв крест над головой, продолжали молиться... Я молилась, чтобы Господь помог мне подняться. Поднявшись, я побежала вместе с толпой через сломанный забор за пределы лагеря на другую поляну. Там многие, упав на колени, со священниками во главе, с обезумевшими лицами, продолжали молиться. Другие бросились к мосту через реку и дальше в горы. Каждым руководила одна мысль: „Сейчас дойдет очередь до меня, схватят, бросят в грузовик и предстанешь пред очи красных палачей".

Не удивительно, что этот кошмар привел многих казаков к мысли о самоубийстве. Фролов рассказывает: „Я вошел в лес и увидел несколько тел, висящих на деревьях." Это подтверждается английскими солдатами, включая самого Дейвиса, и не остается сомнений, что ряд казаков покончили с собой таким образом. Самыми ужасными были самоубийства на мосту через Драву. После того, как рухнул забор, многие

оказались на неохраняемом пространстве. Правда, и здесь были солдаты, но на какое-то время толпа вырвалась из окружения. Ротовая пишет: „Единственное спасение — река... броситься в бурный поток и кончено..." Многие устремились к мосту, причем часть с намерением пробраться к горам, а часть — покончить с собой.

Солдаты тоже побежали к мосту, чтобы помешать казакам его перейти, однако, прежде чем им удалось создать прочный заслон, многие уже оказались на той стороне. Одной из них Была Зоя Полянская. Она вспоминает, как разорвала на лоскуты свою юбку, чтобы перевязать кровоточащие ноги, как солдаты стреляли из пулеметов поверх голов казаков, чтобы остановить их. Но они, как муравьи, усыпали мост и быстро исчезали между деревьями. В какой-то момент она собственными глазами увидела женщину, которая прыгнула с моста в реку с ребенком на руках.

Воспоминания об этой ужасной сцене особенно богаты подробностями. Тейсон видел, как солдаты на мосту бросались во все стороны, пытаясь создать из своих винтовок заслон, чтобы оттеснить людей. Дейвис рассказывает: „Я видел солдат, спасающих людей из воды при помощи шестов и веревок. Какой-то солдат набросил лассо на женщину и спас ее. Я видел, как он протянул руки и обнял ее. Он был в слезах." Солдаты делали, что могли, но река, вздувшаяся от растаявшего снега, превратилась в стремительный поток. Солдатам удалось спасти не всех.

Больше всего солдат потрясло то, что казаки не только сами бросались в воду, но бросали туда и своих детей. Один из таких случаев описывает эмигрантский писатель Федор Кубанский:

> К обрыву подбежала молодая женщина с двумя малыми детьми. Секундное объятие матери, и одна девочка брошена ею в бездну водоворота. Другой ее ребенок, уцепившись за подол юбки, жалобно кричал: ..Мама, не надо! Мама, я боюсь!" — „Не бойтесь! Я иду с вами!" — крикнула в ответ обезумевшая мать. Рывок, и второй ребенок полетел в стремительные воды Дравы. Затем она подняла руку для крестного знамения: „Господи, прими душу грешную". И не донеся руку до левого плеча, прыгнула вслед за своими детьми. Грохочущий водоворот в тот же миг поглотил ее.

Столь эмоционально описанные сцены показывают всю глубину ужаса и религиозной истерии, которые охватили казаков в тот день. Жуткий и неожиданный поворот событий — исчезновение офицеров, яростное нападение людей, которых они считали своими друзьями, молитвы и проповеди священников и всепоглощающий страх перед советской властью — все это уничтожило в них инстинкт самосохранения и привело к мысли о самоубийстве. В это время они искренне верили, что жизнь в Советском Союзе хуже смерти. То, что их враги были убежденными атеистами, лишь подогревало религиозную истерию, заставляя их бояться не только за свою жизнь, но и за бессмертие души. Они ненавидели советское правительство не только за физическое насилие, которое в прошлом многие из них испытали на собственном опыте, но и за его стремление искоренить христианскую религию. Большевики, — думали они, — не только убьют их физически, но, что еще хуже, уничтожат духовно.

Именно это и лежало в основе решения казачки убить своих детей. Они знали, что хотя сами они будут, по всей вероятности, убиты или отправлены умирать в трудовые лагеря, дети их останутся живы. Их просто оторвут от родителей, отдадут в государственные детские дома и привьют марксистско-ленинскую-сталинскую идеологию. Они научатся ненавидеть православие и отвергнут все то, за что боролись их отцы. Возбужденные массовой проповедью и верой в скорый конец, казаки находили это еще более невыносимым, чем физическое уничтожение. И логически, и эмоционально ситуация созрела для детоубийства. По подсчету генерала Науменко двадцать или тридцать казаков убили своих детей. (10) Может быть их было не так уж много, но случаи эти явно имели место, и вероятно их было не меньше десяти.

Самое страшное воспоминание Дейвиса, подтверждаемое многими другими свидетелями, было об одном казаке, застрелившим свою жену и троих детей, а потом застрелившим и себя. Дейвис нашел их около глубокой ямы: женщину и детей, лежащих рядом друг с другом, а напротив мужчину с пистолетом в руке. Дейвис говорит: „Кажется в тот момент до меня дошел весь ужас происходящего, когда я увидел, что человек мог такое сделать." Он вспоминает, как глядя на тела, он размышлял над тем, как этот казак мог убить сразу четве-

рых. Собрал ли он их всех вместе, а потом быстро — одного за другим пристрелил их? Едва ли: это неизбежно вызвало бы панику и тела не лежали бы в таком порядке. Очевидно, пришел к заключению Дейвис, этот человек привел сюда первого ребенка, застрелил его, потом сходил за другим, застрелил и его и так далее, пока все четверо не оказались мертвыми и он не убедился, что никто из его семьи не попадет в руки советских властей. (11)

После этого Дейвис пошел к главной группе священников, которые, как он видел, управляли сопротивлением толпы, и обратился к ним через переводчика. Он рассказал им о жутком зрелище, которое он только что видел, и умолял их помочь ему наладить контроль над толпой, чтобы не было больше смертей. Священники наотрез отказались. На этот раз Дейвис был одни, потому что Малколм поехал к поезду, чтобы на месте наблюдать за погрузкой. Дейвис почувствовал себя заброшенным и одиноким — простой майор с группой солдат под своей командой, от которого ожидалось осуществление контроля над толпой во много тысяч истерически настроенных и доведенных до грани самоубийства людей. Он неожиданно почувствовал и негодование против священников, которые были, как ему казалось, виновниками этого хаоса и относились с такой легкостью к гибели своих соотечественников. Грузовики, наполненные казаками, продолжали отправляться к железнодорожной линии, и Дейвис предложил нескольким священникам отправиться вместе с ними. Они все отказались. Дейвис считал, что уж если священники могли подстрекать свою паству к оказанию сопротивления, они должны быть готовы последовать с казаками к станции, чтобы успокаивать их в дороге и разделить их участь. „Мы не подумали о священника. Я уверен, что они были причиной большинства несчастных случаев", — говорит Массон. Факты показывают, однако, что священники лишь следовали желаниям своей паствы. Они управляли толпой, но сама толпа слишком охотно следовала за ними, впадая в религиозное исступление.

Эти ужасные сцены сильно подействовали на солдат. Тейсон пишет: „Эмоционально они были подавлены тем, что им надо было делать." Было заметно, что многим из них было очень не по себе. Это особенно необычно для этих солдат, про-

шедших через жестокие бои в Северной Африке и Италии. Они поняли, что одно дело быть раненым, убивать или видеть как убивают твоих товарищей в бою, и совсем иное — быть вынужденным применять насилие против женщин и детей. Дейвис писал в своей докладной, что „испуганные и истерически кричащие люди бросались на колени перед солдатами и умоляли расстрелять или приколоть их штыком, но не заставлять возвращаться в Советский Союз." Тейсон вспоминает, что несколько солдат было полностью сломлены: „.Один или двое солдат уже не могли принимать в этом участия. Некоторые из них толкали людей прикладами — не били, но просто толкали, причем лица их были в слезах. Впервые я видел наших солдат плачущими."

Тем не менее, солдаты подчинялись военной дисциплине, и в тот день получили прямой приказ произвести погрузку казаков, причем, если понадобится, силой. Они много лет сражались вместе, приучились подчиняться приказам, и хотя данный приказ был несколько иного рода, он требовал от них не столько физического, сколько душевного напряжения, все же одного потрясения пока было недостаточно, чтобы заставить их перестать подчиняться приказам. Подчинение дисциплине перевесило обычные человеческие чувства, которые им подсказывали противиться свершаемому. Несмотря на подавленное состояние, Дейвис и его солдаты считали, что дело должно быть доведено до конца. Дейвис пишет:

> Мы совершили второй налет на толпу. Когда казаки снова увидели солдат, их охватила паника, они бросились врассыпную, и солдаты, чтобы не быть сбитыми с ног, вынуждены были пустить в ход винтовки. В этот момент кто-то из толпы ухватился за винтовку одного солдата и нажал курок, пытаясь застрелить себя. Пуля попала в юношу, стоящего в стороне. В этом хаосе один казак был затоптан до смерти.

Зоя Полянская, у которой все ноги были изрезаны, вместе с какой-то молодой казачкой пряталась за деревьями в горах. Они чувствовали себя в безопасности, потому что сзади был густой лес. Однако, отрезав, наконец, мост, группа солдат бросилась к горам в поисках беглецов. Местные австийские фермеры, обеспокоенные мыслью, что у них будут пря-

таться беглецы, весьма охотно указали солдатам место, где прятались казаки. В числе указанных были и эти девушки. Солдаты повели их вниз, через мост, туда, где стоял поезд.

Капрал Доналд Смит входил в состав „Роты Б" под командованием майора С.Х. Берна. Эта рота занималась погрузкой казаков на поезд и отвечала за то, чтобы они не разбежались. Поезд остановился у шлагбаума поперек грязной дороги, по которой на грузовиках подвозили военнопленных. Лагерь находился всего в нескольких стах метров и сюда доносились отчаянные крики. „Этих бедняг гонят прямо на расстрел", — сказал один офицер. Потом начали прибывать первые грузовики. Их разворачивали и подгоняли прямо к деревянной платформе, сооруженной специально для этой цели.

Смит вспоминает „испуганных, подавленных стариков и плачущих детей". Здесь же находились „два-три старика с седыми волосами и бородами, на лицах которых застыла кровь от ударов прикладами". Из начали выгружать из грузовиков. Смит пишет: „Мы помогали старикам, которые беспрерывно молились. Некоторые дети были отделены от родителей. Я думаю, некоторые были настолько потрясены, что не могли уже плакать, ни молиться, а просто тихо забирались в вагон и тут же забивались в угол. При виде этого мне стало почти дурно."

Зою Полянскую и ее подругу привезли к поезду и втолкнули в вагон. Она хотела было спрыгнуть, но везде была охрана, даже по ту сторону пути, которая следила, чтобы люди не прятались под вагонами и не бежали. К ее счастью, один офицер заметил, что ноги ее кровоточат. Он забрал ее из вагона и отправил на медицинский пункт. Английский офицер медицинской службы перевязал ее и она воспользовалась случаем, чтобы показать ему свое немецкое удостоверение личности (Ausweis), где она значилась югославской подданной. (Она прожила в Югославии несколько месяцев и получила документы.) Она сумела убедить доктора, что она не является советской гражданкой. Он направил ее в специальную часть лагеря для нерусских.

Как только она вышла из перевязочной, ее схватили солдаты и опять погрузили в вагон: „Это было по-настоящему страшно. Только после долгого спора с охраной они разрешили мне сойти. Я размахивала моим удостоверением и объ-

ясняла, что не должна здесь находиться. Наконец, какой-то офицер сказал, что я не русская, так что мне разрешили сойти с поезда. Мне повезло." Ее подруге Соне не посчастливилось — когда раздвижные двери закрыли и заперли, она была среди тех, кто был внутри. Окна были маленькие, около квадратного метра, так что когда заключенные со своим скудным имуществом опустились на пол в ожидании отправления поезда на восток, они оказались почти в темноте.

Пришел Дейвис и увидел, что поезд, ожидавший сигнала к отправке, полон плачущих людей. Из-за голодовки и приказа брать с собой только „ручной багаж", у них почти не было никакой еды. Но это не особенно беспокоило Дейвиса, так как до Юденбурга, где их должны были передать советским представителям, было всего несколько часов езды. День был жаркий, так что в каждый вагон погрузили по три четырех-галлонных канистры с водой. Этого было достаточно. Но как быть с уборными, — беспокоился Дейвис. Казаков везли в товарных вагонах безо всяких признаков подобных удобств. Они были наглухо заперты и окна — очень высоко. Что они будут делать, если почувствуют естественную нужду.

Дейвис был настолько обеспокоен, что задал этот вопрос офицеру, ответственному за передвижение. „О, все в порядке, — сказал тот, — в каждом вагоне имеется параша." Дейвис на момент представил себе типичный товарный вагон: тридцать человек, мужчин и женщин вместе, некоторые женщины пожилые — жены сержантов и старших офицеров; некоторых из них он знал лично. Значит предполагалось, что каждая из них сядет на парашу в углу вагона для скота, на виду у всех двадцати девяти? Он понял, что с казаками обращаются не как с людьми, а почти как с животными. Он пришел в ужас.

Было 11.30 утра. За четыре часа солдаты сумели доставить к поездам только 1.252 человека, на 500 меньше, чем предписывалось в приказе Малколма. Что касается этих пятисот, — пишет Малколм, — он приостановил их погрузку „ввиду неизбежных телесных повреждений, которые они получили". Но повсюду в долине операция продолжалась, как правило, с применением насилия, но без таких трагических последствий, как в Лиенце. На восток в тот день было отправлено всего 6.500 казаков.

Поезд тронулся, солдаты ушли, оставив только несколь-

ких для охраны. Оставшиеся казаки угрюмо двинулись обратно к месту побоища — в лагерь Пеггец. Зоя Полянская описывает эту сцену: „Флаги сорваны и помост, на котором стояли священники, опрокинут. Мне было хорошо видно, и я заметила пятна крови там, где убивали людей. Все бродили от барака к бараку, разыскивая свои семьи. Некоторые потеряли мужей, некоторые детей, некоторые — жен." Но сама она наконец была в безопасности. Теперь она жила в специальной части лагеря для казаков, не подлежащих репатриации. Оставшихся отправили в течение следующих нескольких дней.

У англичан не хватало солдат, чтобы охранять весь этот район, поэтому ночью много казаков ушли в леса и горы. Одним из них был Георгий Морозов. Он был офицером и имел право носить револьвер. У него же их было два — когда вышел приказ о сдаче оружия, он отдал один, а второй — оставил себе. Он видел, как женщина бросилась в реку вместе с ребенком, и сам он находился в состоянии, близком к помешательству. Своей жене он сказал: „Если англичане нас схватят, я застрелю тебя, а потом застрелюсь сам. Но назад я не вернусь. Они могут вернуть нас только мертвыми."

В тот вечер Массон посетил Пеггец и провел некоторое время с Малколмом, гуляя около лагеря. Массон вспоминает, что Малколм был „очень расстроен" случившимся. Малколм сказал ему, что должен был приостановить погрузку, так как чувствовал, что применяемые методы были слишком неприятны, что это продолжаться не может. Потом, тщательно взвесив обстоятельства, он сказал своему бригадному генералу: „Я не знаю, что будет завтра, но я не собираюсь повторить это снова." Массон лишь промычал что-то в ответ. Оба они знали, что завтра недо будет грузить оставшихся казаков на следующий поезд. Массон и Малколм расстались, так и не решив, что делать.

На самом деле Малколму не пришлось принимать великого решения — подчиняться приказу или нет, потому что на следующий день не произошло таких актов насилия, какими было отмечено 1-е июня. Было только слабое пассивное сопротивление со стороны казаков. Их воля была сломлена. Хотя некоторые и продолжали бежать в горы, большинство оказалось неспособным оставить свое „племя" даже в такой опасный момент. Только немногие были готовы, подобно зверям, скры-

ваться в лесах, имея при себе лишь рюкзак с провизией и,возможно. револьвер. Остальные смирились со своей участью, религиозный пыл и решимость сопротивляться сменились безвольным подчинением. 2-го июня солдаты смогли отправить 1.858 казаков, а 3-го июня — еще 1.487.

Капитан Дж.В. Бейкер был офицером, присутствовавшим при выдаче. В первую неделю июня он каждый день получал пропуск в советскую зону и каждый день, незадолго до прибытия поезда из долины Дравы, он ездил по дороге через мост к Юденбургу, чтобы доставить провизию казакам: „Поезд останавливался в стороне, и мы встречали его вместе с группой красноармейцев. У меня был список, по которому делалась перекличка пленных."

Когда прибывал поезд, советские солдаты выстраивались вдоль него и у станции — по два человека около каждого вагона. Состав состоял обычно из 30-40 вагонов, по тридцати человек в каждом вагоне. Звучала команда — и они отпирали замки и выпускали людей. Работа Бейкера заключалась в том, что он должен был пересчитывать людей, проверять по списку фамилии и выдавать соответствующее количество пайков. Он был неудовлетворен состоянием вагонов: „Поезда отправлялись поздно утром и прибывали в семь-восемь часов вечера. В вагонах были только маленькие окошечки для вентиляции, забранные решетками. В них находились мужчины, женщины и дети, но единственным предметом санитарного обслуживания было оцинкованное ведро.

Нередко в вагонах обнаруживали трупы. Я не могу назвать их число, потому что я не проверял каждый вагон в отдельности, но по приблизительным подсчетам могу сказать, что в каждом прибывающем поезде их бывало по семь-восемь. Один из казаков умудрился каким-то образом перерезать себе горло куском колючей проволоки. В других случаях они вешались на шарфах или веревке, скрученной из куска материи. Их товарищи по вагонам вполне могли не допустить этих самоубийств, но они, вероятно, думали: „Раз кто-то хочет покончить с собой, то вероятно это и есть лучший выход."

Обращались с пленными грубо, но не жестоко, по крайней мере в присутствии Бейкера: „Их толкали и пихали, но с их стороны не было ни попыток сопротивляться, ни борьбы, ни попытки убежать. Они полностью подчинились, покорив-

шись своей судьбе." Солдаты быстро собирали их в группы и уволили. Бейкер говорит: „Боюсь, что некоторых из них уводили не очень далеко. За станцией были деревья, рощица, и казалось, что их уводили за эту рощицу. Вскоре после этого раздавался ряд длинных автоматных очередей. Я не могу с определенностью утверждать, что там происходило, потому что я не видел стрельбы, но я уверен, что многих расстреливали на месте, не на самой станции, но где-то тут же, за лесом. В это время, после окончания войны, слышать автоматные очереди было не так уж обычно, и я не могу придумать иной причины для этой стрельбы."

3-го июня было воскресенье, и церковная служба, которую в это утро вел Кеннет Тейсон, у многих осталась в памяти. Дейвис рассказывает: „Я помню, „падре" произнес нам потрясающую по силе проповедь. Боже мой, он обвинил многих из нас в кровопролитии. Когда он кончил, мы просто оцепенели. Все мы чувствовали себя совершенно подавленными, а он продолжал вбивать это в наши головы. Это я запомню до конца своих дней." Как и большинство находившихся там английских солдат, Тейсон подтверждает, что „все понимали, что эти люди будут расстреляны коммунистами, как только достигнут места назначения." Поэтому, — говорит он, — „он был в ужасном состоянии", когда обратился к батальону и начал говорить о „бездушном обращении с казаками, обращении, которое лежит на совести у всех, замешанных в этом деле."

Тейсон вспоминает, что он выбрал для проповеди текст из св.Марка. 6, 34: „Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря." В этой проповеди, говорит Тейсон, „я более или менее выразил свое общее мнение по поводу одновременно и трудности и необходимости сострадания, даже во время войны." В течение предыдущих сорока восьми часов к нему приходили многие солдаты подавленные мыслью о том, что допустили насилие против женщин и детей и послали на смерть тысячи беззащитных людей. Какое право они имели так обращаться с людьми и какое право имели их начальники ожидать от них выполнения таких приказов? Они говорили Тейсону, что, по их мнению, все это было „каким-то чудовищным позором."

Эти солдаты не разделяли точку зрения Малколма, что эта

операция была всего лишь „еще одним делом, которое надо было сделать." Напротив, большинство свидетелей с болью отмечают, насколько это было непохоже на обычную жестокость военного времени. Дейвис, например, пишет: „Вы могли целый день находиться в самой гуще боя, вы могли занять какую угодно позицию, но военнопленных вы убить не могли. Вы скорее дали бы ему сигарету. Ведь в конце концов он сдался сам, и значит дело с концом." Дейвис с ужасом вспоминает, что людей, которые сдались добровольно, которые считались военнопленными, послали на смерть. Все это было недостойно солдата.

Солдаты, на долю которых выпала малоприятная задача сопровождать поезда с военнопленными на советскую территорию, испытывали к этому заданию острое отвращение. В самые первые дни ее выполнял 2-ой Батальон Лондонских Ирландских стрелков, вероятно потому, что батальонное командование почему-то считало, что ирландцы больше пригодны для такого рода работы, чем англичане. Командир батальона подполковник, а позже генерал-майор Г.А Бредин вспоминает, как он получил приказ о репатриации всех военнопленных и как он был удивлен, с какой горячностью казаки настаивали на том, что их возвращение в Советский Союз немыслимо. Сначала его солдат раздражали все эти отчаянные жалобы и страшные рассказы о том, что скорее всего ожидает казаков по возвращении. Бредин помнит, что некоторые солдаты советовали казакам не валять дурака и не преувеличивать.

Бредин говорит: „В то время простому английскому солдату трудно было поверить, что такие вещи возможны. Но потом наши солдаты поехали в советскую зону в качестве охраны поезда, и только когда первые отряды вернулись обратно, мы услышали, что военнопленных уводят и расстреливают." Сам Бредин не был свидетелем таких расстрелов, но он рассказывает следующее:

> Я разговаривал с людьми, которые видели, как расстреливали военнопленных, и я думаю, что имеются прямые свидетельства о таких расстрелах. Во всяком случае, мои солдаты были совершенно уверены в этом, и мы достаточно наслышались об этом, чтобы понять, насколько нам противно иметь с этим дело. Мы получили также сообщения о самоубийствах в поездах, о людях, которые вып-

рыгивали на ходу и разрезали себе горло осколками стекла. Назревала очень серьезная ситуация и, казалось, солдаты вот-вот скажут: „Простите, сэр, но мы не хотим подчиняться приказаниям. Мы не повезем этих людей туда, где их сразу же скосят автоматной очередью безо всякого судебного разбиратальства."

Лондонский Ирландский батальон состоял из закаленных в боях, видавших виды солдат. В батальоне Бредина было 300 человек, награжденных орденом *Звезда Африки*, а 200 человек дважды были ранены в боях. Для таких людей было крайне необычно заявлять командирам подобные вещи. Бредин не может вспомнить другого такого случая за всю войну. „Во время войны они видели достаточно кровопролития, но только с приказами о выдаче казаков они не могли примириться." — говорит он. Бредин посовещался с подчиненными ему офицерами, которые подтвердили серьезность проблемы, так же как и несколько немецких пленных офицеров, которые раньше командовали отрядами казаков. В частности, он помнит, как один из них, прекрасно говоривший по-английски, сказал ему перед началом репатриации: „Я не знаю, понимаете ли вы, что как только эти казаки сойдут с поезда, их сразу же уничтожат."

Поэтому Бредин пошел к начальству и сказал, что положение серьезное и что его люди находятся на грани неповиновения. Начальство не стало особенно вдаваться в подробности и суть дела. Оно просто отозвало Лондонский Ирландский батальон и заменило его другим подразделением. Бредин объясняет это так: „Они, очевидно, подумали: — Попробуем использовать на это дело новичков. — Дело в том, что через несколько дней от всего этого становилось невыносимо. Трудно было примириться с подобными вещами. Из-за этого, по-моему, они использовали каждую часть только в течение нескольких дней, а потом заменяли ее новой."

Оуэн Фремптон был еще одним британским офицером, который тоже был на грани того, чтобы взбунтоваться против приказа о насильственной репатриации казаков. Он был ответственен за состав, который подавался из Виллаха для посадки и перевозки казаков через границу советской зоны. Он вспоминает, как он впервые увидел поезд с казаками, но

тогда он не обратил на него никакого внимания. Уж очень много людей разных национальностей передвигалось в различных направлениях. У него не было никаких причин видеть что-либо необычное в этом ничем не приметном поезде. Но когда поезд вернулся в Виллах пустым, Фремптон был потрясен:

> Какой-то австрийский железнодорожный служащий подбежал ко мне и сказал, чтобы я пошел и посмотрел поезд. Я вошел в один из вагонов. Он выглядел как место какой-то бойни. Весь вагон был забрызган кровью. Это были общие вагоны и я помню пятна крови вдоль прохода, где тащили тела между сиденьями и дальше вниз по трем или четырем ступенькам. Уборные были абсолютно залиты кровью, как будто эти люди специально запирались там, чтобы покончить с собой.

Как и Бредин, Фремптон говорил с несколькими солдатами из охраны состава. Они рассказали, что в нескольких стах метрах по ту сторону границы поезд остановили. Затем некоторых казаков, в основном офицеров, выволокли из поезда и расстреляли. Он слышал также, что казаки разбивали окна и резали себя кусками стекла. Он говорит: „Тогда я сразу же ушел с этой работы. Я пошел к полковнику и сказал ему, что не могу выполнять ее. Он устроил мне нагоняй, но не дал делу хода. Меня не отдали под трибунал. Они только заменили меня. Вот уже тридцать лет как я рассказываю эту историю моим друзьям и никто не верит мне. Я их в чем-то понимаю, потому что во все это было действительно трудно поверить. Но это было на самом деле."

Депортация продолжалась ежедневно, пока 7-го июня генерал Китли не отрапортовал: „Выдача казаков полностью завершена, за исключением сопротивляющихся, который осталось окружить, и больных, находящихся на излечении." (12) К этому времени было выдано 35 тысяч казаков: 20 тысяч из домановких войск в долине Дравы, а остальные из других районов Австрии. Приблизительный подсчет и проверка по спискам не оставляют сомнений, что за десять дней эвакуации из лагерей для военнопленных исчезли 4 тысячи казаков. Советские представители сразу же отметили это и не замедлили выразить протест. Англичане сочли эти претензии справедливыми и стали предпринимать более энергичные

меры для поимки беглецов. Они считали, что всякое несогласие будет расцениваться советскими властями как выражение сочувствия лицам, которые предали свою родину и поддерживали Гитлера. В это время английские генералы как никогда нуждались в добрых отношениях со своими советскими коллегами. Они не собирались провоцировать их каким бы то ни было образом.

Поэтому британская армия предприняла розыски в долине, раскинувшейся на 16 километров. Нескольким советским офицерам было даже резрешено просоединиться к таким поисковым отрядам. Тот факт, что англичане примирились с присутствием офицеров Красной Армии, к которым солдаты относились недоброжелательно, почти как к шпионам, затершимся в их ряды, показывает, что англичане были готовы пойти на все — лишь бы доказать советским, что они не оставят камня на камне, пока не будут найдены все беглецы. В некотором отношении этот район был идеальным для беглецов. На несколько километров к северу и югу от реки тянулась гористая, покрытая густыми лесами местность, где человеку было нетрудно скрыться. Дни стояли жаркие, и даже по ночам было тепло. Жизнь на этих холмах могла выглядеть вполне заманчивой.

Но моральный дух казаков упал, и им было не под силу справляться со своим трудным положением. Из долины вело только пять дорог, и британские подразделения вскоре их все перекрыли. У казаков не осталось почти никаких возможностей скрыться и раствориться в хаосе послевоенных дней в Центральной Европе. К тому же все они знали, что их близкие и родные находятся уже в руках большевиков, и настроение оставшихся казаков было настолько подавлено, что им уже было не под силу долго скрываться и прятаться. У многих на руках были жены и дети. Им вряд ли удалось бы обойти патруль, а кроме того дети нуждались в нормальном питании.

Некоторым, однако, повезло. Григорий Шелест и его жена поняли, что не смогут выкормить своего девятимесячного ребенка в лесах и решили спуститься в долину. Они направились к мосту, надеясь перейти его и найти какую-нибудь еду в лагере Пеггец. Подойдя ближе, они увидели, что мост охраняется английскими солдатами. Поперек, закрывая подход к мосту, стояла бронированная машина. Шелест растерялся. Его товарищи, оставшиеся в горах, отговаривали его идти:

„Они схватят тебя и отправят в Россию", — говорили ему. Шелест, правда, слышал, что англичане начали пытаться отделить, наконец, „старых" эмигрантов от „новых", то есть пленных, не подлежащих выдаче по Ялтинскому соглашению от тех, кто недавно еще жил в Советском Союзе. Но это не могло помочь Шелесту, поскольку до 43-го года он жил на Кубани под Краснодаром. Его советское гражданство не подлежало сомнению.

Он решился на риск и пошел через мост.

Грязный, завернутый в какие-то лохмотья, ребенок наш был в очень плохом состоянии. Солдат из охраны увидел нас и очень заволновался. Но вместо того, чтобы арестовать нас или перекрыть нам дорогу, он отвел машину так, чтобы мы могли пройти. Потом он что-то нацарапал на кусочке бумаги и передал ее мне. Я не знал, что там было написано, но это спасло нам жизнь. Я добрался до лагеря и нашел еду. Пока у меня в руках был этот клочок бумаги, никто нас не задерживал.

Бумажка, выданная Шелесту была фальшивой справкой о том, что ее владелец не проживал в Советском Союзе до 1939-го года и посему не является советским гражданином. Это позволило Шелесту перебраться в „безопасный" район Петтеца. Но здесь он столкнулся с последней проблемой. „Старые" эмигранты, находившиеся в безопасном районе, спросили его, откуда он, и когда узнали, что он из Советского Союза, стали относится к нему с подозрением. Они спрашивали его, как ему удалось бежать; почему его не послали в Советский Союз; как он оказался в Петтеце. Они полагали, что он может быть советским агентом. Но вскоре он сошелся с другими „новыми" эмигрантами, которые получили такие же фальшивые справки. После этого все подозрения с него были сняты.

Казаки понимали, что некоторые британские солдаты сочувствуют им и пытаются помочь. „Этому английскому солдату я обязан жизнью. Я бы очень хотел поблагодарить его", — говорит Шелест. Со временем он и его семья сумели уехать в Соединенные Штаты и теперь живут на небольшой ферме в Нью Джерси. Им мальчик вырос в Америке и впоследствии служил в американской армии во Вьетнаме. Он

гордится тем, что добросовестно работал, платил налоги и вообще был хорошим гражданином. Он считает, что этим он в какой-то степени отплатил за тот счастливый поворот судьбы, который спас его в 1945 году.

Остальные казаки как могли старались выжить в подполье, но истощенные физически и сломленные духовно, они легко попадались в руки поисковых отрядов. Один из таких отрядов сопровождал Кеннет Тейсон, и он оставил описание этих событий. Они поднялись на несколько тысяч метров на гору Шпицкоффель неподалеку от Лиенца и наткнулись на группу человек в пятьдесят, состоящую главным образом из стариков и женщин, среди которых было несколько молодых девушек и детей. Тейсон был поражен разнообразным снаряжением, которое они имели с собой.

> Чемоданы, сумки, узлы со спальными принадлежностями и грубое лагерное оборудование — я до сих пор не понимаю, как они втащили такую тяжесть на крутую гору. И к тому же это делали в основном женщины. Я не знаю, как им это удалось — старикам и женщинам — как они тащили на спинах огромные ящики, старомодные черные кожаные чемодан. На обратном пути я помогал одной пожилой женщине спускаться и почти пожалел об этом, потому что мне казалось, что я не смогу дотянуть. Чего стоил один только чемодан! А она тащила два таких, и не вниз, а в гору, по очень крутому склону. Я думаю, что ими двигало безнадежное отчаяние.

Когда их окружил английский патруль, эти старые казаки не оказали никакого сопротивления. Они лишь повернули назад и начали спускаться с горы. Тейсон не видел враждебности ни с той ни с другой стороны; то была какая-то усталая покорность судьбе и своим ролям — стражников и пленников. Лишь присутствие офицера Красной Армии, который присоединился к отряду как бы в качестве переводчика, вносило суровую ноту. Он был одет в английскую форму и был прислан из Главного штаба Бригады. Ему разрешили находиться на британской территории только затем, чтобы показать советским властям, как энергично британцы вылавливают беглецов. Ему почти нечего было делать, он только переводил приказания Джорджа Вуда — английско-

го офицера, командовавшего патрулем. Казаки вели себя покорно и подчинялись приказам. Но солдаты не выносили этого советского офицера, чье присутствие еще больше омрачало и так отвратительное задание. „В душе мы все желали казакам удачи", — говорит Тейсон.

У более молодых казаков, в особенности у тех, кто не был обременен женами и детьми, было больше шансов вырваться на свободу. Они забирались выше в горы, разбивались на группы по 10-12 человек и днем пробирались вдоль снеговой границы. Во время привалов они выставляли часовых, и когда те замечали приближающийся патруль, они поднимали тревогу и все прятались в лесах. По ночам, когда становилось холодно, они спускались, разбивали лагерь на низких склонах или занимали охотничьи домики. Джеффри Пикард, тоже принимавший участие в нескольких патрульных обходах, вспоминает, как каждое утро они рассматривали горы в бинокли, выискивая клубы дыма. „А вон там завтракают казаки", — говорили они обычно, заметив столбик дыма. Потом они отмечали это место на карте и посылали туда патруль, надеясь окружить казаков.

Австрийцы вылавливали казаков еще более рьяно. Дело в том, что принадлежавшие казакам лошади вытаптывали сады и уничтожали пастбища. Когда продовольственные запасы казаков подошли к концу, они вынуждены были воровать, чтобы не умереть с голоду. „В течение лета часто можно было видеть дым лагерных костров, поднимающийся из чащи леса, и странные фигуры, слоняющиеся по окрестностям", — вспоминает Тейсон. Вначале австрийцы были готовы помогать казакам. Австриячка Гертруда Айнеттер, проживающая в окрестностях Обердраубурга, вспоминает, как казаки постучались к ней и попросили еды. Но там уже засели англичане. Поэтому, — рассказывает Гертруда Айнеттер, — „мы знаками показывали казакам, что им надо бежать и прятаться где-нибудь на сеновале, где они и проводили ночь. Мы им могли дать лишь несколько прошлогодних картофелин и горячий чай без сахара, потому что у нас у самих ничего не было."

Но вскоре австрийцы поняли, что ситуация, скорее всего, ухудшится. Летом казаки еще могли выжить, но в зимние месяцы они будут нуждаться не только в пище, но и в крове.

Выпавший снег вынудит их спуститься с гор в населенные районы. Были опасения, что эти тысячи пришельцев превратятся в бандитов, терроризирующих местное население. Англичане стали отовсюду получать информацию о казаках и содействие в их поимке.

Например, 4-го июня один автриец сообщил, что в определенном месте в горах скрывается сотня казаков, и лейтенант К.Дж. Хитер с восьмью солдатами был послан туда, чтобы захватить их. Казаки заметили приближение патруля. Они скрылись в густых зарослях глубокого оврага. Тогда Хисер перешел к быстрым и энергичным действиям: „Мы дали по оврагу несколько выстрелов и крикнули: „Kommen sie hier", („Идите сюда!). Ответа не последовало. Может, они не откликнулись, потому что только немногие казаки знали немецкий. Хисер дал приказ прочесать пулями весь этот район. Это было сделано и беглецы начали выходить, подняв руки. Их спустили в долину и поместили в тюремные камеры, где они и ждали отправки на восток.

Другой патрульный отряд, состоящий из двух советских офицеров и четырех английских солдат, 8-го июня верхом отправился в горы. На нижнем склоне они захватили одну группу и решили продолжать поиски более сильной группы казаков, которая скрывалась выше. Командир этого отряда сержант А. Кеннеди велел своим солдатам надеть старую одежду, которую они нашли в захваченном убежище. Теперь они были в казачьей одежде, на казачьих конях, причем двое из них говорили по-русски. В таком виде, думали они, у них будут все шансы пробраться в главную группу беглецов и захватить их.

Они обнаружили группу и уже приближались к ней, когда один из советских офицеров в порыве энтузиазма и совершенно бессмысленно выстрелил в воздух. Казаки разбежались, оставив лишь несколько человек, главным образом женщин и детей, слишком слабых, чтобы двигаться. Один солдат заметил убегающего казака, прицелился, выстрелил и увидел, что тот упал. Кеннеди докладывал, что „так как мы не видели, что казак поднялся, мы решили, что он убит." Отряд Кеннеди не был готов преследовать казаков по лесу, потому что у них имелась информация, что некоторые из них вооружены и могут оказать сопротивление. Поэтому они заб-

рали тех, кто остался, и спустились с ними вниз.

Эти примеры показывают, что в то время как английские солдаты сочувствовали казакам и были готовы тайно им помогать, они все же проявляли заметное усердие в поисках казаков и даже иногда открывали по ним огонь, когда находились под надзором советских офицеров. Это еще раз доказывает, что западные политические и военные деятели руководствовались чувством уверенности в том, что советские требования должны выполняться, даже в тех случаях, когда эти требования казались неразумными и жестокими. Всего за июнь было поймано 1.356 беглецов. В военных дневниках отмечается, что „многие из них сдались добровольно, предпочитая плен суровым условиям жизни в горах", но других удалось захватить только силой, а многие — более двух тысяч казаков — остались на свободе, ускользнув от патрульных отрядов, скрываясь в лесах в надежде на чудо, которое спасло бы их от заботливых рук сталинских палачей.

16-го июня колонна из трех английских и шестнадцати немецких грузовиков под командованием капитана Дункана МакМиллана доставила на советскую территорию 934 пленных казака. Для предотвращения бегства были приняты строгие меры. На каждом грузовике находились вооруженные автоматами солдаты, колонну замыкал бронетранспортер. Но никто не пытался бежать. Воля казаков была сломлена, и они покорились судьбе. Вечером они достигли границы в районе Юденбурга, и советские офицеры попросили МакМиллана доставить военнопленных в город Грац, расположенный в советской зоне, где уже находилось большое число насильственно репатриированных казаков.

Они ехали всю ночь и достигли Граца на рассвете. МакМиллан вспоминает, как их направили под охраной к небольшой железнодорожной станции, рядом с которой находилась огороженная колючей проволокой территория. Он видел, как казаков выгружали из грузовиков. Сначала их обыскивали. У них отбирали все ценности, особенно деньги и часы, и даже продукты, которыми их снабдили на дорогу. Потом их выстраивали в колонну и куда-то уводили. Никто из английских солдат их больше не видел, и, по словм МакМиллана, „не требовалось большого воображения, чтобы догадаться, что стало с этими людьми." Многие из английских солдат,

присутствовавших при этом, свидетельствовали, что вскоре после того, как увели военнопленных, они слышали раздавшийся невдалеке треск автоматной очереди. Правда, никто воочию не видел, как расстреливали, так что нельзя с точностью сказать, что именно там происходило, но, как говорит один из водителей грузовика (Джеймс Дейвидсон), они думали, „что их, должно быть, прикончили из автоматов. Мы думали, что их просто уводили на убой. Мы все разделяли это мнение."

Измотанные ночной ездой, подавленные ужасающей мыслью о том, как они могли выдать на казнь тысячу людей, английские солдаты неожиданно столкнулись с еще одной проблемой, когда красноармейцы попытались конфисковать немецкие грузовики и арестовать немецких шоферов. С советской точки зрения эти люди и транспорт принадлежали казачьей дивизии и, следовательно, должны были попасть в руки советских властей. „По этому поводу у нас возникли довольно серьезные разногласия. Они посадили в каждый грузовик по русскому солдату, а я — одного из своих ребят", — вспоминает МакМиллан. Все были вооружены и, казалось, назревало столкновение, однако русские вдруг отказались от своих требования и пригласили англичан на завтрак.

Завтрак был веселым, с разговорами о единстве союзников и многочисленными тостами. Пили водку, хотя еще не было и восьми часов утра. Англичан это весьма устраивало, потому что все они были после многих часов непрерывной работы и нуждались в каком-то отдыхе перед тем, как отправиться в обратный путь. Для советских день только начинался, и англичане были удивлены способностью гостеприимных хозяев выпивать такое количество крепкой водки в столь ранний час. После этого англичан уложили спать в амбаре, что было очень кстати после хмельного завтрака. Нескольким солдатам было приказано не пить, и они охраняли грузовики. В полдень англичане отправились в обратный путь, в направлении долины Дравы, и на рассвете пересекли границу британской территории.

Этим нелепым эпизодом было отмечено завершение насильственной репатриации казаков из долины Дравы, но в других районах, оккупированных 5-м корпусом, операция шла еще полным ходом. За вторую половину июня в районе

Юденбурга Красной Армии было выдано 13.350 советских граждан, то есть за пять недель, начиная с 28-го мая, было выдано более 50 тысяч. (13) Из них 35 тысяч составляли казаки, воевавшие на стороне немцев. Факты свидетельствуют, что почти никто из этих людей не хотел возвращаться в Советский Союз, что многих смогли репатриировать только силой, что многие предпочитали этому покончить с собой, даже предварительно уничтожив свои семьи.

После июня депортация временно прекратилась, однако отнюдь не из-за изменения британской политики. В военном дневнике 36-ой Пехотной Бригады записано: „После этого, хотя мы и вылавливали беглецов, мы рассматривали их как сдавшихся в плен и не выдавали советским властям. Причина заключалась в том, что русские уже были удовлетворены числом выданных и не хотели больше." Британские решения по этому вопросу все еще зависили от требований, предъявляемых Красной Армией. Операция была закончена, и Бригада ознакомилась с приказом Массона, в котором тот поздравлял всех с быстрым и эффективным выполнением задания.

Недалеко от Лиенца было постороено небольшое кладбище, чтобы отметить могилы казаков, убитых во время событий 1-го июня 1945-го года. Здесь — 27 могил. Это несколько больше, чем значится в британских документах. Согласно британским документам, в долине Дравы пятеро были убиты при попытке к бегству, двое задушены и один убит случайно. К этому надо добавить пять жертв отчаявшегося отца, расстрелявшего свою семью. Еще трое утопились в Драве. Правдивость этих сведений подтверждается несколькими свидетелями — как казаками, так и англичанам. Другие надежные свидетели говорят, что гораздо больше казаков покончило с собой, повесившись в бараках или в лесу, но никто точно не знает, сколько их было.

Документально подтверждается пять случаев самоубийств офицеров, выданных 29-го мая. Двое повесились на спусковых цепочках в уборных, один перерезал себе горло во время ночной остановки в Шпитале, другой перерезал себе горло на мосту у Юденбурга и третий бросился с моста. По свидетельству английской охраны неизвестное число казаков покончили с собой в поездах, по дороге к Юденбургу. Однако точное число жертв никогда не будет известно.

Так начинались долгие годы мучений, не только для казаков, но и для миллионов советских граждан, находившихся на оккупированных немцами территориях, — как для тех, кто добровольно сражался в немецкой армии, так и для военнопленных и просто рабочих, насильственно угнанных на работы в Германию. Большинство из них работали на немцев не по доброй воле: обращение с русскими и представителями других славянских народов при режиме Третьего Рейха было таково, что многие оказывались перед прямым и страшным выбором — либо пойти на компромисс с врагами своей родины, либо умереть с голоду. Сразу после войны невозможно было установить со всей определенностью, кто сотрудничал с немцами, а кто оставался верным Советскому Союзу : слишком много было промежуточных вариантов.

Что касается казаков, то у советских властей не было сомнений, потому что они носили немецкие формы и сами с готовностью признавали свое военное сотрудничество с немцами. Их генералы, особенно Шкуро и Краснов, были известными врагами Советского Союза и их сразу же отделили от остальных. Через несколько часов этим двум „звездам" было велено предстать перед советским военным высокого ранга. Николай Краснов, внучатый племянник генерала Краснова, боялся, что их могут просто расстрелять на месте, но оказалось, что причиной этой встречи было профессиональное любопытство:

> В домике, в котором помещались советские офицеры, их ожидал генерал и несколько пожилых полковников. Они в 1918-20 году были „по ту сторону фронта" и воевали против деда и Андрея Шкуро. В довольно живом разговоре они вспоминали места, где велись бои, и части, которые в них участвовали, и на чьей стороне был перевес. Политической и этической стороны событий они не касались. (14)

С генералами обращались хорошо — с тем уважением, которое профессиональные военные часто проявляют к своим побежденным врагам. Николай Краснов опасался этой, как он думал, „чрезмерной вежливости". Многие полагали, что все эти любезности прекратятся, как только пленные попадут в руки органов безопасности, но некоторые советские офицеры пытались их разубедить даже в этом. „Вы поедете в Москву. Вас там долго держать не будут. С вами поговорят, узнают,

что надо, и отпустят. " — сказал при прощании советский генерал. На Николая Краснова это произвело большое впечатление. Он считает, что вполне возможно, что генерал верил, в то, что говорил, что в Советском Союзе принята некоторая терпимость в обращении.

В самой худшей ситуации оказался Доманов. В течение многих месяцев он был атаманом и главенствовал над „старыми героями" — Красновым и Шкуро, но теперь из-за его советского гражданства охрана ненавидела его вдвойне. Многие из них относились к Доманову, который был вскормлен и воспитан в Советском Союзе, совершенно иначе, чем к тем казачьим генералам, которые всеми силами боролись с большевиками. В то время, как они весело смеялись над рассказами Шкуро из времен гражданской войны, когда он рассказывал о том, как он „давал жизни красным" (15), им было скучно с Домановым, который не мог рассказать таких историй. С другой стороны казачьи генералы ненавидели Доманова еще больше, и обвиняли его в том, что он помогал англичанам в выдаче казаков и что он знал об обмане и покрывал его. Николай Краснов не знает, „обещали ли ему англичане какую-нибудь награду за сбережение тайны судьбы казаков." (16) Большинство казаков уверено, что было именно так.

30-го мая, на другое утро после их выдачи в советские руки, генералов выстроили для отправки в Грац. Перед отправкой из Юденбурга за попытку побега накануне ночью был расстрелян германский обер-лейтенант фон Химменгофена — адъютант фон Паннвица. (17) Расстрел был произведен на глазах у казаков в назидание тем, кто попытается безрассудно повторить подобную ошибку. Ночь они провели в Граце, и на следующий день их отправили в Баден — курортный городок, служивший тогда центром советской контр-разведки. В пути им был подан роскошный завтрак, и генерал Краснов говорил, что чувствует себя как гусь, которого откармливают к Рождеству.

В Бадене казаков долго допрашивали. Однажды их собрали вместе для групповой фотографии. Позаботились, чтобы все были одеты в немецкие формы со всеми регалиями и орденами. Некоторые регалии, потерянные по дороге, были заменены извлеченными из советских трофейных запасов. Это достоверное изображение столь важных людей было предназ-

начено для архивов. 3-го июня некоторых генералов посадили на самолет и отправили в Москву. Остальных подобрал другой самолет на следующий день. Здесь их поместили в Лубянскую тюрьму и содержали в приличных условиях с довольно хорошим питанием. Каждый, кто знаком со сталинским правосудием, знает, что это было плохим знаком. Чем чище камера, тем ближе казнь.

Но для казаков гораздо страшнее, чем судебный процесс и формальная казнь, были условия заключения в сибирских исправительно-трудовых лагерях. Основную часть заключенных всех рангов лишь несколько часов продержали в фабричном здании в Юденбурге, после чего переправили в Грац, где имелась большая тюрьма. Здесь их обыскивали, отбирали часы и другие ценности, выясняли их личности при помощи списков, предоставленных англичанами. (18) Через неделю они были готовы к долгому пути на восток. 11-го июня их провели маршем к железнодорожной станции и погрузили по сорок человек в каждый вагон. В течение трех дней поезда с заключенными отправлялись из Граца — сначала в Венгрию, потом на юг — в Румынию, а уж потом на север — в Советский Союз. К 25-му июня некоторые из этих поездов прошли через Киев и достигли Москвы, где они в течение трех дней ожидали дальнейших указаний по поводу их места назначения. В эти дни заключенные в вагонах слышали регулярные артиллерийские залпы, а иногда по ночам видели фейерверки. Столица праздновала победу. (19)

Потом эти поезда отправлялись по Сибирской железной дороге в Кемеровскую область, находящуюся к югу от Томска и в 3.000 километров от Москвы. В качестве питания заключенные получали черствый хлеб и соленую рыбу, но стояло жаркое лето, и наиболее опытные отказывались есть селедку, потому что воды не хватало, а жажда — вещь более опасная, чем голод. Те, кто выжил, лучше всего запомнили из этого путешествия страшную жажду.

> Наш вагон получал в день четыре-пять ведер воды на 94 человека. Воду черпали ржавым ковшом и она сразу же становилась коричневой. Я стоял с черпаком и отмерял по два немецких армейских котелка на каждого. Воду всегда выпивали сразу же, а потом стояли и ждали густого ржавого осадка на дне ведра. (20)

Однажды сломался двигатель, и поезд более суток стоял среди выжженной открытой степи. В ожидании ремонта, казаки сидели в пекле вагонов, их языки распухли от жажды. В каждом вагоне имелось одно окно — маленькое отверстие, забранное колючей проволокой. Те, кто был посильнее, пробивались сюда, загораживая окно, и тогда весь вагон погружался в удушливую темноту. В пути несколько человек было убито охраной, многие умерли от болезней и истощения, вызванных этими страшными условиями. Когда случалось что-нибудь в этом роде, то проклятия заключенных обрушивались именно на англичан, этих „виновников наших мучений", — как говорили казаки. Один из выживших пишет: „Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь ругал американцев или других союзников. Вся наша ярость, ненависть и угрозы были направлены против англичан." (21)

Около 10-го июля поезда достигли района Томска, и казаков распределили в разные места в этой области, где были построены концлагеря. Наплыв заключенных был таков, что потребовались дополнительные постройки. Выживший казачий офицер М.И. Котовский пишет:

> Они выгрузили нас из поезда и поместили в лагерь, окруженный колючей проволокой. Он состоял из двух барачных блоков, бани и кухни. На каждые двадцать заключенных выдали по палатке, в которых они стали жить. Четез два дня нам принесли доски для нар. У нас не было постельных принадлежностей и мы спали на голых досках, на раздеваясь. Все время нас кусали насекомые. Пища в лагере была очень плохая. По утрам нам давали водянистый овсяный или перловый суп с плавающими в нем отдельными зернами овса или ячменя. В середине дня давали так называемый овощной суп из гнилой кислой капусты с какой-то жидкой бурдой. На ужин мы получали то же самое, что и на завтрак. Иногда давали немного соленой рыбы, которая часто была покрыта ржавчиной от проржавелых банок. Ежедневно выдавали пайку хлеба (400 граммов). Люди начали болеть, особенно немцы. Чаще всего наблюдались заболевания печени или дизентерия. В день умирало от 15 до 20 человек. (22)

А.К. Ленивов пишет, что смертность среди казаков была

особенно высокой в первый год заключения, когда их бросили на трудную и опасную работу в угольные шахты Кузнецкого бассейна. Несмотря на специфическую работу, им не выдали соответствующей спецодежды, и через несколько недель они ходили в лохмотьях, а некоторые босыми. В ноябре им подбросили немного одежды, но недостаточно, и заключенные не были готовы к сибирской зиме. В лагере №7525 царил закон джунглей. Ослабшие старики не могли выполнять свои дневные нормы. В наказание за невыполение нормы, лагерное начальство срезало им пайки, что ослабляло заключенных еще больше. Блатные наживались на этих несчастных, воруя у них одежду и пищу. Ленивов подсчитал, что в течение первого года от различных изнурительных болезней умерло более семи тысяч казаков. (23)

Таковы были самые страшные испытания, которые казаки разделяли с несколькими миллионами людей других национальностей, сумевших навлечь на себя гнев или подозрения советских властей, за что они были принуждены провести по десять лет в условиях такого убийственного голода и холода, что только наиболее физически и духовно выносливые сумели выжить и не сойти с ума. Никто никогда не узнает, сколько именно заключенных осталось в живых после десяти лагерных лет, но наиболее авторитетные источники утверждают, что их не могло быть более половины. Сталин настолько крепко запечатал границы Советского Союза, что вплоть до самой его смерти почти ничего не было известно обо всех этих ужасах, а и так скудная информация, которая просачивалась на Запад, тут же ниспровергалась ярыми приверженцами Советского Союза во всем мире. Только с публикацией в 1974 году *Архипелага ГУЛаг* Солженицына до людей дошла точная и подробная картина всего этого ужаса..

В течение двух лет после смерти Сталина были объявлены амнистии, которые освободили большинство находящихся в заключении за измену родине или за сотрудничество с врагом во время Второй мировой войны. Среди них были и некоторые несоветские граждане, взятые в плен Красной Армией или выданные западными союзниками в нарушение Ялтинского соглашения. В середине 50-х годов они получили возможность покинуть Советский Союз и вернуться туда, где они жили до войны. Ленивов, который попал в их число, считает, что

таким образом из Советского Союза смогло выехать семьдесят казачьих офицеров. (24) Остальные 1.400 или погибли, или были вынуждены остаться.

О судьбе старших казачьих офицеров свидетельствуе Николай Краснов — внучатый племянник генерала Петра Николаевича Краснова. Он был молодым офицером и только благодаря принадлежности к столь знаменитому роду он удостоился „чести" отсидеть заключение на Лубянке. Только полгода спустя лидеры этого антисоветского движения предстали перед судом. 17 января 1947 года *Правда* сообщила, что П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, Султан Клыч Гирей (руководитель кавказцев), С.Н. Краснов, Т.И. Доманов и фон Паннвиц были признаны виновными в том, что „по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР." Они были приговорены к смертной казни через повешение, и приговор был приведен в исполнение. Николай Краснов был слишком незначительным офицером, чтобы его включили в группу избранных. После длительных допросов его сослали в лагерь, потом освободили, и в середине 50-х годов он получил разрешение покинуть Советский Союз. Вскоре после этого он умер в Аргентине.

Из шести человек, о чьей казни было официально объявлено, юридически только Доманов подлежал репатриации по условиям Ялтинского соглашения. Фон Паннвиц был чистокровным немцем и говорил по-русски только потому, что происходил из области, расположенной неподалеку от польской границы. Остальные четверо никогда не жили в Советском Союзе. И не было никаких юридический оснований ни у англичан на их выдачу, ни у советских на их жизнь. Их обвиняли не в военных преступлениях, а в борьбе против советских вооруженных сил, что истолковывалось как акт предательства. Но их шести только один, опять-таки Доманов, был советским гражданином и мог считаться предателем.

Вероятно, если учитывать миллионы погибших во время Второй мировой войны, казнь шести генералов, поддерживавших Гитлера в его военной агрессии, не вызывает большого удивления. Черчилля информировали, что казаки, „сража-

лись яростно, чтобы не сказать жестоко, на стороне немцев," (25) и это соответствовало действительности. И хотя сами они утверждали, что боролись не за Гитлера, а за освобождение своей страны от Сталина, остается неоспоримым, что Гитлер просто использовал их в своих целях завоевания мира. Филип Лонгуорт в своей книге пишет о казаках:

> Их удел был неизбежным и справедливым. Хотя только треть офицеров была советскими гражданами, в глазах закона большинство из них были предателями, а некоторые на законном основании могли быть квалифицированы как военные преступники... Людям, которые поклялись в верности нацизму, находились под покровительством и сражались в войсках СС, нечего было удивляться отсутствию сочувствия со стороны союзников. И их друзья, которые протестовали с позиций гуманизма, забывают при этом зловещую славу, которая окружала имена этих людей в годы гражданской войны, и то, как бы они обошлись с большевиками, если бы их роли переменились. (26)

Однако, выдвигая эти аргументы, люди не учитывают, что советские власти поступили несправедливо по отношению к тем казакам, кто не был замешан ни в каких преступлениях, например, женщины и дети. Они игнорируют несправедливость по отношению к тем, кто поднял оружие против Сталина, не понимая того, что в лице Гитлера они помогали не менее страшному тирану. Может быть, эти люди были наивны, но принимая во внимание преступления советского режима, полный размах которых теперь вскрыт Солженицыным и другими, едва ли можно согласиться с тем, что они заслужили расправу, как обыкновенные предатели.

Глава седьмая

НАЧАЛО КРИТИКИ

29 июня 1945 года страшные события разыгрались в Форт-Диксе, в Нью Джерси — в лагере для военнопленных, где находилось 154 советских гражданина, взятых в плен в Европе, где они служили в немецких вооруженных силах. В Соединенных Штатах оставались только те военнопленные, которые уже раньше отказались грузиться на суда, отправляющиеся в Советский Союз с западного берега Америки. Предполагали, что эти пленные были склонны к сопротивлению. За неделю до этого им сообщили о том, что должно произойти. Их отвезут в Нью-Йорк и погрузят на американское судно, направляющееся в Германию. Там их передадут советским властям. Военнопленные заявили, что они не поедут ни при каких обстоятельствах. И когда в положенный день в 9 часов утра в лагерь прибыла американская охрана, они были готовы сопротивляться до последней капли крови.

Их сопротивление началось с того, что они забаррикадировались в своих бараках и отказались выходить. Комендант лагеря полковник Дж.М. Трейш несколько раз обращался к ним, предлагая послать для обсуждения трех старших по званию офицеров. Когда это предложение было отвергнуто, он распорядился выдать охране противогазы и слезоточивые бомбы, которые те стали забрасывать в бараки, чтобы вынудить русских выйти оттуда. После этого задняя дверь барака распахнулась и наружу высыпала целая толпа пленных, вооруженных ножами из лагерной столовой и импровизированными дубинками, изготовленными из мебели. (1)

Два американских офицера были легко ранены: одного полоснули ножом по руке, другого ударили по голове. Толпа бросилась прямо к отряду охраны, вооруженному карабинами и автоматами. Охрана открыла огонь, семеро русских было ранено. В конце концов, охране удалось навести порядок. Но самое ужасающее было обнаружено только после то-

го, как заключенных заперли и произвели осмотр бараков. С потолочных балок свисали ремни и веревки, и на трех из них болтались тела повесившихся.

Трех самоубийц и одного тяжело раненого оставили в Форт-Диксе, а остальных заставили погрузиться в автобусы и санитарные машины и в тот же вечер отправили в лагерь Шэнк в штате Нью-Йорк. К каждому заключенному был приставлен персональный конвой — военный полицейский, а кроме того в машинах имелась еще и дополнительная охрана. На 150 заключенных приходилось всего 200 человек вооруженной охраны. На следующее утро их из лагеря Шэнкс отвезли к причалу 51 одного из нью-йоркских портов, и охрана, усиленная теперь 80-ю солдатами военной полиции, вооруженными автоматами, повела их к пароходу *Монтичелло* — бывшему шикарному туристическому лайнеру итальянского торгового флота.

Свидетельства о том, удалось ли погрузить русских на *Монтичелло* расходятся. Согласно одному из них, русские начали яростно сопротивляться, как только их погрузили на борт, и, несмотря на охрану, умудрились повредить судовые двигатели. Как бы там ни было, но неожиданно пришел приказ прекратить операцию по репатриации, и в тот же день (30-го июня) в 3 часа 30 минут пленных погрузили в машины и отвезли обратно в Форт-Дикс. (2)

Несмотря на эту неожиданную отсрочку, русские, казалось, знали, что их репатриация отнюдь не отменена, а просто отложена. Военный министр Генри Стимсон в своем письме в Государственный Департамент объяснял, что „военнопленные сопротивлялись репатриации в Россию, опасаясь, что для них это будет означать верную смерть и принесет страдания родственникам и друзьям. Формулировка Стимсона была еще слишком мягкой, ибо многие пленные пришли к выводу, что лучше умереть, чем попасть в руки советских властей. Они говорили, что взбунтовались не против тех, кто держит их в плену, а потому, что „они хотели, чтобы американцы их всех перестреляли."(3)

В течение следующих нескольких недель в Форт-Диксе предпринимались необычные меры предосторожности, чтобы уберечь заключенных от дальнейших попыток к самоубийству. Их разместили в шести казарменных помещениях по

двадцать пять человек в каждом, круглые сутки находившихся под постоянной охраной. Бригадный генерал Медисон Пирсон так писал об этом в своей докладной:

> У заключенных было достаточно одежды для защиты от холода, но им не разрешалось пользоваться предметами, которые могли незаметно и легко быть употреблены в качестве петли, то есть шнурки для ботинок, пояса, подтяжки и прочие подобные вещи. У каждого был матрас, простыня и одеяло. В помещениях отсутствовали койки, так как их части могли быть использованы в качестве оружия или орудий самоубийства.

Русские ели с бумажных тарелок и пили из бумажных стаканов. Из столовых принадлежностей им разрешались только ложки, но и те каждый раз после еды отбирались и пересчитывались. Пленным разрешалось ходить в уборные только по одному. Бритье тоже происходило под индивидуальным наблюдением. Пленному выдавалась безопасная бритва. После бритья она возвращалась охраннику, проверялась и только потом ее давали следующему. Раз в день пленным разрешалась часовая прогулка, во время которой им выдавали папиросную бумагу и табак, но не спички. Охранник зажигал сигареты трем заключенным, а остальные должны были прикуривать у них.

19 июля в Форт-Дикс прибыла группа из четырех советских офицеров, чтобы побеседовать с пленными и расследовать причины мятежа. Американцы были рады этому. Они хотели показать, что мятеж был вызван не их плохим обращением с пленными. Была также слабая надежда, что некоторых из них удастся убедить прекратить сопротивление и согласиться на добровольное возвращение домой. Старший в группе советский офицер полковник Мальков сказал американцам, что „он попытается объяснить им (пленным), что их не будут преследовать по возвращении в Советский Союз."

Советские офицеры отдельно беседовали с каждым пленным в присутствии четырех американцев. Как и другие советские офицеры, занимающиеся репатриацией, они держались миролюбиво и не угрожали пленным. Но и этот подход не произвел на них большого впечатления. Пленные были настроены скептически, полагая, что вся эта вежливость кончится,

как только они благополучно прибудут в Советский Союз и выпадут из поля зрения американцев. Некоторые пленные вообще отказались отвечать на вопросы и даже назвать свои фамилии. После этой беседы полковник Горацио Роджерс докладывал:

> Те, кто согласился разговаривать, говорили, что они не хотят возвращаться в Советский Союз, потому что знают, что будут расстреляны. Они не верили никаким заверениям в обратном, потому что выпущенный еще во время войны приказ считать каждого сдавшегося в плен изменником родины не был, насколько им известно, отменен. Семьи некоторых из них были сосланы или уничтожены и они предпочитали самоубийство возвращению. Они снова и снова заявляли, что у них нет претензий к американским властям и что единственной целью организации мятежа было заставить американскую охрану перестрелять их.

Несчастные и отчаявшиеся пленные рассказывали страшные вещи. Один говорил, что его родители — мать и отец — были расстреляны по приказу советских властей в 1941 году; другой — что русских женщин казнили за такой, например, вид сотрудничества, как стирка на немецких солдат. Если это действительно было так, то на что могли надеяться эти 150 человек и в самом деле поднявшие оружие против советской власти. Мальков пытался их разубедить. Одному пленному он сказал, конечно, солгав, что законы изменились и что два миллиона русских свободно вернулись к себе домой из Германии. Он добавил: „Я хочу внушить вам всем, что с вами ничего не случится." Такие обещания пленные слышали не впервые, и они очень мало были склонны им верить. Несмотря на все уговоры, как со стороны американцев, так и со стороны советских представителей, несмотря на недвусмысленные намеки, что вернуться им все равно придется так или иначе, и что с теми, кто вернется добровольно, будут обращаться лучше, чем с теми, кого придется везти силой, Малькову и его группе не удалось переубедить ни одного из своих соотечественников.

Между тем, этот инцидент привел к тому, что американская политика в отношении военнопленных еще раз подверглась тщательному пересмотру на высшем уровне. Но пока Соединенные Штаты не аннулировали соглашение, подписанное их

представителями в Ялте, к чему они еще не были готовы, ничего нельзя было сделать. Самое большое, что они были готовы противопоставить советским требованиям, был отказ силой репатриировать прибалтов и западных украинцев, которые не были советскими гражданами до захвата этих территорий Красной Армией в 1939 и 1940 годах. В остальном же Государственный секретарь Бирнс в письме от 9 августа подтвердил „обязательство Соединенных Штатов вернуть Советскому Союзу всех советских граждан согласно условиям Крымской Конференции." (4)

Русских в Форт-Диксе еще раз тщательно проверили и семерых из них признали прибалтами или поляками. Оставшиеся 146 человек были 31-го августа вместе с охраной, состоявшей из двух офицеров и пятидесяти солдат, погружены в Нью-Йорке на пароход и переданы в Европе советским представителям. В доступных документах не содержится никаких подробностей об этой последней успешной репатриации, кроме того, что она прошла „без происшествий". Один источник утверждает, что пленным в кофе было подсыпано снотворное, и что они были доставлены на судно в бессознательном состоянии. (5) Тот странный факт, что эта операция прошла без затруднений, тогда как предыдущие попытки вызывали резкое физическое сопротивление, придает некоторый вес этому серьезному обвинению, однако ни подтвердить, ни опровергнуть его оказалось невозможным.

Это была последняя партия советских граждан, репатриированных из Соединенных Штатов. В Германии и на других оккупированных американцами территориях к концу августа было передано советским властям более двух миллионов человек. По словам одного американского документа „вопрос о применении насильственной репатриации" во время этого массового перемещения „не возникал". Чтобы убедить нежелающих ехать, не поднимая шума, применялись крутые меры, но в хаосе тех первых дней мира все это не производило большого впечатления на прессу и общественное мнение. Перемещение русских смешивалось с обычными военными операциями по очищению территории от противника; с заключением в лагеря немецких военнопленных, ликвидацией небольших групп, которые отказывались сдаваться, отделения эсэсовцев от простых солдат. Когда эти операции окончились, и было восстановлено

некоторое подобие порядка, на американских территориях оставалось не более 20-ти тысяч человек, признанных советскими гражданами. Многим, правда, удалось ускользнуть из сетей, выдав себя за несоветских, но точное число их неизвестно.

Проблема заключалась в том, что сопротивление этих 20-ти тысяч репатриации было особенно упорным. Большая их часть сражалась против Красной Армии и знала, что им не приходится ждать милости от Сталина. Однако международное соглашение, под действие которого они попали, было совершенно однозначным: они подлежали обязательной репатриации. Многие английские и американские офицеры сочувствовали им. После многих недель бесплодного общения с коллегами из Красной Армии, они начали понимать, почему так много русских до такой степени ненавидели советское правительство, что оказались готовыми примкнуть к немцам. Естественно, эти офицеры помогли бежать немалому числу русских. Но каковы бы ни были их личные эмоции, приказ был ясен. Они обязаны обеспечить советским офицерам доступ в лагеря перемещенных лиц и военнопленных во вверенных им районах, помочь им опознать советских граждан и затем репатриировать их, если понадобится силой.

Одна из первых таких операций имела место в лагере около Кемптена — небольшого городка, расположенного в ста километрах к юго-западу от Мюнхена, — где размещалось около тысячи военнопленных, русских и казаков, сражавшихся на стороне немцев. Из них меньшая часть состояла в Русской Освободительной армии Власова, а большинство — в Казачьем Кавалерийском корпусе фон Паннвица. Некоторые из них были не советскими гражданами, а старыми эмигрантами, как, например, ветеран гражданской войны генерал Вячеслав Науменко. Их американцы выдавать не собирались. Но несколько сот покинули Россию всего год или два тому назад. Согласно Ялтинскому соглашению они подлежали выдаче.

Военнопленные всячески старались скрыть свое происхождение, проявляя при этом солидарность друг с другом. Как старые, так и новые эмигранты отказались сотрудничать со смешанной американо-советской комиссией, которая в течение первых двух месяцев мира пыталась отсортировать „обреченных" от остальных. Но в конце концов более или менее правильный список был составлен. Советским офицерам уда-

лось завербовать агентов среди пленных. Объединенная комиссия заручилась поддержкой старшего среди них по званию генерала Данилова. Таким образом она сумела получить сведения о дате и месте рождения содержавшихся в лагере. Дополнительные подробности были извлечены из документов оргизации помощи беженцам — *ЮНРРА* — с которой военнопленные были вынуждены иметь дело, чтобы получать пищу и одежду.

22-го июня новым эмигрантам приказали построиться и быть готовыми к перемещению в лагерь, расположенный ближе к Мюнхену. Перспектива отделения от остальных напугала их почти до потери сознания. Им казалось, что их передача Красной Армии стала теперь вопросом дней. Пленные объяснили американским властям, чего именно они боятся, дав им понять, что никогда не вернутся в Россию и что с их точки зрения лучше быть расстрелянными на месте американцами. Их возражения были встречены сочувственно, а на местном уровне было принято решение отменить передислокацию к Мюнхену. Облегчение их не знало границ.

Американский комендант майор Легранд в тот момент ничего еще не знал о Ялтинском соглашении, но как только ему объяснили ситуацию, были приняты меры к подготовке другого транспорта для перемещения военнопленных в направлении советской зоны, причем на этот раз при полном понимании возможности яростного сопротивления с их стороны. Однако американские власти столнулись с серьезной проблемой. Между многими солдатами охраны и русскими и казаками начали завязываться личные отношения и возникли взаимная приязнь и сочувствие.

11-го августа военнопленным сообщили, что им предстоит. Некоторые из них покорились судьбе. При этом они вели себя как приговоренные к смерти в день перед казнью. Одни причастились и написали завещания. Другие, примерно половина из 410 человек, внесенных в „список обреченных", той же ночью бежали из лагеря, чтобы скрыться в близлежащих лесах или у немецких семей. Остальные же твердо решили сопротивляться. Около 7-и часов утра 12-го августа несколько сот новых эмигрантов вместе с некоторыми старыми, обещавшими им свою помощь, явились в лагерную церковь и запели православную литургию.

К исходу утра религиозное исступление дошло до предела. Пленные закончили молебен и выстроились к причастию, многие думая, что в последний раз в жизни. В этот момент в церковь зашел переводчик и спросил одного из священников, ведущих службу (о.Владимира Востокова), сколько она еще продлится. Тот ответил, что молебен закончится через десять минут. Вскоре после этого в церковь вошел старший по званию советский офицер генерал Данилов с каким-то американским офицером. Воцарилась тишина и генерал начал зачитывать имена 410 „обреченных", подлежащих выдаче. Он предложил им выйти из церкви и влезть на грузовики, которые уже ожидали их перед церковью. Офицер посоветовал пленным не поднимать паники и не делать ничего, что вынудило бы американскую охрану применить насилие.

Василий Бощановский, один из священников, описывает, что произошло потом: „Едва он успел произнести последнее имя, как церковь буквально взорвалась от неописуемых стонов и рыданий. Плакали все — старые и молодые, мужчины и женщины, но особенно сильно плакали дети, видя полную беззащитность и отчаяние своих родителей." (7) Американский офицер быстро ушел. Приказав охране не покидать церкви и ждать дальнейших указаний, он отправился докладывать о случившемся в кабинет майора Легранда. Позвонив куда следует и получив распоряжения, тот приказал охране разойтись, что они и сделали, причем, по свидетельству казаков, с великой радостью, потому что к тому времени они прожили с охраняемыми уже целых три месяца и не хотели применять против них насилие.

В течение определенного времени церковь оставалась без охраны и все, кто хотел, мог бы, наверное, бежать. Но никто не бежал, то ли потому, что они боялись оторваться от общины, единственного известного им человеческого сообщества, то ли потому, что они думали, что с роспуском охраны опасность миновала.

Николай Назаренко, зять генерала Науменко и крупный антикоммунистический деятель, присутствовал при этой сцене. По его словам, как только разошлась охрана, советские офицеры по репатриации и советские агенты в ЮНРРА заявили Главному Штабу союзников резкий протест и добились оттуда приказа возобновить операцию другими средствами. Все

источники сходятся на том, что через полчаса после роспуска охраны к церкви подкатила дюжина грузовиков, наполненных солдатами и военной полицией (от взвода до роты). Этот новый отряд состоял из солдат, прошедших специальную подготовку по борьбе с беспорядками. Они не знали военнопленных, не имели ни малейшего представления об их проблемах и не понимали, почему те отказываются подчиняться приказам американцев. Его командир вошел в церковь, переговорил с Даниловым и приказал выходить тем 410-и, чьи имена значились в списках. Результат оказался таким же, что и раньше: крики и вопли отчаяния. Русские и казаки, пытаясь держаться как можно дальше от американца, сбились в дальнем углу церкви. Молодые вышли вперед, пытаясь создать оцепление для защиты детей и женщин.

После этого американский офицер позвал в церковь солдат и приказал им вытаскивать военнопленных. Бощанский пишет: „Солдаты вытаскивали нас за руки и за ноги, тащили за волосы и бороды. В ход шли кулаки и прикалады. Раздавались выстрелы. Тех, кто падал, били и пинали ногами. Церковь наполнилась плачем и криками отчаяния." (8) Алтарь был опрокинут, иконы срывались со стен, и пол — усыпан клочьями порванной одежды, обувью, гребнями, пуговицами и прочим мусором. В эмигрантской литературе именно такие акты святотатства описываются с наибольшей горечью и вызывают даже большее негодование, чем физическое насилие.

За дверью военная полиция с помощью советских офицеров, которым была поручена репатриация, делила выведенных на две группы. У них снова проверяли документы, устанавливали их личность и отправляли в разные места — одних в безопасность, на первый этаж соседней школы, других — к грузовикам. Назаренко пишет, что некоторые из последних бросились бежать и добрались до стены, отделявшей их лагерь от другого, где размещались перемещенные лица из прибалтийских стран, не подлежавшие репатриации. Прибалты взобрались на стену, протягивая оттуда руки русским и казакам, чтобы перетащить их в свой лагерь. Полицейские, размахивая прикладами, бросились останавливать поток, причем, по словам Назаренко, было ранено 12 человек, двое из них серьезно.

Из 410 человек, перечисленных в первоначальном списке, только 90 было посажено в машины и доставлено на железно-

дорожную станцию Кемптен: остальные сбежали, кто в ночь перед операцией, кто в ее ходе. Доставленных в Кемптен объединили с группой 90 советских граждан, которых удалось захватить в соседних лагерях. Все 180 были погружены в товарные вагоны, где должны были провести ночь. У вагонов была установлена охрана, но состояла она из солдат, ранее охранявших лагерь. Назаренко пишет, что они „с самого начала закрыли глаза на то, что после наступления темноты казаки один за другим выбирались из вагонов и исчезали". Состав отправился на следующее утро, увозя всего около пятидесяти пленных, некоторым из которых тоже удалось бежать „благодаря американской охране".

Действительно, репатриированные были как бы символом тех 410-ти, подачкой, брошенной советским офицерам, которые требовали неукоснительного выполнения соглашения. „Кемптен — это лишь небольшой эпизод по сравнению с Лиенцем, который был великой трагедией", — говорит Науменко. Тем не менее многие военнопленные были там жестоко избиты, а немногие возвращенные были отправлены, возможно, на казнь и наверняка на десять лет трудовых лагерей.

Этот инцидент убедил высокопоставленных американских военных в Европе, что продолжать такую политику опасно. Немалое число американских солдат не подчинилось приказу и позволило русским бежать. Наказать их было трудно, так как аргументы их защиты в военном трибунале неизбежно свелись бы к обвинению самого соглашения в антигуманизме. Стань одно такое дело достоянием гласности, оно вызвало бы гнев общественного мнения. В результате союзнические отношения с Советским Союзом смогли бы еще больше обостриться. 25-го августа Седьмая американская армия затребовала у Верховного командования дальнейших инструкций по поводу насильственной репатриации, и это дело было сочтено достаточно важным, чтобы отправить его на дополнительное рассмотрение в Вашингтон, а пока полевым частям было приказано никого больше не отправлять силой из Германии. (9)

Не менее острой была дискуссия по поводу насильственной репатриации в Великобритании. Сведения о страшных событиях в Лиенце не просочились в газеты, но достигли слуха высокопоставленных военных в Германии, Австрии, а также в братинском правительстве. К концу июня на занятых англича-

нами территориях оставалось еще несколько тысяч русских. Что было делать с ними? С юридической точки зрения все было ясно. По Ялтинскому соглашению они должны были быть репатриированы. Но после событий в Австрии мысль о такой перспективе приводила в содрогание тех, кто должен был бы непосредственно осуществлять эту задачу. Вот уже два месяца как в Европе воцарился мир. Иммунитет к насилию, выработанный во время войны, начинал ослабевать. При репатриации казаков многие части находились на грани неподчинения приказам. Возникла реальная опасность, что они могут впредь отказаться выполнять подобные задания.

Начальник отдела по делам военнопленных Сирил Джепп получил письмо от одного из старших офицеров в Главном штабе вооруженных сил союзников, ставившее его в известность о „крайней серьезности этой проблемы" и о том, что „британский солдат никогда не согласится с тем, чтобы его использовали для заталкивания в поезд двух тысяч человек, которые не хотят возвращаться в свою страну и которых вполне могут там прикончить, когда они вернутся". (10) Было решено обсудить этот вопрос с Министерством Иностранных Дел. 6-го июля один из сотрудников отдела Джеппа — В.М. Хэммер, сообщил одному из сотрудников МИД'а Джону Голсуорси, что, по его мнению, британские солдаты могут отказаться выполнять подобные задания. На этот раз Министерство Иностранных Дел выдвинуло возможное решение: просить Красную Армию прислать своих солдат с тем, чтобы они использовали ту меру насилия, которую сочтут необходимой. В Министерстве Иностранных Дел полагали, что это было бы наилучшим решением проблемы. Таким образом удалось бы сохранить в силе Ялтинское соглашение, не предъявляя к британским солдатам требования совершать такие поступки, которые им претят и создают риск военного мятежа. МИД хотел организовать дела таким образом, чтобы не британские, а советские солдаты выполняли задания по репатриации, и любые акты насилия не имели бы в этом случае отношения к Великобритании.

Хэммер предвидел практические трудности при осуществлении этого плана. У Красной Армии не было подготовленных частей охраны, расположенных вблизи соответствующих лагерей. Голсуорси отвечал, что „в таком случае они смогли бы

сформировать временные команды такого рода из шоферов и обслуживающего персонала". Он считал, что „чем больше трудностей будет поставлено на их пути, тем больше надежды, что они не смогут захватить в свои руки этих жалких несчастных людей." На это Хэммер возразил, что по его мнению использование советской охраны на территории Главного штаба вооруженных сил союзников придется ему не по вкусу „по принципиальным соображениям". Голсуорси ответил, что Штабу „придется с одной стороны, положить на весы этот принцип, а с другой — совесть британского солдата". (11)

28-го июля Кристофер Уорнер направил Хэммеру послание, более подробно излагавшее точку зрения Министерства Иностранных Дел. Юридические советники МИД'а пришли к заключению, — писал Уорнер, — что британские войска должны „применять необходимые меры насилия как часть процесса репатриации". Хотя, — добавлял он, — в некоторых отдельных случаях при погрузке советских граждан на суда в Англии и применялась сила, но обычно необходимости в ней не возникало, так как „их (британских солдат) решительного вида бывало достаточно, чтобы охладить непокорных". (12) Он выразил свое согласие с тем, что следует приложить все усилия, чтобы избежать использования силы в Германии, и повторил предложение о том, чтобы Красной Армии было предложено обеспечить вооруженную охрану для сопровождения военнопленных, отправляемых с британских территорий.

Между тем, „жалкие несчастные люди" нашли своего верного покровителя в лице фельдмаршала Александера — Верховного Главнокомандующего Средиземноморским театром военных действия. В июне он направил телеграмму в Военное министерство относительно 55-ти советских граждан, в том числе 27 женщин и детей, отказывающихся возвращаться домой из Италии. Советская миссия в Италии сделала специальный запрос относительно их отправки, — писал Александр. „Это потребовало бы от нас применения насилия, включая употребление наручников и перевозку под охраной в запертых крытых товарных вагонах. Мы считаем, что выдача этих лиц почти наверняка означала бы для них смерть. Существует вероятность частого повторения подобных случаев в будущем." Александер просил Военное министерство снабдить его дальнейшими инструкциями.

В 1919-м году Александер, тогда еще молодой офицер, занимался организацией военного сопротивления большевикам в Польше и в прибалтийских странах. Вполне возможно, что возникновение у него сочувствие к людям, страшившимся мести советского правительства, было связано с этим периодом его жизни. Но как бы там ни было, написание им такой докладной записки было проявлением твердости, так как у него уже был приказ репатриировать всех советских граждан. В соответствии с этим приказом и под его командованием были осуществлены операции как в долине Дравы, так и в других местах. Военное министерство сочувствовало его протесту, однако не оно подписывало Ялтинское соглашение. Максимум того, что оно могло сделать, было передать вопрос в Министерство Иностранных Дел и испросить его заключения относительно такого юридического толкования соглашения, которое исходило бы из неприменения в будущем насилия против русских, которые при нормальных обстоятельствах квалифицировались бы как политические беженцы. Если бы эта точка зрения была принята, Великобритания тем самым вернулась бы к своей традиционной политике предоставления политического убежища.

Министерство Иностранных Дел подготовило вопрос для передачи его на рассмотрение нового статс-секретаря Эрнеста Бевина, подчеркнув в своем докладе юридическую сторону дела и обратив мало внимания на изменившиеся обстоятельства. В меморандуме указывалось, что всякая попытка изменить условия соглашения „весьма вероятно, будет рассматриваться советским правительством как нарушение данного нами слова и возможно будет принята им за изменение политики в целом." Дипломаты сочли, что британская традиция предоставления политического убежища относится к тем, кто сам попал в Соединенное Королевство или на Британские территории, но не к тем, кто оказался в британских руках в результате военных операций. В конце этого документа говорилось, что в значительной степени „было бы неверно определять этих людей как политических беженцев", ибо они не бежали из Советского Союза, а добровольно или насильно были вывезены на Запад немцами. И именно в силу „своей связи с немцами" они не желают возвращаться назад.

Подобная моральная казуистика должна была доказать, что традиционная британская политика остается незыблемой.

Но, конечно, все были согласны с тем, что моральная сторона — не самое главное. С чем надо считаться, так это с соглашением. Соображения гуманистического порядка только затемняют дело. „Боюсь, что правильность этого юридического толкования не оставляет сомнений", — писал Александр Кадоган, выражая однако надежду на то, что Великобритания будет применять „минимум насилия" при выполнении своих обязательств. Эрнест Бевин выразил согласие с этим. 14-го августа он написал на документе МИД'а короткую фразу: „Let them go." (13) Это можно было истолковать либо как приказ отпустить пленных, либо как приказ отправить их, но во всяком случае обязательно убрать их с контролируемых Англией территорий. Такая формулировка была похожа на двусмысленность древних оракулов, но все, по-видимому, понимали, что убрать их придется именно в Советский Союз, а не на свободу.

Кристофер Уорнер писал генерал-майору А.В. Андерсону, своему коллеге в Военном министерстве, оповещая его об этом решении: „Принимая во внимание такое заключение министра, мы полагаем... что Вы сможете теперь приступить к отправке этих людей." Он сообщал Андерсону, что Великобритания не обязана выделять значительных войсковых соединений для насильственного сопровождения нежелающих ехать русских и что английские солдаты должны „применять лишь самый минимум насилия". В случае возникновения действительно серьезной ситуации, он предлагал британскому командованию „обращаться к местным советским властям для принятия необходимых мер по транспортировке пленных под охраной".

Таким образом возник конфликт между Министерством Иностранных Дел, которое опасалось ухудшения англо-советских отношений в случае одностороннего нарушения условий соглашения, и Военным министерством, которое было не в восторге от претившей ему перспективы применять насилие к безоружным военнопленным, в том числе к женщинам и детям.

Даже после решения Бевина Александер продолжал попытки изменить существующую политику. 18-го августа, через 4 дня после решения Бевина и через день после отправления письма Уорнера, Александер встретился с генерал-майором Я.Д. Басиловым, который был послан из Москвы со специальной миссией: обсудить вопрос о репатриации. Он сказал Басилову, что имеющиеся у него приказы о применении насилия неясны:

„В настоящее время положение на вверенной ему территории таково, что некоторые из русских граждан желают вернуться родину, в то время как другие — нет. Однако в настоящий момент он уполномочен заставлять нежелающих возвращаться в Россию вопреки их воле." (14)

Басилов выразил протест, ссылаясь при этом на пункт I Ялтинского соглашения, который всегда истолковывался, как означающий репатриацию независимо от желания подлежащих ей лиц. На это Александер ответил осторожно и уклончиво: если ему, мол, прикажут, то он применит силу для осуществления репатриации. Но к настоящему моменту он таких приказов не получал. Басилов попросил его по телеграфу запросить дальнейших указаний у высшего командования, на что Александер согласился.

Эту встречу Александер описал в интереснейшем письме к Алану Бруку, тогдашнему начальнику Имперского Генерального штаба, находившемуся в постоянном контакте с премьер-министром:

> Встреча носила корректный и формальный, однако далеко не дружеский характер. Я должен был проявлять большую твердость, так как с моей точки зрения некоторые их требований были совершенно возмутительными. Например, они выразили желание посетить все находящиеся в моем распоряжении лагеря военнопленных с целью розыска советских граждан, как будто мы сами не способны должным образом осуществить его. Я, конечно, категорически отказал им в этом, потому что наша трактовка советского гражданства в целом отличается от их. Их требование посетить польские военные части — просто наглость, что я и объяснил им, используя другие выражения. Их требование посетить Крит — это еще одни предлог для шпионажа и протаскивания советской пропаганды. Я предлагаю, если Вы согласны с этим, имея дело с этими людьми, проявлять абсолютную твердость и не уступать им ничего, на что они не имеют прямого права. (15)

Закончил он свое письмо удивительным признанием: „Пока я отказывался применять силу для репатриации советских граждан, хотя, как мне представляется, у меня нет прямого права придерживаться такой позиции." Переписка Алек-

сандера с Бруком носила личный характер, и он счел для себя возможным признаться, что он если и не прямо не подчинялся приказу, то во всяком случае уклонялся от его исполнения. Указания о применении насилия были уже даны, и он сознательно вводил Басилова в заблуждение, притворяясь, что это не так. В действительности он собирался написать докладную по этому вопросу, сформулированную совсем не в тех выражениях, которые он употребил в разговоре с Басиловым. Он собирался выразить резкий протест против принципа насильственной репатриации в целом.

23-го августа он писал в Военное министерство:

Значительная часть русских уже репатриирована, но остаются еще некоторые, которые из страха за свою судьбу по возвращении в Россию отказываются быть репатриированными. Заставить их согласиться на репатриацию означало бы необходимость либо применять силу, либо загонять их в вагоны остриями штыков, заперев их затем в вагонах, а возможно и заковав часть из них в наручники.

Такого рода обращение в сочетании с пониманием того, что эти люди посылаются почти на верную смерть, несовместимо с принципами демократии и справедливости, как мы их понимаем. Кроме того, мало вероятно, чтобы британский солдат, зная об уготовленной этим людям судьбе, охотно принимал участие в мероприятиях, необходимых для принуждения их к отъезду... Принимая во внимание эти обстоятельства, я рекомендую предпринять шаги по внесению в соглашение некоторых изменений, которые позволили бы рассматривать этих людей в настоящее время как лиц без гражданства. Этот вопрос является срочным. (16)

Несколькими днями позже специальный корреспондент газеты *Манчестер Гардиан* в своей статье коснулся той же самой проблемы, а некоторые фразы редакционной статьи в том же номере газеты впервые содержали скрытые намеки на попрежнему секретное Ялтинское соглашение и выражали озабоченность по его поводу: „Несомненно, что именно в этом вопросе была бы оправдана просьба лейбористского правительства о некотором пересмотре (Ялтинского соглашения). Этим несчастным и жалким людям должен быть предоставлен такой же свободный выбор, как и другим перемещенным лицам." (17)

Газета, однако, делала оговорку, заявив, что все это относится к тем лицам, кто не обвиняется в каких-то определенных преступлениях. Министерство Иностранных Дел обращало пристальное внимание на эти сообщения, ибо оно было обеспокоено тем, что эта тема начала просачиваться в прессу и еще более обеспокоено тем, что Военное министерство оспаривало решение, принятое самим министром иностранных дел. С точки зрения Министерства Иностранных Дел Военное министерство не имело права вмешиваться в дело, которое носило по преимуществу дипломатический и политический характер.

Более откровенно обсуждение этого вопроса началось в американской прессе. 9-го сентября *Нью Йорк Геральд Трибюн* сославшись на высшие административные чины союзников, утверждала, что Великобритания и Соединенные Штаты скоро потребуют аннулирования Ялтинского соглашения. В статье утверждалось, что британские солдаты могут взбунтоваться, если он них потребуют применять насилие по отношению к русским военнопленным, что в „стычках с непокорными репатриантами может пролиться американская кровь" и что „один английский офицер уже был судим военно-полевым судом за отказ подчиниться приказу помогать советским агентам." Газета *Кристиан Сайенс Монитор* также высказывала беспокойство в связи с тем, что офицеры Красной Армии рыщут вокруг американской и английской оккупационных зон: „Пятьдесят специальных агентов послано в американскую зону для облавы на колеблющихся русских, и по поводу того, что это за люди и как они будут действовать, существует немало опасений." „До сих пор, — продолжала газета, — все разговоры о разногласиях или ссорах между Советским Союзом и его союзниками были лишь нацистскими измышлениями, но этот вопрос „касается фундаментальных представлений о жизни и обществе". (18)

В то время, как английских и американских офицеров в Европе волновала этическая сторона вопроса, Государственный Департамент и Министерство Иностранных Дел беспокоились о другом — о необходимости сохранения хороших отношений с Советским Союзом и обеспечении уважения международных соглашений. Министерство Иностранных Дел находилось в особо затруднительном положении, потому что 26-го августа в ответ на жалобу советского посольства оно заверило его,

что распоряжение об отправке советских пленных сразу же будет послано в Италию. Эти заверения были даны на основе решения Эрнеста Бевина от 14-го августа, после чего, однако представителям МИД'а было сообщено, что Александер еще раз информировал Басилова, что „он не имеет разрешения применять силу при осуществлении репатриации". (19) Советские дипломаты теперь обвиняли Министерство Иностранных Дел не только в нарушении соглашения, но и в запутанности и противоречивости предоставляемой информации. 2-го сентября посольство Великобритании в Москве передало в Лондон по телеграфу сообщение, выдержанное в общем духе политики МИД'а: „Советское правительство будет в любом случае самым резким образом протестовать против всякой попытки установить какие-либо различия между теми советскими гражданами, которые хотят возвращения домой, и теми, кто его не желает, и как бы это не претило нам, я не вижу причин, чтобы уже одобренная политика в виде исключения не проводилась для Италии." (20)

И действительно, 2-го сентября советский посол М.Гусев вручил Кадогану ноту протеста, где говорилось о „фашистских организациях", которые проводят „агитацию среди советских граждан за невозвращение на родину." Он требовал немедленно положить конец подобным „грубым нарушениям Ялтинского соглашения". (21) Кадоган выразил протест по поводу тона этого заявления, но едва ли он мог возражать против его содержания. Великобритания действительно нарушала соглашение. Александер достаточно ясно признавался в этом в своих письмах в Лондон. Он отказывался применять насилие против советских военнопленных и отказывал офицерам Красной Армии в разрешении на посещение лагерей. И это, — как указывал в обиженном письме в Военное Министерство Кристофер Уорнер, — было совершенно незаконно. Была и еще одна причина, по которой он и его коллеги хотели навести порядок в этом вопросе. В конце сентября в Ланкастер-Хауз в Лондоне должна была состояться конференция трех союзных министров иностранных дел: Бевина, Молотова и Джеймса Бирнса. Советский Союз заявил, что на этой конференции он намерен поднять проблему репатриации, и таким образом Министерство Иностранных Дел оказалось бы разоблаченным, как нарушитель международного договора.

Лондонская конференция не имела успеха. Один из чиновников Государственного Департамента Чарлз Болен, ставший впоследствии американским послом в Москве, писал, что „это был наш первый опыт столкновения с удивительной способностью Молотова ко всякого рода оттяжкам и проволочкам". (22) Во время обсуждения вопроса о репатриации 24-го и 25-го сентября Бевин напомнил Молотову о „традиционной английской неприязни к принуждению людей к возвращению в свои страны". В последние годы царизма в России, — сказал он, — Великобритания предоставляла убежище многим выдающимся большевикам, в том числе Ленину. (23) Эти доводы Молотов нашел абсолютно неубедительными, и в определенном смысле они действительно не имели отношения к делу, потому что формулировка соглашения была вполне ясной. Молотов „очень твердо настаивал на репатриации всех власовцев", на что американский Государственный секретарь ответил, что „если таковые находятся в американских руках, они не вызовут к себе сочувствия".

Проблема заключалась в том, что Бевин не мог прямо приказать Александеру действовать в соответствии с советскими пожеланиями. Средиземноморский фронт все еще находился под объединенным англо-американским командованием, и приказы Александеру поступали от Объединенных начальников Штабов, как англичан, так и американцев. Правительство Великобритании оказалось таким образом в странном положении, будучи вынужденным получить одобрение американцев, прежде чем отдать приказ одному из своих собственных генералов. Поэтому на второй день встречи в Лондоне Бевин телеграфом информировал посольство Великобритании в Вашингтоне о том, что „Молотов устроил грандиозное представление по поводу того, что мы скрыли от советских властей большое число власовцев". Он хотел, чтобы Александеру были посланы „немедленные инструкции" с целью покончить с этой опасной ситуацией.

Кроме того, — писал он, — „задержка в отдаче необходимых распоряжений ставит правительство Его Величества в затруднительное положение и ослабляет ту сильную позицию, с которой мы выступали бы перед русскими, если бы дела в этом вопросе обстояли по-другому". Бевин написал также лично Бирнсу, напомнив ему, как он заверял Молотова, что по от-

ношению к власовцам не будет проявлено „никакого сочувствия", и что „очень важно как можно скорее избавиться от этих людей ... применяя при этом ту меру насилия, которая окажется необходимой", — говорилось в заключении этого письма. (24)

Можно представить себе смятение Бевина и его подчиненных, когда 4-го октября, через несколько дней после отправки этого письма, они получили сведения о том, что генерал Эйзенхауэр приостановил насильственную репатриацию советских граждан. Один американский представитель заявил прессе, что есть предположения о возможном сокрытии оружия некоторыми военнопленными и что „мы не хотим рисковать жизнями американских солдат при попытках сдвинуть их с места." Приказ Эйзенхауэра был назван „временной отменой Ялтинского соглашения". (25) Томас Бримелоу писал полковнику Хэммеру: „Мы озадачены и встревожены этим заявлением, которое безусловно находится в противоречии с политикой Правительства Его Величества." (26)

Насильственная репатриация прекратилась к концу августа, но только к концу 1945-го года из общего беспорядка начала выкристаллизовываться новая политика. Несколько месяцев тянулись бюрократические конфликты: американцев против англичан и Министерства Иностранных Дел против Военного Министерства. Потом, главным образом благодаря американской инициативе, было выработано компромиссное решение. Теперь предлагалось возвращать силой только тех советских граждан, которые раньше служили в Красной Армии или активно сотрудничали с нацистской Германией. Простые гражданские беженцы могли при желании получить разрешение остаться на Западе.

Посольство Великобритании в Вашингтоне переслало Бевину отчет о первой реакции американцев на его письмо к Государственному секретарю Бирнсу:

> Они очень обеспокоены общим принципом возвращения советскому правительству советских граждан, которых в американской оккупационной зоне в Германии находится около 15.000. Государственный Департамент не предвидит трудностей в связи с передачей советскому правительству гражданских лиц, которые когда-либо служили в Красной Армии, но они предвидят резкую критику в этом

вопросе со стороны общественного мнения и Конгресса с позиций гуманности и традиционного американского взгляда на предоставление убежища в случае, если правительство Соединенных Штатов пойдет на насильственное возвращение остальных советских граждан против их воли. Среди них уже были случаи самоубийства. (27)

Министерство Иностранных Дел не видело особого смысла в завуалированных советах, подобных тем, которые содержались в цитированном письме. Главное возражение против таких советов естественно сводилось к тому, что такой компромисс все равно означал бы явный разрыв с соглашением, в котором говорилось о „всех советских гражданах" и не делалось различия между разными их категориями. „Мы хотели бы, чтобы они объяснили нам, как они предполагают оправдать свои действия", — писал Бевин в телеграмме в английское посольство в Вашингтоне. По его мнению компромиссное предложение не принесет никакой пользы и только усугубит существующие трудности." Другое возражение Бевина носило практический характер. Какими критериями западные союзники будут пользоваться при отделении „изменников" от просто беженцев?

Эта телеграмма в Вашингтон заканчивалась следующими словами:

Мы считаем, что практически было бы затруднительно провести грань между изменниками и политическими беженцами. Казаки являются общепризнанными изменниками. Но ведь среди гражданских лиц может оказаться много таких, чье поведение достойно не меньшего осуждения. С нашей точки зрения было бы нелогично, если бы такие лица пользовались иммунитетом, в то время как другие, чья принадлежность ясна, отправлялись бы домой на расправу. Кроме того, всякая попытка провести грань между изменниками и политическими беженцами привела бы к бесконечным пререканиям с советскими представителями. Поэтому мы хотели бы избежать установления каких-либо различий. (28)

С юридической и практической точек зрения правда была за Министерством Иностранных Дел. Соглашение и перегово-

ры, которые ему предшествовали, не оставляли места для сомнений. Всякая попытка провести демаркационную линию привела бы к нарушению соглашения. Это было бесспорным. Не было и простого ответа на вопрос о том, как англичане и американцы справятся с задачей классификации находящихся в их руках советских граждан на „изменников" и беженцев. Их было много и говорили они большей частью по-русски. Сбитые с толку, они не верили в искренность намерений хозяев их судьбы и никак не были склонны помогать им в ведении следствия и раскрывать подробности своего прошлого. Во время допросов, проводившихся из-за нехватки квалифицированных переводчиков только от случая к случаю, они нередко меняли факты своей биографии и даже весь характер своей личности. Один английский чиновник, непосредственно занимавшийся вопросами соглашения и практическими проблемами, связанными с его выполнением, твердо заявил, что любая попытка отделить военных преступников от невинных жертв является „просто невозможной". На это потребовались бы годы.

И все же Министерство Иностранных Дел сочло оба этих довода, при всей их весомости, как с юридической так и с практической точек зрения, недостаточными и почувствовало себя обязанным приступить к поискам нравственного оправдания своей точки зрения на поголовную репатриацию военнопленных. Оно утверждало, что „среди гражданских лиц может оказаться много таких, чье поведение достойно не меньшего осуждения", чем поведение общепризнанных изменников. Но с равным успехом оно могло бы утверждать, что из числа гражданских лиц многие не совершили никаких преступлений и подвергнувшись страшным преследованиям со стороны сталинской полиции, тем не менее не поддались искушению выступить с оружием в руках на стороне нацистской Германии. Теперь когда война окончилась, они хотели остаться на Западе, хотели в какой-то степени воспользоваться той самой свободой, за которую теоретически сражались союзники. Великобритания и Соединенные Штаты считали, что предоставление им такой свободы нанесло бы ущерб их отношениям с советским правительством и противоречило бы их национальным интересам. Они не предвидели, что независимо от того, что они будут делать, эти отношения все равно испортятся. Поэтому они собирались отказать русским гражданским лицам в теоретически

признаваемой свободе и теоретически признаваемых элементарных правах. С политической точки зрения это может быть и было неизбежным, может быть и было правильным. Но не удовлетворившись просто действиями, США и Англия пытались найти им еще и нравственное оправдание.

13-го декабря Министерство Иностранных Дел получило сообщение из Вены, что несколько сот советских граждан все еще дожидаются там репатриации. В тот же день Бримелоу в письме к Хэммеру в решительных выражениях жаловался на „отсутствие с прошлого сентября какого бы то ни было прогресса" в отношении их перемещения. Через несколько дней после этого письма намечалась еще одна встреча Бевина, Бирса и Молотова, на этот раз в Москве. Бримелоу считал „весьма вероятным, что этот вопрос будет поднят во время этой встречи", и в таком случае „наш статс-секретарь несомненно окажется в крайне неудобном положении". Военное министерство и на этот раз просили отнестись к этому вопросу, как к „делу чрезвычайной срочности". (29)

К этому времени фельдмаршал Александер сложил свои полномочия в качестве командующего Средиземноморским фронтом и должен был вскоре направиться в Канаду в качестве генерал-губернатора. Но другие высокопоставленные военные продолжали протестовать против насильственной репатриации. 16-го декабря главнокомандующий вооруженными силами Великобритании в Австрии генерал Ричард МакКрири направил в Военное министерство длинную и взволнованную телеграмму. Он подтверждал то, о чем Министерство Иностранных Дел узнало только в октябре, а именно, что Генеральный штаб союзных вооруженных сил уже в конце августа приказал приостановить насильственную репатриацию. Он вскрыл также тот факт, что с точки зрения Министерства Иностранных Дел положение было хуже, чем предполагалось, так как советские граждане в Австрии исчислялись не сотнями, а тысячами. 3.100 человек находилось в лагерях, 2.500 проживало за их пределами и приблизительно 1.500 скрывалось в горах.

МакКрири детально объяснял свое несогласие с британской политикой:

Большой процент среди советских перемещенных лиц составляют женщины и дети, использование силы против которых противоречило бы принятым у нас нормам поведе-

ния... Воинских частей для облавы на 1.500-1.800 советских граждан, пребывающих на свободе, в моем распоряжении не имеется. Верховный главнокомандующий (генерал Эйзенхауэр) считает, что практика насильственной репатриации советских граждан вынудит такого рода перемещенных лиц превратиться в беглецов, которые, чтобы не умереть с голоду, почти наверняка стали бы бандитами. Существует также опасность, что такая политика приведет к бегству и других перемещенных лиц, таких как поляки, югославы и венгры.

Об этой опасности упоминалось уже не в первый раз. 4-го декабря *Нью Йорк Геральд Трибюн* опубликовала статью под тревожным заголовком: „Красные перебежчики бродят по Балканам, сея террор!" Статья вскрывала тот факт, что остатки власовской армии бродят по Австрии близ венгерской, югославской и чехословацкой границ, „хорошо вооруженные и отчаявшиеся". По-видимому несколько тысяч человек передвигалось с места на место в товарных поездах, и они „не останавливаются перед убийством крестьян, у которых они крадут пищу". Эйзенхауэр считал, что достаточно будет малейшей причины, чтобы вызвать бегство 5.600 тысяч советских граждан, находящихся под британским контролем, и их присоединение к бандитским отрядам. МакКрири счел своим долгом сообщить в Военное министерство, что только из одного лагеря в ночь после его посещения представителями советской Военной миссии бежало 100 военнопленных. Двумя днями позже британские власти произвели в этом лагере обыск с целью выявления оружия. Советские военнопленные сочли это предварительной мерой, предшествующей репатриации, и еще 200-300 пленных скрылись в горах.

19-го декабря Бримелоу писал полковнику Хэммеру: „Доводы, выдвинутые генералом МакКрири против принудительной репатриации, кажутся нам весьма неубедительными." Он повторил юридический довод о том, что политическое убежище обычно предоставлется беженцам, оказавшимся на британской территории, и не предоставляется лицам, попавшим в руки британских вооруженных сил. Он не видел никакого смысла в утверждении, будто использование силы против женщин и детей „противоречит обычно принятым у нас нормам

поведения." Это не так, — писал Бримелоу, — ибо „ситуация, породившая Ялтинское соглашение, не имеет прецедентов в истории Великобритании".

Между тем министры иностранных дел встретились в Москве, чтобы обсудить вопросы, касающиеся Франции, положения на Балканах и атомного оружия. Чарлз Болен писал: „Конференция была собрана наспех и плохо организована. Вопросы вносились в повестку дня без соответствующей подготовки." (30) В заключении своего письма Бримелоу писал: „В виду возможности появления в любую минуту этого вопроса на повестке дня происходящего сейчас совещания в Москве, мы хотели бы как можно скорее сообщить нашему статс-секретарю, что мы можем уверенно утверждать, что в настоящее время предпринимаются срочные меры для репатриации этих людей." Из Министерства Иностранных Дел в Вену была послана телеграмма: „Я отдаю себе отчет в том, что эта задача трудная и неприятная... Я хорошо сознаю всю сложность этой проблемы. Но решить ее необходимо." (31)

Встреча в Москве не имела успеха, как и в Лондоне. Со времени Ялтинской конференции прошло всего десять месяцев, однако теплые отношения между союзниками были нарушены. Победа, казалось, не принесла ничего, кроме проблем в отношениях между Советским Союзом и западными державами. Большинство начало теперь понимать, что в мире вскоре совершится раскол и он превратится в поле идеологической битвы, что Советский Союз не изменил своей целеустремленности в подходе к внешним и внутренним событиям. Надежды на изменения были, и они продолжали существовать в течение нескольких месяцев, но теперь большинство увидело, что их осуществление — дело несбыточное.

Естественно, что именно дипломаты, чья профессиональная задача заключается в установлении добрососедских отношений, в последнюю очередь и с большой неохотой признавали, что в данном случае они бессильны. Еще спустя несколько месяцев после того, как все прочие официальные лица отказались от такой политики, они готовы были настойчиво продолжать свои попытки уговорить советское правительство, взывая к их разуму и считая советских вождей джентельменами и веря им на честное слово.

Они считали, что нарушение условий Ялтинского соглаше-

шения создает опаснейший прецедент, и что это могло бы побудить советское правительство нарушить и другие его пункты, например, касающиеся Польши. Вопрос о Польше с политической точки зрения был гораздо важнее. Они не понимали, что Сталин все равно собирался нарушить многие из этих пунктов и что этого нельзя было избежать, как бы добросовестно они не пересылали ему советских граждан. Западные дипломаты считали, что уговаривая его и льстя ему, они сумеют склонить его к более цивилизованному обращению со своими подданными и с оккупированными им странами. Именно в силу этого печального заблуждения, своей веры в то, что они, может быть, смогут приручить зверя, они и толкали английских и американских военных на действия, которые, по словам фельдмаршала Александера, были „совершенно несовместимыми с принципами демократии и справедливости, как мы их понимаем".

Глава восьмая

ПОСЛЕДНИЕ ОПЕРАЦИИ: ДАХАУ, ПЛАТТЛИНГ „ПРОТАСКИВАНИЕ ПОД КИЛЕМ" ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

15-го ноября комитет, представляющий три департамента Соединенных Штатов — Военный, Морской и Государственный, подготовили документ, который внес некоторые изменения в политику принудительной репатриации. „Соединенные Штаты Америки долгое время придерживались твердой политики, направленной против репатриации нежелающих репатриироваться лиц по простому требованию страны, из которой они происходят", — провозглашал этот комитет. Он напоминал, что перед войной советские моряки, бежавшие со своих судов в американских портах, всегда получали защиту от американских властей, и в заключение говорил о том, что массовая выдача людей только потому, что они являются советскими гражданами, была бы неправомерной.

Теперь должно было оставаться только три категории лиц, выдачу которых Советскому Союзу американские вооруженные силы были готовы продолжать, если понадобится силой. Первая состояла из „советских граждан, взятых в плен в немецкой форме", поскольку здесь „наличествовали серьезные доказательства измены своему правительству". Вторая — охватывала тех, кто ранее служил в Советских вооруженных силах, так как „их можно рассматривать как дезертиров из союзных вооруженных сил". Третья категория состояла из людей, хотя и не захваченных в немецкой форме, но „добровольно оказывавших врагу помощь и пособничество." При желании заполучить то или иное лицо, принадлежащее к этой категории, советские власти должны были предоставить американцам подробные юридические основания в отношении инкриминируемого ему преступления и „каждый случай должен был рассматриваться в свете соответствующих фактов."

Эта политическая директива попала в Европу из Вашингтона 20-го декабря. К этому времени большое число советских

граждан успело уже просочиться сквозь сети отборочных комиссий, скрыв свое советское гражданство, часто при попустительстве английских и американских военнослужащих. Из двадцати тысяч лиц, чье советское гражданство было установлено и которые находились в руках американцев, не более четырех тысяч было взято в плен в немецкой форме. В отношении этих последних признавалось, что все они должны быть выданы. Поэтому в лагерях в Германии, где содержались „изменники", был предпринят ряд операций. Как объяснялось в одном американском докладе, „естественно, что наиболее упорное сопротивление репатриации исходило именно из этой группы... потому что эти военнопленные имели основания бояться наиболее жестокого возмездия." (1) Оказался неизбежным еще один ряд отчаянных сцен насилия.

Первая операция была предпринята в Дахау — в месте, где находился один из самых страшных немецких концлагерей. В начале января 1946-го года, через несколько дней после того, как начала проводиться новая политика, в Дахау прибыли советские офицеры и обратились к военнопленным. „Родина прощает вам ваши преступления", — говорили они, однако военнопленные относились к этим словам с большим недоверием. Никто из них не согласился добровольно вернуться в Советский Союз. Вскоре после этого 17-го января, военнопленные были построены и им было приказано собрать свои вещи и быть готовыми к перемещению на советскую территорию. Однако они отказывались сдвинуться с места, даже когда американские офицеры подкрепляли свои приказы угрозой пистолетами. Вечером того же дня после нескольких часов стояния в строю на холоде, их распустили и разрешили вернуться в бараки. Некоторые из русских решили, что опасность миновала и что американцы не будут больше настаивать на их возвращении. В конце концов, с того времени, как против большого числа русских военнопленных в последний раз применялось насилие прошло уже пять месяцев, и в течение этого времени американские офицеры неоднократно повторяли им (не сомневаясь в этом сами), что Ялтинское соглашение о репатриации — всего лишь мертвая буква.

В течение следующих 36-ти часов дальнейших попыток заставить военнопленных покинуть бараки не предпринималось, но многие из них испытывали страх, подозревая неладное.

Один из них описал, что они делали в это время:

Пленные чувствовали, что приближается решительный момент в их жизни. В одной из комнат они поставили стол и покрыли его белой скатертью. На столе они водрузили крест, а по обеим его сторонам — иконы. Всю ночь и весь следующий день люди подходили к столу молиться. Они пели псалмы и возносили к Богу последние надежды. Несколько офицеров и рядовых поклялись в том, что в случае применения насилия они покончат с собой, чтобы собственной кровью подтвердить правоту своего дела и помешать принудительной репатриации в будущем. (2)

В течение всего утра 19-го января в лагерь из находящегося неподалеку Мюнхена прибывала в большом количестве военная полиция. Они окружили бараки и приказали русским выходить. Никто не сдвинулся с места, тогда полицейские ворвались в помещения и начали вытаскивать военнопленных одного за другим. Хотя они намеренно не собрали вещей и хотя многие из них разделись до нижнего белья в надежде, что в таком виде американцы не погонят их на улицу, всех их затащили или перенесли на железнодорожную станцию, где погрузили в вагоны. Но в одно из помещений полицейские поначалу не сумели войти, так как русские забаррикадировали дверь. Когда же они в конце концов сломали ее и вошли внутрь, перед ними открылось зрешище, неописуемое по ужасу.

Американская военная газета *Старз энд Страйпс* описала эту сцену, проинтервьюировав ряд очевидцев. Статья была озаглавлена: „Самоубийство красных изменников в Дахау названо разгулом нечеловеческого!" Солдаты рассказали репортеру, что „русские боролись как звери, чтобы покончить с собой." По их словам, как только они ворвались в наполненное слезоточивым газом помещение, двое военнопленных попытались разрезать себе живот осколками стекла. Другие — осколками пытались перерезать друг другу горло. Перерезать горло другому было проще, чем самому себе. Один пленный пробил головой оконное стекло, прижимая шею к торчащим осколкам. И русские и американские свидетели в один голос говорят, что вся комната была залита кровью.

Один из солдат охраны рассказал репортеру: „Это было просто не по-человечески. Когда мы проникли в барак, здесь

уже не было людей. Это были животные. Американские солдаты быстро пообрезали веревки, на которых болтались повесившиеся. Те, кто были еще в сознании, пронзительно кричали что-то по-русски, показывая сначала на винтовки охраны, а потом на себя, умоляя, чтобы мы их пристрелили." (3) Русские эмигранты резко протестовали против тона этого описания. Они утверждали, что в поведении жертв не было ничего животного. Наоборот, это было логическим и достойным отражением их решимости не быть выданными на бойню подобно баранам. Это была также демонстрация перед американским общественным мнением: чем больше людей успешно покончит с собой, тем шире будет огласка в американской прессе и официальных докладных записках и тем меньше останется шансов на повторение подобных операций в будущем. Многие русские, избежавшие впоследствии принудительной репатриации, считают, что они обязаны жизнью тем, кто покончил с собой в Дахау.

Раненые отчаянно сопротивлялись попыткам американцев перевязать их кровоточащие шеи. Охране пришлось избивать их дубинками до бессознательного состояния, чтобы положить швы на их раны. Другого способа унять их попросту не было. На носилках их относили к грузовикам, но некоторые по дороге приходили в себя, спрыгивали и бросались бежать, раздирая раны и орошая землю кровью.

В американской прессе приводились цифры: 10 покончивших с собой и 21 серьезно ранен. Однако на самом деле число погибших могло быть и выше, потому что некоторые раненые были погружены в поезд в тяжелом состоянии и могли не доехать живыми до советской территории. Один из раненых позже скончался в американском госпитале. *Нью Йорк Таймс* сообщала об этом в небольшой заметке под заголовком „Русский изменник умер от ран."

Около 135 человек из 271 содержащихся в Дахау в тот же день были переданы Красной Армии. Остались только старые эмигранты, не подлежавшие репатриации. Через несколько дней после событий 19-го января их перевезли в главный лагерь для русских военнопленных, расположенный в Платтлинге — небольшом городке в 140 километрах к северо-востоку от Мюнхена и Дахау. Их рассказы быстро распространились среди находившихся здесь трех тысяч русских. В течение нескольких месяцев они вели здесь жизнь однообразную, но сравнительно

безопасную, проводя время за играми, ставя пьесы, изучая иностранные языки — типичное времяпрепровождение военнопленных.

В Платтлинге рассказы о событиях в Дахау вызвали большую тревогу. Некоторые пошли к американскому коменданту полковнику Томасу Гиллису. Один эмигрантский журнал опубликовал письмо, датированное 10-м февраля и, якобы, подписанное им, в котором содержались заверения, что русским нечего бояться, и даже приносились извинения за незаконное пребывание в этот день на территории лагеря какого-то советского офицера. (5) Некоторые военнопленные после этого успокоились, но другие опасались худшего, особенно после того, как американская охрана приказала всем заполнить опросные листы, содержащие пункты об их службе в Красной Армии и жизни в России.

Русские не знали, как лучше отвечать на эти вопросы. Многие из них подвергались репрессиям со стороны НКВД и именно в силу этого решили сражаться на стороне немцев. Но следует ли открывать эти факты американцам? Многие военнопленные считали, что не следует, опасаясь, что их ответы могут каким-то путем попасть в советские руки и тогда пострадают их родственники, а также, если им не повезет и их все-таки выдадут, то и они сами. Охваченные тревогой и неуверенностью, они неохотно раскрывали подробности своей биографии, хотя американцы и обещали им свое покровительство. В действительности самым разумным с их стороны было бы заполнить опросные листы описанием самых страшных мук, какие только можно вообразить, ибо спасение некоторых из числа особенно пострадавших в Советском Союзе было в то время американской политикой.

В течение нескольких недель все в Платтлинге оставалось спокойным, потом начали происходить внешне незначительные события, которые еще более усилили подозрения русских. Были погружены на грузовики и увезены пленные других национальностей, всего около десяти тысяч, так что в лагере осталось только три тысячи русских. Был заменен американской охраной один из постов, на который обычно выставлялись сами пленные. Военнопленных начали запирать в бараках с 7 вечера до 6 утра. Кругом сновали военные фотографы, снимая людей и бараки. Платтлинг посетил Митрополит Греческой Правос-

лавной Церкви Баварии; после этого он обратился к властям с заявлением о том, что большинство военнопленных находится в состоянии полного отчаяния. По его словам, русские просят, чтобы им было дано право передать свои дела на рассмотрение американских судов. Многие из них, предвидя выдачу, просили причастить их в последний раз.

20-го февраля папа Пий XII опубликовал обращение с протестом против „репатриации людей вопреки их желанию и отказа предоставить им право убежища." Высшее духовенство Ватикана заявило американским журналистам, что Ялтинское соглашение является „предательством тех нравственных основ и идеалов, за которые боролись союзники" и что оно противоречит „принципам человечности и справедливости". Ватикан утверждал, что обладает информацией, из которой следует, что многие возвращающиеся домой русские „слишком часто кончают Сибирью". Ватикан признавал, что многие из них сражались на стороне немцев, но „сражались ли они за немцев или нет — с ними обращаются одинаково".(6) Эта информация была правильной.

22-го февраля чиновник американского Государственного Департамента Мэрфи послал из Германии взволнованную телеграмму в Вашингтон Государственному Секретарю Бирнсу. Он писал, что из 3.000 русских, только прошедших проверку, 1.800 было признано подлежащими выдаче. Среди групп, подлежащих выдаче, эта была самая большая, и в свете „ряда самоубийств и попыток покончить с собой, предпринятых при недавних насильственных перемещениях, и реакции на это американских солдат, командование Вооруженными Силами США предвидит возможность бедственных последствий при осуществлении предстоящей операции."

Удар обрушился в 5 часов 45 минут 24-го февраля. Когда русские пленные еще спали, вооруженная огнестрельным оружием и дубинками американская военная полиция ворвалась в бараки и начала выгонять их оттуда. Один присутствовавший при этом русский так описывает происшедшее:

> Многие из нас были босы и одеты только в нижнее белье, хотя некоторые успели сорвать с коек одеяла. На каждого медлившего солдаты обрушивали шквал ударов дубинками. Многим из нас пришлось выстоять при шестиградусном морозе с 6 утра до 4 часов дня. Мы были раз-

биты на небольшие группы и окружены охранниками — по два на каждого военнопленного. Они начали выкликать по списку фамилии и делить нас на две группы. Каждому, в какую бы группу он ни попал, говорилось: „Не беспокойтесь, вас перевезут лишь в другую часть лагеря. Это другая группа будет отправлена в Советский Союз."(7)

Русских погрузили в грузовики, по 12-15 человек в каждом, вместе с шестью солдатами военной полиции. Свидетель продолжает: „Военнопленные, посаженные или положенные на пол в кузове, не видели, куда их везут. Только по времени, которое занимала дорога, они понимали, что их вывозят за территорию лагеря, и только на железнодорожной станции, увидя решетки на окнах вагонов, они поняли, что обречены. И тогда несколько человек попыталось покончить с собой." В одном американском документе говорится, что „несмотря на тщательно разработанные меры предосторожности во время этого передвижения, пятерым удалось покончить с собой, а ряд других предприняли попытки самоубийства". (8) Всего в этот день в Шенберге (к северу от Мюнхена) было выдано советским представителям 1.590 русских пленных. 13-го мая, когда оставшиеся 222 русских подверглись насильственной репатриации из Платтлинга, одному из них также удалось покончить самоубийством.

Между тем отношения между Советским Союзом и западными державами становились все хуже. 5-го марта 1946 года в Фултоне, штат Миссури, Уинстон Черчилль произнес свою знаменитую речь о „железном занавесе". По мере того, как Запад начинал понимать, что коммунистические правительства в странах Восточной Европы собираются управлять по советскому шаблону, не допуская никакой оппозиции, усиливалась напряженность в Берлине и в Югославии. В Польше все ширилось применение насилия, почти достигнув по уровню масштабов гражданской войны, и выборы, обещанные в Ялте, так и не состоялись.

Тем не менее Великобритания и Соединенные Штаты все еще чувствовали себя обязанными демонстрировать свою готовность к выполнению Ялтинского соглашения по репатриации. Правда теперь уже многие офицеры уклонялись от исполнения приказа и давали возможность русским выскользнуть из

сетей. Конечно, об этом знало и высшее начальство, но оно относилось к этому терпимо. Но пока Запад не был готов к отказу от соглашения в целом, время от времени все же приходилось выдавать какое-то символическое число русских. Приходилось продолжать допросы и отбирать отдельных неудачников, чтобы показать советскому правительству, что Ялтинское соглашение до определенной степени еще соблюдается.

Репатриация 1946-го года производилась американскими, а не английскими войсками, но 6-го июня Британский Кабинет согласился с американскими изменениями условий соглашения, в частности с тем, чтобы выдавать только те три категории советских граждан, которые были установлены Вашингтоном. Теперь почти все находящиеся на Западе советские граждане были под тем или иным предлогом освобождены или переселены на новое местожительство. Однако в лагерях в Италии оставалось около 1.000 человек, которые еще не прошли проверки и административной обработки. Большинство из них были советскими гражданами, некоторые — хорватами из Югославии, но все они находились под подозрением в том, что сражались на стороне немецкой армии. Представители Советского Союза и титовской Югославии знали об их существовании и постоянно настаивали на их выдаче.

Между 11-м и 14-м августа их погрузили на поезда в двух лагерях — в Аверса и Баньоли, недалеко от Неаполя, чтобы перевезти одних в американский лагерь около Пизы, а других — в английский близ Риччионе, расположенный к югу от Римини. В течение нескольких месяцев их держали под строгим надзором, и они превратились в особую категорию военнопленных, предназначенных для возможной выдачи коммунистам; каждое их передвижение разрабатывалось самым детальным образом и санкционировалось самыми высокими инстанциями. Над этими планами трудились люди с богатой фантазией. Перемещение пленных в Пизу и Римини получило название „Операции Keelhaul" — „протаскивание под килем". (9) Выдача советских граждан именовалась „Операция Eastwind" (восточный ветер), а хорватов — „Операция Highjump" (прыжок в высоту).

Английский лагерь представлял собой огромный комплекс, раскинувшийся на несколько квадратных километров,

в котором содержались перемещенные лица многих национальностей. Охранялся он не строго. Его обитателям часто разрешалось работать за его пределами, и в этом случае они могли уходить и приходить совершенно свободно. У многих русских были жены и дети. Семьи располагались в помещениях барачного типа, отделяясь друг от друга одеялами, повешенными на бельевых веревках. Хотя вначале они были встревожены перемещением из Неаполя, но по прибытии в Пизу и Риччоне быстро успокоились. Английские и американские офицеры неоднократно заверяли их, что не может быть и речи об их принудительном возвращении в Советский Союз. Русские знали, что подобные обещание уже давались раньше и не выполнялись, но на этот раз их вполне убедила облегченная охрана лагеря.

Один английский офицер написал длинную докладную о произошедших в лагере событиях, которая позже была широко распространена по распоряжению его вышестоящего начальства. В конце концов он попал в американские архивы, а оттуда — к американскому публицисту Юлиусу Эпштейну, который опубликовал ее в газете *Сандей Оклахомен* от 21-го января 1973 года. Александр Солженицын в *Архипелаге ГУЛаг* совершенно справедливо называет ее первым и подробным рассказом о „последней или одной из последних, тайн Второй Мировой войны". В 1973-м году этот документ появился как анонимный. Ни Эпштейн, ни Солженицын не знали, кто был этот офицер, написавший докладную. В первом издании этой книги он фигурировал под условным именем „капитана А".

После ее опубликования в 1974-м году автор получил письмо из Уганды от человека, который писал, что документ оставил он. Это был Деннис Хиллс, лектор в университете Макерере в Кампале — тот самый, который по странному капризу судьбы обрел мировую известность летом 1975-го года, когда он был приговорен к смерти за критику Иди Амина в книге своих воспоминаний *Белая Тыква*, и спасся только благодаря личному вмешательству королевы и членов английского Кабинета.

В 1947-м году Хиллс занимался проверкой советских граждан, и был одним из тех, кому приходилось решать, кого следует выдать советскому правительству, а кого — нет. Он рассказывает: „Я оказался в положении спасающего от принудительной репатриации украинскую дивизию в 8.000 человек и однов-

ременно присматривающего за русскими и сводящего к минимуму число отправляемых в Россию по плану „Восточный ветер". Однако, что бы ни делал Хиллс, было ясно, что некоторым из числа тех, кого он допрашивал, не избежать репатриации. Его мучило то, что он и его коллеги были вынуждены прибегать к обману, чтобы чувством ложной безопасности успокоить их подозрения: „Русские настолько слепо верили в то, что англичане не бросят их в пасть волка, что осознали, что их все же репатриируют, когда было уже поздно сопротивляться."

Некоторые русские сбежали сразу же из лагеря по прибытии, но большинство оставалось и согласилось отвечать на вопросы британской разведки. Старший по званию офицер поощрял их к сотрудничеству.

Тактика майора Иванова базировалась на убеждении, что если русские, находящиеся под его командованием, будут вести себя достойным образом и произведут хорошее впечасление на своих опекунов, то в конечном итоге возрастет вероятность, что они будут приняты как постоянные эмигранты с уже проверенными качествами хороших граждан. Однако майор Иванов ошибался в своих расчетах и придерживаясь этой тактики, только играл нам на руку.

Работа офицера по отбору заключалась в том, чтобы вести обстоятельные беседы с русскими офицерами, попытаться завоевать их доверие, а потом использовать его для того, чтобы заманить их в ловушку и заставить признаться в том, что они — советские граждане, — сражались на стороне немцев. После того, как это было установлено, они отмечались как подлежащие принудительной репатриации. Это было, — писал Хиллс, — весьма претившее ему задание: „Зная об уготованной им судьбе, заботиться об их благосостоянии и заниматься связанными с ними благотворительными проблемами означало жить фактической ложью...В массе своей они не были военными преступниками... Это были главным образом простые крестьяне, лично и горько обиженные на большевиков." Некоторые из них подвергались угрозам в нацистских концлагерях. Другие подвергались жестоким преследованиям в Советском Союзе. Это и были те веские причины, которые заставили их пойти в армию. Хиллс считал, что „для человека постороннего было бы дерзостью с легким сердцем поставить себя в положение судьи

над их поступками во время войны".

Допросы продолжались в течение зимы 1946-47-х годов, пока наконец те, кому особенно не повезло, не были намечены к выдаче советским властям, а именно: 75 человек из американского лагеря в Пизе и 180 — из английского в Риччоне. Конечно, военнопленным об этом решении не сообщили. Они все еще не имели ни малейшего понятия о том, что должно было произойти с ними. В процессе допросов некоторым намекнули на то, что их отделят от других, но они восприняли это просто как необходимую перегруппировку в зависимости от стран, в которых их должны были расселить. Охрана лагеря продолжала оставаться не строгой, и большинство поэтому было убеждено, что ничего серьезного с ними не произойдет.

На этот раз должна была быть тщательно продумана каждая деталь перевозки, и военнопленных поездом должны были доставить в Сан Валентин, находившийся на границе между советской и австрийской зонами в нескольких километрах к востоку от Лиенца. На этот раз не должно было быть места хаосу и насилию, сопровождавшим предшествующую репатриацию. На этот раз транспортировка должна была быть осуществлена только после напряженной и скрупулезной подготовки, которая гарантировала бы, что ни один человек не сможет покончить с собой. Что же случится с ними после выдачи, естественно, никак не касалось ни Великобритании, ни Соединенных Штатов.

Тем не менее власти понимали, что попытки к самоубийству, вероятно, будут совершаться. 26-го марта 1947-го года английский штаб в Риме получил тревожное сообщение. Хотя будет сделано все возможное, чтобы военнопленные достигли советской территории живыми и невредимыми, чрезвычайно важно тайно добиться также готовности советских властей принять мертвые тела тех, кто умрет в пути, и включить их в счет выданных. 31-го марта советский офицер связи в Риме полковник Павел Яковлев подтвердил, что советские представители готовы принять мертвых и засчитать каждого из них за выданного пленного.

Для перевозки пленных из Риччоне было подготовлено два специальных состава. Королевский Инженерный Корпус приспособил специально для этой цели несколько общих пассажирских вагонов. Все металлические предметы, такие как

крючки и багажные полки, были удалены со стен, чтобы исключить возможность их использования в качестве оружия. На все окна были поставлены тяжелые решетки из прокатной стали, чтобы никто не смог выпрыгнуть из вагонов. Через границу между зонами каждый поезд должен был сопровождать отряд численностью почти в сто человек. Один вагон предназначался для перевозки двух-трехнедельных запасов еды и питья и был оборудован кухонными плитами. Наконец, на случай если бы какому-нибудь русскому удалось покончить с собой, каждый состав включал в себя и вагон-морг.

Сопровождающим офицерам были розданы инструкции, поясняющие, что репатриированные являются изменниками, отобранными только после тщательного расследования. Для предотвращения бегства в качестве последнего средства предписывалось открывать огонь. Офицерам сопровождения предписывалось при любом волнении немедленно предпринимать решительные действия. Это должно было сократить возможность того, что волнение распространится или примет серьезный характер. Исключительно важно было также обеспечить, чтобы каждый военнопленный, вне зависимости от того, доставлен он живым или мертвым, был лично принят под расписку советским офицером в Сан Валентине.

Задание по репатриации было дано 1-му батальону Сассекского Королевского Полка. Бен Дальтон, один из командиров роты в этом батальоне, рассказывает: „Очевидно, наш батальон был выбран для доставки этих пленных потому, что они стояли напротив нас на фронте у Орсоньи. Эти русские действительной здорово сражались за немцев. Этот факт я в числе прочих объяснил своей роте, потому что такие задания вовсе не доставляют удовольствия строевому батальону. Но то, что они сражались против нас, подсластило пилюлю. Солдаты поняли, что это перебежчики, которые теперь должны быть переданы тем, от кого они перебежали." Тем не менее Дальтон считает это задание „самым неприятным из всех, которые мне пришлось выполнять во время или после войны".

Батальон был прислан в Риччоне из другого района. Он не имел никаких неофициальных отношений с русскими военнопленными и солдаты ничего не знали ни об их личных проблемах, ни о том, что побудило их встать на сторону нацистской Германии. Поэтому батальон не мог проявить к ним слишком

большого сочувствия. Британские и американские официальные инстанции знали из предшествовавшего опыта, что солдаты, вступившие в личные отношения с русскими военнопленными, могут допустить их бегство. И были приняты все меры предосторожности, чтобы помешать этому при осуществлении данной операции.

Было решено, что первый состав отправится из Риччоне 8-го мая. Несмотря на попытки сохранить тайну, допросы вызвали подозрения у многих военнопленных. Не все из них были готовы следовать советам Иванова и во всем подчиняться английским приказам. Джон Стентон — другой командир роты в том же батальоне, вспоминает, что когда его солдаты пришли брать военнопленных на погрузку, разыгрались сцены насилия: „Хуже всех были женщины. Они впадали в ярость и истерику. Несколько наших солдат получили ножевые раны от женщин, которые теряли рассудок от мысли, что их мужей забирают."

Было решено, что решительная демонстрация силы — лучшее средство предотвращения самоубийств и попыток побегов. Поэтому, когда 8-го мая на станцию Риччоне привезли из лагеря 180 обреченных, здесь их ожидало несколько сот английских солдат. Для начала всех пленных обыскала военная полиция, но, как обнаружилось впоследствии, не слишком тщательно. Комендантом поезда был назначен майор Дальтон. Он вспоминает: „Конечно, моим пленным не сказали, что они возвращаются в Россию. Им сказали, что их перевозят в другой лагерь." После всего, что только что произошло, военнопленные испытывали сильнейшие подозрения, особенно когда им приказали оставить весь личный багаж. Однако они не могли быть уверенными, что их обманывают. В августе прошлого года во время операции „Протаскивание под килем" они тоже подозревали, что их везут на советскую территорию, однако тогда их подозрения оказались необоснованными.

Ситуация в то утро усложнялась еще и новой политикой западных союзников, по которой принудительной репатриации не подлежал никто, кроме советских граждан, воевавших на стороне немцев или дезертировавших из Красной Армии. Возникал вопрос: что же делать с женами и детьми военнопленных? Если поезд отправляется просто в другой лагерь, то было непонятно, почему им нельзя тоже отправиться в нем. Но

отправить их обманным путем вместе с отцами и мужьями в Советский Союз противоречило бы инструкции. Поэтому в то утро было решено высадить из поезда девять женатых мужчин вместе с их женами и семью детьми, и после того как поезд уйдет, сказать им правду: что мужчины должны будут вернуться в Россию. После чего дать им 24 часа на размышления — брать им с собой жен и детей или нет.

Трудно вообразить более мучительный выбор для жен и матерей. В своей докладной Хиллс писал:

> Как только им было сделано это чудовищное предложение, сразу же стало ясно, что жены и мужья, поставленные перед роковым решением, оказались в невыносимом положении. Совесть не позволяла мужьям требовать от своих жен и детей пойти с ними на верную смерть. С другой стороны, если бы жены добровольно следовали за своими мужьями, то на совести мужей оказалась бы не только их кровь, но и кровь их детей. В то же время, отказываясь следовать за ними согласно заповедям их религии и брачным обетам, жены ставили себя в нравственно невыносимое положение. Результатом были мучительнейшие сцены подлинного страдания, длившиеся в течение целых суток.

Первый поезд отошел от Риччоне вскоре после полудня 8-го мая. В нем находились майор Дальтон, пять пехотных офицеров, врач и три санитара, два переводчика, 151 английский солдат и 171 русский военнопленный. Поезд прошел через Равенну и Феррару, а потом пересек реку По. К концу дня по положению солнца слева от них пленные начали понимать, что их везут на север, а когда поезд начал подъем в горы, они сразу пришли к заключению, что они подъезжают к советской территории. Дальтон говорит: „Появились ножи, и пленные начали наносить себе раны. Они перерезали вены, а один из них перерезал себе горло. Некоторые просили меня пристрелить их. Дополняли это ужасающее зрелище пронзительные вопли и шум.

Но в распоряжении Дальтона имелась целая рота, и ему удалось подавить истерику среди пленных прежде, чем кто-либо из них успел нанести себе серьезные ранения. Дальтон говорит: „Я не могу сказать, что мои солдаты не наносили ударов. Вероятнее обратное." После того, как спокойствие было восста-

новлено, нескольких наиболее агрессивных приковали наручниками к металлическим стойкам сидений. Потом Дальтон приказал произвести новый обыск. Он был раздражен необходимостью повторного обыска, так как его предварительно заверили, что перед погрузкой военнопленных тщательно обыскали и „очистили". Солдаты обнаружили множество опасных предметов: бритвенные лезвия, опасные бритвы, ножи и пузырьки с таблетками. Дальтон пришел к заключению, что военная полиция плохо справилась со своими обязанностями и написал об этом рапорт.

После этого военнопленные поняли тщетность попыток покончить с собой или убежать. Они впали в состояние апатии. Дальтон и его солдаты начали заговаривать с пленными, и хотя они избегали политических тем, английские солдаты начали сочувствовать их необычайно тяжелому положению. Особенно сильное впечатление произвел на Дальтона самый старший по званию офицер, очевидно, тот самый, о котором упоминает Хиллс — майор Иванов, который немного говорил по-английски. Он показался Дальтону „человеком хорошего воспитания, настоящим офицером". Английскому майору постепенно становилось ясно, что эти военнопленные — не взбесившаяся толпа никчемных изменников, как Дальтон думал вначале, а солдаты, у которых должны были быть веские причины, чтобы пойти против своей страны.

Русские стали передавать английской охране принадлежащие им ценности. Дальтон рассказывает: „Они отдавали нам все, что имели — часы, деньги, вещи. Они говорили нам: „Советские солдаты все равно все растащут, так уж лучше вы берите." И мы расстались с ними по-хорошему, если можно так сказать про те обстоятельства. Я не думаю, что они ощущали недоброжелательность лично к нам, хотя ясно, что они считали, что в целом с ними обошлись плохо."

Когда поезд через Падую и Удине подходил к австрийской границе, наступила ночь. Двери вагонов были заперты, зажегся свет и за каждой дверью разместилась охрана. Остальные солдаты сопровождающего отряда пытались уснуть. Через несколько минут после переезда границы поезд остановился на станции Виллах в южной Каринтии, чтобы набрать воды. Лейтенант Дж.Ф. Хоуп Хол, английский офицер, расквартированный в этом городе, получил приказ посреди ночи явиться на стан-

цию:

Согласно полученным распоряжениям, я должен был следить за тем, чтобы никто не сошел с поезда во время его стоянки в Виллахе, чтобы никто за исключением имеющих на то полномочия сотрудников австрийской железной дороги не приближался к поезду, и я должен был связаться с начальством в случае, если поезд по какой-либо причине задержится. Обычно, когда военные поезда проходили через наш район, о них имелись определенные сведения: станции отправления и назначения, кто в них едет. Этот поезд, казалось, был окутан тайной.

Холл помнит, как он стоял на платформе и смотрел на таинственный поезд. Никто не входил и не выходил из него. Но он слышал крики людей, раздающиеся из запартых вагонов. Он не различал слов, но они казались ему похожими на „крики боли и отчаяния"; это соответствовало тому, что было доверено ему под строгим секретом: что в этом поезде везли русских, которые сражались в немецкой армии и которых теперь возвращали в Советский Союз. Он помнит, как он обернулся к тому, кто стоял с ним, и сказал: „Несчастные сукины дети!"

Поезд с плачущими пленными покинул Виллах и прибыл в Сан Валентин утром 9-го мая. Его встретил советский полковник, и, задав несколько вопросов, направил поезд к лагерю, расположенному в нескольких километрах от границы советской зоны. Там он был разгружен — вагон за вагоном. По словам Дальтона:

Советские офицеры были очень вежливы и расторопны. они тщательно установили личность офицеров и сержантов по именному списку, но когда дело дошло до рядовых, то ими они не интересовались, просто отмечали их группами по десять человек. Они изолировали офицеров, поместив их в отдельный загон. У меня сложилось впечатление, что с ними поступят в порядке суммарного судопроизводства.

За разгрузкой наблюдало не менее пятидесяти советских офицеров, а также репортер ТАСС'а. Когда она была закончена, полковник и его переводчик приняли приглашение Дальтона на чашку чая в его вагоне и в свою очередь пригласили Дальтона посетить расположенный неподалеку немецкий конц-

лагерь, который сохранялся в качестве музея. Это приглашение показалось Дальтону подозрительным. Ему приходилось слышать истории о том, что советские солдаты уводили локомотивы от английских и американских поездов. По его словам, — „я посмотрел на паровоз и решил, что его потеря обойдется мне по крайней мере в 30 тысяч фунтов стерлингов. Поэтому я решил двигаться назад." Англичане развели пары и в тот же день после обеда направились в сторону Италии.

К этому времени в пути между Риччони и Сан Валентином уже находился второй поезд. 9-го мая в 9 часов утра девяти женам пленных был задан страшный вопрос: хотят ли они отправиться со своими мужьями на советскую территорию? Все женщины отказались ехать — факт, который, как писал Хиллс, „убедительно говорит о том ужасе, который они испытывали перед выдачей советским властям". После этого мужчинам дали немного времени, чтобы попрощаться со своими семьями, по всей видимости, навсегда. В 11 часов утра десять женщин и семеро детей были под охраной отправлены в лагерь для перемещенных лиц в Реджио-Эмилии. Пятнадцать минут спустя мужчин отвезли на станцию, обыскали и погрузили в поезд. Для охраны этих девяти пленных майор Джон Стентон имел с собой отряд из сорока человек, так что о побегах не могло быть и речи. Перевес в силе производил слишком подавляющее впечатление.

Поезд отправился из Риччоне в 12 часов 30 минут дня. Стентон вспоминает, что его пленные „с самого начала были очень мрачны". Им часто приносили чай в бумажных стаканах и еду, которую они ели с бумажных тарелок. Был только один инцидент: „Один из них начал шуметь и кричать, что их всех убьют. Он взбудоражил других." Стентон приказал приковать всех пленных наручниками к сиденьям и через переводчика сказал тому, кто впал в истерику: „Послушейте, если вы не прекратите кричать, вы так и останетесь прикованными, все останутся прикованными." Он дал другим пленным возможность поговорить с кричавшим и успокоить его. Это им удалось. Волнений больше не было и примерно через час Стентон смог отдать приказ снять наручники. Инцидент был небольшим, но, — говорит Стентон, — „это придало всему заданию еще более неприятный привкус."

Район около австро-итальянской границы оба поезда прош-

ли ночью, и поезд Стентона достиг Сан Валентина утром 10-го мая. Поезд встретил советский лейтенант. Он препроводил его на небольшое расстояние до места в открытом поле, где поезд остановился напротив полукруга советских солдат. Стентон вспоминает, что они произвели на него большое впечатление. „На вид они были очень молодыми, закаленными и суровыми." Здесь же находилось около десятка советских офицеров, и Стентон вспоминает их ярость, когда выяснилось, что ему нечего предложить им кроме девяти мужчин — ни одной женщины или ребенка. — Где семьи? — настойчиво спрашивали они.

Стентон объяснил, что все женщины отказались последовать за своими мужьями, но советских офицеров это не убедило, и только после того, как они вызвали на консультацию какого-то гражданского — „огромного толстяка, прямо из Джеймса Бонда", — вопрос был решен и было получено разрешение на возвращение поезда. Неудовольствие советской стороны было настолько явным, что в какой-то момент Стентон порадовался тому, что у него имеется трехнедельный запас воды и пищи. Он разместил вооруженных солдат на подножке паровоза и проготовился к серьезным препирательствам.

Положение еще больше ухудшилось, когда один из пленных начал жаловаться, что англичане не позволили его жене сопровождать его и что они избили ее дубинками. Стентон объяснил, что это чепуха, что всем женщинам была предоставлена возможность воспользоваться его поездом, но жалующийся явно надеялся заслужить расположение новых хозяев своей судьбы разоблачением англичан, только что предавших его. Утверждения этого пленного были безусловно необоснованными, но они послужили основой для официальных советских жалоб и причинили англичанам немало неприятностей. Поэтому Стентон с большим облегчением воспринял полученное, наконец, разрешение покинуть советскую территорию. Он живо вспоминает атмосферу какого-то искуственного веселья, когда после многих часов напряжения поезд, наконец, быстро побежал по рельсам в сторону Италии. Наши чувства были немного похожи на те, которые обычно испытываешь, возвращаясь с похорон. Да мы с похорон-то, наверное, и возвращались."

В отличие от предыдущих операций этот последний акт принудительной репатриации кратко отмечался в английской и американской прессе, подчеркивавшей тот положительный

факт, что выдача этой небольшой группы — 18 с английской и 75 с американской стороны — позволила освободить и расселить (главным образом в Канаде) Украинскую Дивизию численностью в 8.000 человек, а также другие группы, не отобранные отборочными комиссиями для репатриации. Хиллс говорит: „Первоначально число намеченных к репатриации в Неаполе значительно превышало те 170 человек, в отношении которых я в конце концов решил, что это тот минимум, который способен удовлетворить как наше собственное командование, так и советских. В определенном смысле это была символическая жертва, принесенная для того, чтобы прекратилось давление на Украинскую Дивизию и на все остальные группы русских в Италии."

Вслед за операцией „Восточный ветер" советские пресса и радио подвергли резким нападкам англичан и американцев. Лично Хиллс был назван „фашистским майором", который не дает честным советским гражданам вернуться на родину. Он несомненно оградил от принудительной репатриации несколько тысяч человек, что не внушило к нему особой любви и с английской стороны: „Они знали, или во всяком случае сильно подозревали, что я подделываю именные списки, и это создало мне репутацию человека в общем ненадежного." Правительства Великобритании и Соединенных Штатов добровольно подписали Ялтинское соглашение, и даже в мае 1947 года они еще считали необходимым делать жесты, демонстрирующие, что они продолжают соблюдать это соглашение.

Были однако и люди, возражавшие против хладнокровного жертвоприношения 255 человек ради сохранения видимости соблюдения уже бессодержательного соглашения. В конце концов к весне 1947-го года Сталин уже нарушил несколько важных разделов Ялтинского соглашения. Главным таким нарушением была профанация выборов в Польше, мало походивших на „свободные и добровольные выборы", которые он обещал в Ялтинском соглашении. В январе 1947 года правительства Великобритании и Соединенных Штатов заявили протест против насильственных и бесчестных методов, которыми пользовались польские коммунисты, чтобы заручиться победой в неравной борьбе. Но несмотря на этот антидемократический акт советского правительства, убедительно подтвержденный многочисленными свидетельствами как нарушение Ялтинского

соглашения, англичане и американцы и четыре месяца спустя все еще продолжали чувствовать себя обязанными довести до конца операцию „Восточный ветер". Несмотря на то, что советское правительство нарушило Ялтинское соглашение, Запад продолжал настойчиво выполнять его.

21-го мая Ричард Стокс задал в Палате Общин вопрос об операции „Восточный ветер". Он хотел знать, сколько при этом было попыток самоубийства. Кристофер Мейхью, тогдашний младший министр в Министерстве Иностранных Дел, ответил ему, что подобных попыток не было — как показывают свидетельства Дальтона, ответ, не соответствующий действительности. Стокс получил неверную информацию в Палате Общин по этому вопросу уже второй раз: 7-го июня 1945-го года он задал вопрос, были ли в Ялте и Тегеране заключены какие-либо соглашения, о которых общественность не поставлена в известность. Уинстон Черчилль дал ему неверный ответ, что „секретных соглашений не было".

11-го июня 1947-го года Стокс вернулся к этому вопросу и был поддержан другим членом Палаты Общин — Джефри Никольсоном, который утверждал, что „концепция репатриации людей в какую бы то ни было страну против их воли в основе своей чужда нашей стране." На этот раз ему ответил министр Иностранных Дел Эрнест Бевин:

> Эта концепция глубоко претит нашей стране. С другой стороны, я не могу позволить этим людям спекулировать на этом. Нам приходится нести очень тяжелое бремя. Я готов предоставлять убежище самым широким образом, но я не могу быть терпимым к людям, которые эксплуатируют это, чтобы постоянно сидеть у нас на шее... В свете Ялтинского соглашения мой долг совершенно ясен.

Комментарии Бевина к этому последнему акту насильственной репартиации по условиям Ялтинского соглашения в основном подытоживает официальную позицию. Правительства Великобритании и Соединенных Штатов около трех лет проводили политику, которая глубоко претила традициям и нравственным установкам их народов. Но они чувствовали себя обязанными продолжать ее проведение ввиду обязательств по торжественному договору. Для подписания этого договора были важные практические причины: необходимость обеспечить бе-

зопасность английских и американских военнопленных, находившихся в советских руках; опасения вызвать подозрения советского правительства и тем повредить ведению войны; страх перед трудностями, которые вызвала бы необходимость устройства и расселения на Западе большого числа советских граждан.

Сегодня немногим придет в голову отрицать, что выполнение условий соглашения обернулось жестокой несправедливостью к тем советским гражданам, которые никоим образом не сотрудничали с нацистской Германией, но тем не менее были репатриированы. Имеются доказательства, что многие из них, даже по сталинским суровым законам ни виновные ни в каких преступлениях, были осуждены выездными судами и провели по десять лет в исправительно-трудовых лагерях. Но может быть еще более страшной оказалась судьба других, нескольких миллионов человек, которых вообще не судили, а просто на многие годы заключили в так называемые „фильтрационные лагеря". От трудовых лагерей они отличались лишь тем, что заключенным в них разрешалось применять в обращении к охране слово „товарищ". На этом различие заканчивалось. Предполагалось, что пребывание в фильтрационных лагерях будет недолгим — только на срок, необходимый для отделения коллаборационистов от невиновных — но на самом деле оно растягивалось на годы и никаких попыток провести обработку „фильтруемых" и освободить ни в чем не виновных не делалось. Сидя же в лагере, они страдали от того же самого голода, холода и выматывающего все силы труда, что и осужденные. И вымирали они так же, как и в обычных лагерях.

С теми советскими гражданами, которые помогали нацистской Германии, дело обстояло сложнее. Несомненно, что по советским законам, как и по законам любой другой страны, они были виновны в измене родине. Некоторые считают, что дело этим исчерпывается, что эти пленные были предателями и заслужили то, что получили — будь то смертная казнь или годы мучений в лагерях. Но есть и такие, кто придерживается мнения, что советские судьи не имели права выносить приговоры этим людям если не с юридической, то с моральной точки зрения. Ребекка Уэст в своей книге *Смысл измены* выдвигает идею, с которой теперь согласны и многие юристы, что гражданин обязан верностью только той стране, которая обеспечивает

ему защиту. и что, следовательно, гражданин не может совершить измены, если законы его страны ее не обеспечивают. По этим критериям многие миллионы советских граждан безусловно не были обязаны верностью Советскому Союзу при Сталине. Репрессии, конфискации и высылки в 30-х годах носили такой массовый характер, что можно с полным правом утверждать, что советское правительство отказалось от лояльности большого числа своих граждан. Что касается военных преступников, то есть советских граждан, совершавших зверства по отношению к своим соотечественникам или убивавших их, то моральная сторона дела здесь ясна: они заслуживали возмездия. Но многие юристы оправдали бы тех, кто просто стал на сторону нацистской Германии, чтобы бороться против советского режима. Советский Союз не обеспечил им защиты, следовательно он не мог требовать от них верности.

Эти люди столкнулись с жестокой нравственной дилеммой: они не могли бороться против Сталина, которого они ненавидели, не борясь и против советского народа, к которому, несмотря ни на что, они принадлежали. И хотя более миллиона сделало выбор и встало на сторону врага, все-таки они всегда оставались в меньшинстве. Большинство же, а в конце войны почти весь советский народ, мужественно и самоотверженно сражались с нацистскими агрессорами. К этому большинству принадлежали даже те, кто, надо полагать, ненавидел Сталина и весь его порядок. Эта мысль не может не беспокоить оставшихся в живых власовцев и солдат Казачьего Корпуса, живущих сейчас в горьком разочаровании заграницей.

Только тот, кто знаком с просоветской атмосферой военных лет, может судить, было ли неизбежным то насилие, от которого им пришлось пострадать со стороны американцев и англичан. Только тот, кто знает действительность времен Второй Мировой войны может судить — было ли оправданным хладнокровное решение пожертвовать жизнями русских — сначала, чтобы спасти жизни англичан, а потом — в целях английской внешней политики. „Если приходится выбирать между тяготами для наших людей и смертью для русских, то выбор ясен, — писал Идену П.Дж. Григг. Такое утверждение в наши дни многим покажется скандальным, но тогда, сразу же после войны, оно имело полный смысл. То были жестокие времена, и слова тогдашнего Министра Иностранных Дел Энтони Идена

ярко отражают жестокость того времени: Он посоветовал своим коллегам по Кабинету принять соглашение, признавая, что это было равносильно отправке русских военнопленных на смерть, но приходя к заключению, что „нас не касается, какие меры примет то или иное союзное правительство, в том числе и советское, по отношению к своим гражданам", что „нам они здесь не нужны" и что „мы не можем позволить себе сентиментальность в этом вопросе".

После того, как эта политика была принята, последовавших за ней насилий и самоубийств можно было избежать только широким неподчинением приказам на местах, что по тем временам было маловероятным. Впрочем, можно предположить, что принявшие решение английские и американские руководители не понимали тогда, как далеко зайдет это насилие. Они предвидили, что выдают русских на неправедный суд и возможную казнь, но они не понимали, какова степень ненависти к большевикам, которую испытывало основное ядро невозвращенцев. Они не предвидили, что тысячи будут упорно, вплоть до рукопашных схваток, сопротивляться репатриации, что многие покончат с собой, что кто-то убьет жену и детей, а матери будут топить младенцев, чтобы только не дать им вернуться в Советский Союз.

Можно надеяться, что знай они это, они не подписали бы такого жестокого соглашения. Но подписав его, взяв на себя обязательства репатриировать „всех советских граждан", они не оставили себе места для маневров. Они должны были либо нарушить договор — перспектива, которая их пугала, — либо приказать своим солдатам и офицерам на местах добросовестно проводить в жизнь согласованную политику. После такого приказа вопрос о репатриации попадал в руки отдельных солдат, у которых теоретически было еще меньше возможностей для маневрирования, так как они подчинялись военной дисциплине, обязывающей их беспрекословно выполнять приказы.

Для многих исполнителей, особенно профессиональных военных и старших офицеров, последнее соображение было решающим. Генерал Китли писал, что приказ о репатриации казаков он получил непосредственно от Черчилля и, следовательно, не имело ни малейшего значения, что сам он — Китли — думал об этом. Находившийся у него в подчинении генерал Массон, в то время командовавший бригадой, непосредственно связанной с

выполнением главной операции по выдаче казаков, целиком разделяет его точку зрения:

> Я не могу представить себе ситуацию, в которой офицер мог бы не подчиниться приказу. Солдат — исполнитель политики правительства. Он не может судить, правильна она или нет. Для этого он не имеет достаточной информации. Он может изложить свои взгляды, что мы и сделали; мы точно объяснили, насколько кошмарным было это задание. Но окончательное решение должно приниматься политическими лидерами. Я не представляю себе, как можно командовать армией или любой другой организацией, если солдаты отказываются выполнять приказы.

Эта точка зрения настолько категорически формулируется профессиональными военными, что в ней, по-видимому, можно видеть их этику. Для них — нарушить приказ, все равно, что для врача — разгласить секрет болезни своего пациента или для священника — нарушить тайну исповеди. Подчинение — одна из основ профессии солдата, и она никогда не ставилась под вопрос, в том числе и в современных армиях — вплоть до Нюрнбергского процесса. Только здесь юристы впервые отказались оправдать подсудимых, — немцев, оправдывавших свои жестокие действия ссылкой на то, что они только выполняли приказ. Этот довод в их защиту не был признан достаточным для оправдания обвиняемых, и они были осуждены, причем многие на смертную казнь.

Когда в 1956-м году была сформирована западногерманская армия (Bundeswehr), нюрнбергские приговоры были приняты во внимание при составлении нового военного устава. В армии Бундесвера солдат не обязан подчиняться приказам, которые требуют от него совершить действия, преступные с точки зрения немецких законов. Он может также не подчиняться приказам, требующим от него „нарушения прав человека". Понятие это весьма неопределенное, и остается неясным, как юристы подойдут к проблеме точного определения того, что такое „права человека". Тем не менее очевидно, что старая солдатская этика сейчас таким образом ставится под сомнение, а с течением времени она, вероятно, претерпит изменения и в других армиях. В 1945-м году в Лиенце и Кемптене солдаты находились на грани неподчинения приказам. Сегодня в ана-

логичных обстоятельствах они могут пойти и на открытое восстание.

Конечно, большинство английских и американских военных придерживались менее строго профессиональной этики, чем Китли или Массон. В течение всей войны они в целом выполняли приказы, но приказ применять силу против безоружных мужчин, женщин и детей претил им. Многие военные говорят, что на первых порах они питали мало сочувствия а тем, кто изменил Советскому Союзу. В течение многих лет газеты, которые они читали, были заполнены просталинской пропагандой. Они поверили, что идти против Сталина это значит идти и против союзников в целом. Они не понимали, что самый яростный антисталинист вовсе не обязательно должен быть сторонником Гитлера и противником западной демократии. Они ничего не знали о внутреннем положении в Советском Союзе. Да и откуда им было это знать!

Большинство военных недвусмысленно заявляют, что когда им в первый раз приказали грузить русских в вагоны и грузовики для репатриации, они вполне охотно приступили к выполнению задания, не понимая, что им в действительности предстоит. Но в некоторых случаях у них оказалось достаточно времени, для того, чтобы сблизиться со своими жертвами и получше узнать их. Разочарование в Красной Армии усиливалось в течение второй половины 1945-го года. Солдаты западных армий неожиданно оказались восприимчивыми к рассказам о жестокостях сталинского режима. И в некоторых случаях они взбунтовались против полученных приказав, либо обратившись при этом с жалобами по начальству, либо позволив своим жертвам бежать.

Настоящий профессиональный военный не одобрил бы их действий. Они позволили личным чувствам возобладать над долгом. При этом они недостаточно представляли себе более широкую картину событий и ту политическую необходимость, которая и явилась первоначальной причиной отдачи приказа. Зато другие, возможно, преклоняются перед людьми, с риском для себя оспаривавшими приказы, чтобы защитить русских и казаков от гнева Сталина. В то время им удалось сделать немного добра. Лишь немногим русским удалось спастись благодаря попустительству охраны. Что же касается тех, кто обращался с жалобами по начальству, то надо иметь в виду, что все

операции продолжались не более нескольких дней, поэтому времени, чтобы такая жалоба успела подняться по всем ступеням до той самой инстанции, которая могла бы остановить совершавшееся, всегда оказывалось недостаточно. Такие вопросы решались на слишком высоком уровне. Но то отвращение, которое американские и английские военные испытывали к полученным заданиям со временем стало фактором, влияющим на тех, кто принимал решения в Лондоне и Вашингтоне. Жалобы произвели на них должное впечатление и в конце концов вынудили их внести изменения в политику в целом, а это позволило многим избежать гибели.

В *Архипелаге ГУЛаг* Солженицын спрашивает, какие могли быть военные и политические резоны чтобы выдать на смерть эти сотни тысяч советских граждан? Теперь Солженицын на Западе и может сам изучить архивы, чтобы убедиться в том, что это решение было тщательно продумано и взвешено на весах добра и зла. Возможно это решение было неправильным (автор этих строк считает, что оно действительно было неправильным), но его можно было обсуждать, как одно из возможных, и решение это было нелегким. Далее Солженицын пишет: „Сама эта передача носила коварный характер в духе традиционной английской дипломатии." Это грубое обобщение, но верно, что многие были возмущены тем, что западные дипломаты настаивали на пожертвовании человеческими жизнями ради сохранения хороших отношений с Советским Союзом, причем спустя месяцы после окончания войны.

Пожалуй, самое мягкое, что можно сказать об этих дипломатах, это что они оказались не на уровне проблемы. Они привыкли решать государственные вопросы и видели свой долг в сближении стран путем международных переговоров, но вопросы жизни и смерти отдельных людей были им непонятны, а мысль нарушить торжественный договор ради их защиты приводила их в ужас. Но нельзя отрицать — и Солженицын здесь отчасти прав, — что именно дипломаты руководили осуществлением политики, что во многих операциях применение грубой силы сопровождалось хитростью, а удары по голове — обманом.

Точка зрения Солженицына во многом определена его главным источником информации — теми жертвами принудительной репатриации, с которыми он встречался в лагерях на

протяжении своего восьмилетнего заключения. Их озлобление против англичан (главным образом), а также против американцев и по сей день еще остается очень сильным. Живя в атмосфере жестокости, характерной для предвоенного сталинского режима, многие русские составили себе идеализированное представление об Англии и Соединенных Штатах. Они слышали, что слово англичанина — нерушимо, что Соединенные Штаты — прибежище всех бедных и гонимых. Так что они наивно принимали идею, что англосаксы никогда не лгут и никогда не нарушают священного принципа политического убежища, за абсолютную истину.

Они недооценивали той недоброжелательности, которую они вызвали к себе, сражаясь на стороне Гитлера. Они считали, что это несущественно, что их простят сразу же, как только они объяснят свою искреннюю готовность верно служить Западу в грядущем конфликте с Советским Союзом. Их оптимизм питался той благожелательностью, которую проявляли по отношению к ним взявшие их в плен английские и американские солдаты. Приличное обращение с собой они принимали за выражение сочувствия или одобрения. И когда позже к ним применили насилие, они не понимали, что под нажимом даже приличные люди могут вести себя жестоко и что даже либеральные западные правительства подчас могут оказаться беспомощными, когда их жизненным интересам или их гражданам угрожает опасность. Они считали и продолжают считать до сих пор, что их жестоко предали.

Запад тоже допустил серьезные просчеты. Здесь предполагали, что отношения с Советским Союзом будут оставаться хорошими и что союз военного времени будет продолжаться и после войны. На самом деле в 1947-48-х годах, когда было уже слишком поздно спасать основную массу жертв насильственной репатриации, эти отношения резко ухудшились. 12-го марта 1947-го года перед лицом коммунистической угрозы свергнуть греческое правительство, президент Труман заявил в американском Конгрессе, что в будущем он будет своей политикой помогать свободным народам, которым угрожают „вооруженное меньшинство и давление извне". В июне 1947-го года был принят „План Маршалла", а тремя месяцами позже Сталин ответил на это созданием „Коминформа".В феврале 1948-года подготовленный Советским Союзом государственный перево-

рот установил постоянное коммунистическое правительство в Чехословакии. В 1949-м году в московских театрах с большим успехом шла пьеса твердокаменного сталиниста Сергея Михалкова под названием *Я хочу домой*. В ней рассказывалась история о советских гражданах в Соединенных Штатах, которые всего-навсего хотели вернуться на свою любимую родину, но которых капиталисты держат в американских тюрьмах с целью вовлечь их в грандиозный антисоветский заговор.

Великому союзу между советским правительством и западными державами пришел конец. Наступил период холодной войны, и теперь любого советского перебежчика или дезертира не только не выдавали насильно, а встречали с открытыми объятиями и определяли на работу в быстрорастущей индустрии антикоммунизма. Мечты антибольшевиков теперь почти сбылись. Дело пока ограничивалось идеологическими сражениями и дипломатическими столкновениями, но мало кто из них сомневался, что скоро все это перерастет в военный конфликт. Снова возрождались надежды на свержение советской системы путем вторжения в страну свободных русских. Последовавшие вслед за этим эксцессы симптоматичны для экстремизма, характерного для политического наследия России, для фанатичности накопившей внутри ее ненависти. В свете всего этого может быть не следует удивляться тому, что на ряд лет были забыты благородные принципы политического убежища и что либеральные правительства были вынуждены вести себя с жестокостью, обычно свойственной диктаторам.

Генерал Уильям Морган, который в качестве начальника штаба фельдмаршала Александера видел осуществление насильственной репатриации на практике и испытывал к ней искреннее отвращение, сегодня говорит: „Теперь мы уже ничем не можем помочь этим несчастным, но мы можем по крайней мере извлечь уроки из их судьбы." И действительно, один урок Англия и Соединенные Штаты из этого извлекли. В мае 1952-го года после нескольких лет войны в Корее, во время мирных переговоров коммунистическая сторона оказала сильный нажим на Организацию Объединенных Наций, требуя возвращения всех китайских и корейских военнопленных без учета личного желания и, если потребуется, силой. Американская сторона твердо отвергла эти требования, в результате чего оконча-

тельное урегулирование корейского вопроса было отложено на длительный срок. Лондонская газета *Таймс* писала в редакционной статье: „Что бы ни произошло в 1945-м и 1946-м годах, насильственное, противоречащее их желанию возвращение людей с любую страну противно либеральному и христианскому мироощущению."

7-го мая 1952 года Энтони Иден говорил в Палате Общин: Я убежден, что члены Палаты поймут, что командование вооруженными силами Организации Объединенных Наций не имело иного выбора кроме категорического отказа от идеи насильственной репатриации коммунистических военнопленных, которые определенно высказали свою решимость остаться в свободном мире. Я не буду останавливаться на приктических трудностях насильственной репатриации шестидесяти двух тысяч человек, многие из которых по дороге могут покончить с собой. Я думаю, что принудительная отправка этих людей домой противоречила бы системе ценностей свободного мира.

Хочется думать, что именно личный опыт Идена — архитектора политики насильственной репатриации в 1944-м году привел его к этому благородному выводу. Если это так, то это обнадеживает, а рассказанная здесь печальная история имеет, по крайней мере в этом смысле, счастливый конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

При ссылках на хранящиеся в Лондоне документы используются следующие сокращения:

FO — документы Министерства Иностранных Дел;
WO — документы Военного Министерства;
CAB — документы Кабинета Министров;
PREM — документы Канцелярии премьер-министра;

Я приношу благодарность за разрешение цитировать эти документы, авторское право на которые принадлежит Короне.

Глава первая. **„Решение применять насилие".**

1. FO 371 43382.
2. WO 32 11137.
3. Там же.
4. FO 371 40444.
5. Там же.
6. WO 32 11137.
7. CAB 65/43.
8. WO 32 11137.
9. FO 371 50606.
10. WO 32 11119.
11. WO 32 11137.
12. WO 32 11119.
13. WO 32 11137.
14. Harold Nicolson: "Diaries and Letters", December 20, 1944.
15. WO 32 11137.
16. "Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944". том IV, Европа. стр. 1264.
17. FO 371 43382.
18. "Foreign Relations of the United States" (*см. выше*), стр. 1258.
19. Там же, стр. 1262.
20. Там же, стр. 1272.
21. G-1 383.6, Раздел 6 (National Archives, Washington).
22. FO 371 47899.
23. "Foreign Relations of the United States (*см. выше*), стр. 1273.

24. Там же, стр. 1264.
25. "The Conference at Malta and Yalta 1945", стр. 455.
26. FO 371 43382.
27. CAB 88 30.

Глава вторая. **„Первые неприятности".**

1. "The Conference at Malta and Yalta 1945", стр. 691.
2. PREM 4 78/1.
3. FO 371 50839.
4. FO 371 50607.
5. FO 371 50839.
6. "The Conference at Malta and Yalta 1945", стр. 946.
7. FO 371 50607.
8. "The Second World War", том VI: Triumph and Tragedy, стр.351
9. PREM 4 78/I.
10. "The Diaries of Sir Alexander Cadogan", February 11, 1945.
11. PREM 4 77/IB.
12. WO 32 11139.
13. Там же.
14. WO 204 897.
15. PREM 3 364/9
16. Там же.
17. WO 32 11119.
18. FO 371 47898.
19. 371 47897.

Глава третья. **„Смерть на пристани".**

1. FO 371 47897.
2. FO 371 47901.
3. Там же.
4. FO 371 47907.
5. *Нью Йорк Таймс,* 6 мая, 1945.
6. *Нью Йорк Таймс,* 5 октября, 1945.
7. *Чикаго Дэйли Ньюз,* 19 июня, 1945.
8. *Нью Йорк Таймс,* 14 мая, 1945.
9. Эта информация исходит из документа, впоследствии получившего наименование *Отчет Уили*, который был затребован сенатором США Александром Уили в телеграмме, адресованной министру Обороны Роберту Э. Ловетту от 20 ноября 1952 года. Этот документ находится в Национальном Архиве в Ва-

шингтоне под индексом: G-1 383.6, Group No. 218.
10. *Таймс,* июль 6, 1945.
11. *Дэйли Геральд* (Лондон), 6 сентября 1945.
12. *Нью Йорк Таймс,* 9 июня, 1945.
13. *Нью Йорк Таймс,* 10 июня, 1945.
14. *Андрей Андреевич Власов, Краткая биография.* Издана Школой Пропаганды Русской Освободительной Армии. Дабендорф 1944.
15. Б.Двинов *Власовское движение в свете документов.* Издание автора, Нью-Йорк, 1950, стр. 78-81.
16. "Trial of Major War Criminals", том XXXVIII, стр. 88.
17. George Fischer: "Soviet Opposition to Stalin", Harvard University Press, 1952, стр. 45.
18. "Nazi Conspiracy and Aggression", том IV, стр. 559.
19. Wilfried Strik-Strikfeldt "Against Stalin and Hitler", Macmillan, London, 1970, стр. 228.
20. Там же, стр. 248.
21. Александр Солженицын *Архипелаг ГУЛаг,* изд. YMCA-PRESS, Париж, стр. 261.
22. Папка документов, содержащая это письмо, к моменту выхода книги должна была быть отправлена в Отдел государственных документов в Лондоне, и отнесена к категории документов Военного Министерства, группа 32. В Министерстве Обороны она числится под номером 0103/8571.

Глава четвертая. **Хорваты и казаки.**

1. Николай Краснов, *Незабываемое.* изд. Русская Жизнь, Сан Франциско, 1957, стр. 18.
2. WO 170 4461. Эта папка, в которой содержатся военные дневники 36-ой Пехотной дивизии, является главным документальным источником для описания тех событий, о которых идет речь в данной и следующих главах. При отсутствии какой-либо ссылки, следует считать, что приводимый текст исходит из этого источника.
3. WO 170 4988.
4. WO 170 5045.
5. WO 204 7211.
6. WO 170 4465.
7. "Faugh-a-Ballagh" (Газета Королевского Ирландского полка) июль 1946.

8. Joseph Hecomović "Tito's Death Marches and Extermination Camps", Carlton Press, New York, 1962, стр. 23. По делу Тодоровича см. газету "Americki Srbobran, Чикаго, 10 июля 1945. Дополнительные документы, касающиеся судьбы хорватов, выданных под Блайбургом, см. папку Министерства Иностранных Дел под индексом FO 371 48920.
9. FO 371 902.
10. WO 170 4241.
11. Вячеслав Науменко, *Великое предательство.* Всеславянское Издательство, Нью-Йорк, 1970, том 1, стр. 161.
12. Там же, стр. 122.
13. Erwein Karl Graf zu Eltz: "Mit den Kosaken" (*С казаками*). Издательство автора, Германия, 1970, стр. 222.
14. WO 204 7211.

Глава пятая. **Конференция, которой не было.**

1. В.Науменко (см. выше), том 1, стр. 141.
2. *Часовой,* апрель 1949.
3. А.К. Ленивов, *Под казачьим знаменем в 1943-1945гг.* Издание автора, Мюнхен, 1970, стр. 307.
4. *Общеказачий журнал,* Нью-Йорк, август 1953.
5. Краснов, *Незабываемое,* (см. выше), стр. 27.
6. Там же, стр. 28.
7. Науменко, (см. выше) том 1, стр. 13.
8. Краснов (см. выше), стр. 30.
9. Науменко, (см. выше), том 1, стр. 164.
10. WO 170 5025.
11. Ленивов (цит. соч.), стр. 241.
12. Краснов (цит. соч.), стр. 33.
13. Ленивов (цит. соч.), стр. 242.
14. Там же, стр. 243.
15. Там же, стр. 244.
16. Науменко (цит. соч.), том 1, стр. 123.
17. WO 170 5025.

Глава шестая. **Массовая депортация из долины реки Дравы.**

1. Науменко (цит. соч.), том 1, стр. 181.
2. Там же, стр. 123.
3. Там же, стр. 185.
4. Там же, стр. 124.

5. Там же, стр. 184.
6. Там же, стр. 187.
7. Там же, стр. 159.
8. *Россия,* (Нью-Йорк), 12 июня 1957.
9. Науменко (цит. соч.), том 1, стр. 11.
10. Там же, том 2, стор. 112.
11. Там же, том 2, стр. 111.
12. WO 170 4241.
13. Там же.
14. Краснов (цит. соч.), стр. 45.
15. Науменко (цит. соч.), том 2, стр. 281.
16. Краснов (цит. соч.), стр. 47.
17. Ленивов (цит. соч.), стр. 257.
18. Там же, стр. 262.
19. Там же, стр. 267.
20. Науменко (цит. соч.), том 2, стр. 258.
21. Там же, стр. 260.
22. Там же, стр. 304.
23. Ленивов (цит. соч.), стр. 281.
24. Там же, стр. 283.
25. F.S.V. Donnison: "Civil Affairs and Military Government. North-West Europe 1944-1946." Her Majesty's Stationary Office, London, 1961, стр. 289; См. также Winston Churchill: "The Second World War" Vol. VI: Triumph and Tragedy. стр. 647.
26. Philip Longworth: "The Cossacks", Constable, London,1969 стр. 338.

Глава седьмая. **Начало критики.**

1. *Нью Йорк Таймс*, июнь 30, 1945.
2. Там же, 1 июля 1945.
3. G-1 383.6, Record Group 319.
4. Там же.
5. Julius Epstein: "Operation Keelhaul" Devin-Adair, Connecticut, 1973, стр. 104.
6. Wiley Report.
7. Б.М. Кузнецов *В угоду Сталину 1945-46,* изд. Военный Вестник, Нью-Йорк, том II стр. 8.
8. Там же, стр. 9.
9. Wiley Report.

10. WO 32 11119.
11. FO 371 47901
12. FO 371 47903.
13. Там же.
14. WO 204 440.
15. WO 214 63A.
16. WO 204 359.
17. "Manchester Guardian" (England), 31 августа 1945.
18. "The Christian Science Monitor", (Boston), 11 сентября 1945.
19. FO 371 47906.
20. FO 371 47905.
21. Там же.
22. Charles Bohlen: "Witness to History", Weidenfeld and Nicolson, London, 1974, стр. 245.
23. FO 371 47906.
24. Там же.
25. *Нью Йорк Таймс,* 5 октября 1945.
26. FO 371 47910.
27. FO 371 47907.
28. Там же.
29. FO 371 37910.
30. Bohlen (цит. соч.) , стр. 248.
31. FO 371 37910.

Глава восьмая. **Последние операции: Дахау, Платтлинг, „Протаскивание под килем", „Восточный ветер".**

1. Wiley Report.
2. Кузнецов (цит. соч.) , том 2, стр. 32.
3. "Stars and Stripes" (Darmstadt, Germany), 23 января 1946.
4. *Нью Йорк Таймс,* 22 января.
5. Кузнецов (цит. соч.) , том 1, стр. 103.
6. *Нью Йорк Таймс,* 25 февраля, 1946.
7. Кузнецов (цит. соч.) том 1, стр. 36.
8. Wiley Report.
9. WO 204 1593. Этим индексом обозначена папка „Операция протаскивания под килем" — термин, которым в силу его зловещего звучания и меткого характера часто неверно называли всю политику принудительной репатриации в це-

лом. На самом деле этим наименованием обозначалось лишь перемещение в августе 1946-го года нескольких сот человек в лагеря Пизы и Риччоне для разделения на категории и для возможной репатриации.

10. "The Sunday Oklahoman", 21 января 1973. Этот документ был передан в газету Юлиусом Эпштейном — автором работы *Операция протаскивания под килем* и других работ, посвященных насильственной репатриации. Анонимность автора этого документа и необычайные обстоятельства, при которых он попал в руки Эпштейна, естественно, вызвали сомнения в его подлинности, особенно из-за подзаголовка статьи: „Документ, повествующий о роли союзников в убийстве тысяч людей." Это — чудовищное преувеличение операции „восточный ветер". Но существуют веские доказательства подлинности этого документа и того, что он базируется на фактах. Лагерь в Риччоне называется в документе „218 подзона", а советские военнопленные — "PW/SEP". Посторонним эти названия были неизвестны. Некоторые факты, содержащиеся в документе, например, то, что женам было дано 24 часа, чтоб решить, ехать им с мужьями или нет, подтверждаются британскими офицерами, принимавшими участие в операции „восточный ветер". И вот сейчас этот документ прочитал Денис Хиллс и подтвердил, что документ этот написан им самим в 1947 году.
11. Солженицын (цит. соч.) стр. 264.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Виктор Некрасов

Вот прочитана книга. О событиях, которых не знал и узнал только через тридцать лет... Через тридцать лет...

И это первое, что страшно. Нужно было оказаться на Западе, чтоб узнать о трагедии в Лиенце, о тысячах загнанных английскими и американскими прикладами на смерть русских.

И второе — эти самые приклады, штыки...

Будем говорить прямо — для нас, советских офицеров и солдат, „власовец" был враг. К тому же, изменник. Мы его ненавидели и презирали хуже немца, фашиста. На войне с ними не встречался, там, где пришлось воевать, их частей не было. Но, боюсь, окажись они среди тех тысяч немецких военнопленных, которые прошли мимо наших сталинградских землянок, вряд ли с ними говорили по-доброму. Немецкая шинель, в руках немецкий автомат, стрелял в своих — значит, враг!

Сталин брал еще круче — попал в плен (как, почему — не важно) значит, предатель, изменник Родины. Он своего сына не пожалел.

В плен можно сдаться, в плен можно попасть. Это разные вещи. Бывали и просто перебежчики. Бывали и герои. Был в плену Де Голль, Черчилль, Тухачевский... Но за всю историю войн, пленный считался лицом пострадавшим, его, освобожденного, встречали с радостью, с цветами. Пленные Порт-Артура, когда их вернули из Японии, встречены были в Петербурге всеобщим ликованием, они шли по Невскому, как герои... Только советский военнопленный был избит и брошен в лагерь. На Западе этого понять не могут. Да и мы-то не очень понимали, хотя ко многому должны были привыкнуть...

Ну, а те, что взяли винтовку в руки и стреляют в тебя? И их чуть ли не миллион? Что это значит? Миллион людей

(кто подсчитывал, может больше, может меньше...) воюют против своей родины?

И тут возникает вопрос — что такое родина? Березки, ручейки, родное небо, песни? Или нечто большее?..

Может, надо придумать другое слово вместо Родина? Как назвать страну, в которой ты родился, а, значит, любишь, но которая обманула тебя? Обещала все — счастье, свободу, раскрепощенный труд, — а вместо этого, заткнула тебе рот и связала по рукам и ногам. В буквальном и переносном смысле.

Возникает вопрос — именно теперь, не тогда, тогда было не до вопросов — что мы защищали, когда воевали с немцами? Свои дома, хаты, семьи, свою жизнь? Или систему? И то, и другое, и третье. Воюя с фашизмом, и победив его, — мы утвердили на земле другую диктатуру, в чем-то даже более жестокую и бессовестную. И мы несем за это ответственность — мы, герои и рядовые войны, водрузившие знамя над Рейхстагом.

Это — мы. А они? ваньки и петьки, стрелявшие в своих же ванек и петек? Один из сложнейших и до конца не выясненных вопросов, трагедий этой войны. Миллион людей воюют против своих... Кровь холодеет...

Мы любим жонглировать цифрой 20 миллионов... Двадцать миллионов положили на „алтарь Отчизны", человечества. Страшная цифра. Но о чем она говорит? Вспомним первые дни „блиц-крига" — несостоявшегося, но в первые дни, все же, „блиц". Полная неподготовленность, уничтоженный генералитет, авиация наполовину (а, может, и больше!) разбомбленная на аэродромах, неграмотные ворошиловы и буденные, руководящие армиями, фронтами. Виноват ли в этом солдат, народ? Виноват ли он в том, что с винтовкой образца 1891 года, обливаясь или не обливаясь кровью, попадал в руки врага? А там, за колючей проволокой, голодный и избитый, задавал себе вопрос — что я пытался защищать, держа эту самую винтовку в руках?

Я не берусь судить. Я не имею права. Я одна сторона. Но я пытаюсь разобраться. Я представляю себе картину — немецкий лагерь, голод, издевательства, побои, никакого Красного Креста, который мог бы тебя защитить и впереди почти верная смерть. И тебе говорят — надень ненавистную тебе эту форму и иди прокладывать дороги, строить укрепления, подвозить бое-

припасы. Так тебе говорят... А нет, смотри — и твоему соседу пулю в лоб. Какой выбор? И ты идешь. Жить-то хочется... А может, где-то и через фронт перебежишь?

Признаюсь, не очень-то я верю в то, что люди брали немецкий автомат в руки, чтоб воевать против Сталина. Были и такие, но думаю, что очень немного. Возможно, что сам Власов, даже вероятно. Но в массе своей... Раскулаченные родители, голод, нищета, вранье. Стоит ли так уж всем из кожи лезть, чтоб защищать все это? А тут говорят тебе — строй дороги, укрепления, ну, а потом и автомат дали, воюй против Сталина, он твоих родителей посадил. И ты взял автомат в руки, — может, действительно, все дело в Сталине и никто кроме Гитлера не отважился выступить против него...

Одним словом, кто кому изменил, кто кого предал — ты родину или она тебя? Вопрос вопросов. И нет на него пока ответа. Нет еще такого Трибунала, который сказал бы нам, кто же в конце концов виноват. И в чем? А двадцать миллионов остаются двадцатью миллионами. А кроме того, еще много миллионов...

Кто виноват? И в чем?

В Нюрнберге судили преступников. Главные — Гитлер, Геббельс — отравились. Геринг, уже на процессе, тоже. Других повесили. Третьи, отсидев свое, пишут мемуары. Старого больного Гесса до сих пор охраняют в пустой тюрьме Шпандау часовые победителей, а записки его (он все пишет и пишет) торжественно, не читая, уничтожают четыре коменданта — английский, американский, французский и русский. А кто-то где-то скрывается в аргентинах и уругваях. А кто-то (я тогда молокососом был, ничего не понимал) работает в ГДР-овских канцеляриях, а внуки его шагают гусиным шагом на парадах вдоль берлинской стенки...

Ну, а другие преступники? Тот, к слову, который подписывал пакт с Риббентропом? Тот самый пакт, который воткнул нож в спину истекающей кровью Польше, который делил Балканы, выдавал немецких коммунистов Гитлеру, в силу которого до самого последнего дня, до 22-го июня, шли эшелоны с советской нефтью туда, откуда летели уже самолеты, чтоб бомбить твои города... Он, Молотов, во всеуслышание с трибуны Верховного Совета в 1939-ом году сказавший, что с идеологией (национал-социалистической, уже не фашистской!)

оружием бороться нельзя, он, Молотов, подкрепивший матом подпись Сталина под смертным приговором Якиру, он, Молотов, руки которого (только ли руки?) вовеки не отмыть от крови миллионов, он, мирно гуляет по улице Горького, ходит в Ленинку, а по ночам, очевидно, спит — таких не одолевает бессонница и никаких мальчиков кровавых в глазах...

Молотов, Каганович, Маленков... Вожди, руководители, верные ученики и последователи, саженные, без каких-либо морщин, портреты их висели вдоль всего ГУМа, во всех городах и селах страны — где они, чем занимаются и о чем думают? Их простили. Доживайте свой век, гуляйте по дорожкам своих дач, копайтесь в огородах, забытые и вычеркнутые из всех энциклопедий. К вам мы милосердны, вы все же свои, хоть и уничтожали свой же народ. Спокойно, хладнокровно, без автомата в руках, одним росчерком пера...

А те? Что были с автоматами?

Книга, которую ты только что прочитал, посвящена именно им, тем, с автоматом или без автомата, но воевавшим против нас, Красной Армии. Я не стыжусь этого слова, наоборот — горжусь. Это она, обливаясь потом и кровью, вытянула войну, какая бы она там не была, со своим началом и концом, с предательством Сталина и жестокостью Жукова, с невиданными поражениями и беспримерными победами, со слезами радости освобожденно-покоренных и изнасилованными немками. A la guerre comme la guerre — *кто это сказал, но это, увы, так...*

И вот война кончилась. Враг разбит, во прахе. Победители ликуют, пьют, радуются, обнимаются, стреляют в воздух... Лагеря пустеют, ворота их открываются, все смешивается, и опять-таки обнимаются, целуются, радуются.

Я не освобождал, не покорял тогда Германию, я свое уже отвоевал, с парализованной рукой лежал в госпитале, вернее, бродил, попыхивал трубкой, под сенью киевских каштанов и тополей. И так же, услышав голос Левитана и залпы салютов, обнимался, пил и целовался. Пил и целовался, и не знал, ничего не знал — ни в мае, ни в июне, ни в июле сорок пятого и еще тридцать лет не знал, что же происходило там, на освобожденной, кровью завоеванной земле...

Тридцать лет...

И вот, оказывается...

До сих пор я говорил о том, что мне близко, о чем-то род-

ном.

Запутанном, непонятном, противоречивом, может где-то даже неразрешимом (трибунал неподкупных и кристальных — где он, когда?), но о своем. Сейчас я попытаюсь вникнуть в чужое. В чужую душу...

В душу Идена, в душу рядового Ирландского или Шотландского полка королевских стрелков...

В Ялте, еще до конца войны, высокими договоривающимися сторонами было принято решение, что после победоносного окончания войны, все военнпленные будут возвращены на родину. Решение, как-будто бы, разумное. Для западного человека, во всяком случае. Но это для западного. Для советского или, как здесь иначе говорят, „подсоветского", мера разумности была более чем под вопросом. Возвращение домой означало смерть, в лучшем случае, лагерь. Как для военнопленного, так и для сражавшегося против. Разницы не было никакой. Или почти никакой. Для Сталина всякий, оказавшийся по ту сторону фронта, был врагом. Слишком многое он увидел. Даже угнанный на работы в Германию. Увидел он там, на ферме ли, на заводе ли, другую, непохожую жизнь — ни к чему это, за решетку его. Логика простая — слишком много знаешь, начнешь еще болтать, сравнивать...

В мозгах западного человека, тем более, солдата, уложиться это не могло. Конечно же, военнопленный хочет как можно скорее к себе домой, угнанный на работы — не менее, это же так ясно. Что же касается воевавших против, ну, тут, конечно, наказания им не избежать.

В жизни все оказалось куда сложнее. Солдаты столкнулись с живыми людьми. И кое-что стало проясняться. Не все сразу, но постепенно, исподволь, вникая в чужую жизнь, психологию.

Большому начальству там, в Лондоне, все было более или менее ясно. Сталин тредует, значит, надо выполнять. А то, того и гляди, рассердится, не вернет наших, попавших ему в руки, военнопленных. В этом, может, и была какая-то логика, но...

Влезть в душу английского министра, скажем прямо, нелегко. И все же... Читая книгу Бетелла,видишь, что кое-кто из английских политиков понимал, что выполняя волю Сталина, людей посылают на гибель. Лорд Селборн, например, тогдашний министр военной экономики, высказал свой резкий протест против решения военного кабинета — выдать всех русских

военным властям. В своем письме Черчиллю и Идену он писал: „Если их вернут в Россию, они будут расстреляны, а их семьи лишены прав и репрессированы." Что-то шевелилось в его душе. Шевелилось и у Черчилля. В письме Идену, он, мудрый и прожженный, ненавидивший и все же помогавший Сталину, писал: „Даже, если мы пойдем на какой-нибудь компромисс, надо пустить в ход машину всевозможных проволочек. Я думаю, что на долю этих людей выпали испытания, превосходящие их силы." (Речь идет о тех, воевавших и невоевавших, кто знал, что их ждет дома и отказавшихся возвращаться). Иден тоже знал, но в сердце этого утонченного, рафинированного аристократа не шевельнулось ничего. „Если этих людей не вернут в Россию — куда они денутся? Нам они не нужны!" Коротко и ясно. И некое резюме: „Мы не можем себе позволить сентиментальности в этом..." И не позволил. И добился своего. 4-го сентября 1944 года Военный кабинет Правительства Его Величества „после короткой дискуссии" одобрил предложения Идена. Судьба 3.750 советских военнопленных (тогда их было всего лишь столько), а затем и всех остальных, освобожденных после войны, была решена. Их погнали на верную смерть. Русские никогда не забудут этого. Не простят Идену. Это он их убил.

Наступил сорок пятый год... Победа! Европа запружена войсками, людьми. Победившие, побежденные, освобожденные. Одни туда, другие сюда. Кто чего хочет, не ясно. Кто домой, кто, упаси Бог, только не домой. Одни пить и веселиться, другие скрыться, третьи просто вдоволь поесть, есть такие, кто под шумок и пограбить... Как навести порядок?

И начали наводить. Из Лондона и Вашингтона приказы — всех русских, советских — в лагеря, а потом, хотят они этого или не хотят, — домой!

Май, июнь, июль... Самые страшные месяцы... Не буду повторяться, книга прочитана.

Лиенц... Не лучшая, чтоб не сказать позорная страница, в истории Англии. Ее будут стараться поскорее перевернуть, но вырвать не удастся, она останется...

Стараюсь влезть в шкуру английского солдата. Возможно, даже уверен, что его коробила немецкая форма на русских казаках, более того, он осуждал их действия во время войны. Но, сойдясь с ними ближе, он постепенно стал понимать истоки ненависти. Были ли они, казаки, когда-то оплотом самодержавия

или нет, его не интересовало, английские томми видели сейчас перед собой людей, старых, молодых, их жен, матерей, детей... Одни когда-то воевали с большевиками, другие узнали, что такое коллективизация, третьи ничего еще не успели узнать. И вот, как выяснилось, всех их — и баб, и старух, и детей — всех их надо обмануть... Кормить, поить, улыбаться и, упаси Бог, не проболтаться... А потом, невзирая ни на что, силком, штыком, прикладом...

Насколько мне известно, в уставе нынешнего западногерманского бундесвера есть положение, по которому солдат имеет право не выполнять приказ, если он нарушает какие-то человеческие нормы. В нашем уставе этого не было. Приказано — выполняй. В английском уставе, очевидно, тоже. Выполняй, как бы глуп, бессмысленен, бесчеловечен он ни был бы.

Что ж, томми выполнял свой долг. Он солдат. Приказано применить силу и он применял. Потом, правда, через много лет, признавался, что это были самые худшие его минуты на войне... Утонченнейший же, рафинированнейший лорд Эйвон, он же Энтони Иден, увы, ни в чем не признался. Даже через тридцать лет, будучи спрошенным по поводу всех этих событий, он лаконично ответил, что „не может помнить всех сопутствующих обстоятельств", а получив копию своего ответа в Кабинете, отказался его прокомментировать. Даже через тридцать лет ничего в его сердце не шевельнулось. И отошел он, очевидно, в лучший из миров, не испытывая никаких угрызений совести.

Но были и другие англичане. Были...

Осуществлением операции в Лиенце (а мы скажем расправой над двадцатью тысячами казаков, среди которых было четыре тысячи женщин и две с половиной тысячи детей...) руководил командующий 5-м Британским корпусом генерал-лейтенант Чарлз Китли. Он до сих пор считает, что поступил правильно, что другого выхода не было — это останется на его совести. Но не все его офицеры были того же мнения. Майор Дейвис, связной офицер между англичанами и казаками — это он, фактически, проводил „операцию" в Лиенце — вспоминая эти страшные дни, признается во многом. Да, он полюбил этих людей, даже подружился кое с кем из них, а потом... Потом скрывал правду, обманывал и в конце концов „провел операцию". Обо всем этом он говорит сейчас с горечью и нескрываемым чувством вины. На его глазах казак застрелил свою жену и

двух детей, а потом застрелился сам. С ужасом вспоминает об этом Дейвис. И все же, приказ есть приказ. И он солдат...

Джон Григ — лейтенант 46-го Разведывательного полка, охранявший 1.000 казаков в Ноймаркте, недалеко от Лиенца — тоже был солдатом. Но он нарушил приказ. Он сообщил казакам, что их ожидает. Половина их бежала. „Тогда я не колебался и теперь не стыжусь этого", — так говорит он сейчас, через тридцать лет.

Бригадир Р.Файербрайс — связной между советской миссией и Военным Министерством, спас одного человека, только одного, но все же спас. Как он сам говорит, поддавшись эмоциям, „сделал" советского военнопленного поляком, хотя тот был русским. На том свете это ему зачтется.

Упоминает Ник. Бетелл имя еще одного офицера, отказавшегося выполнить указание, это подполковник Г.А. Бредин, командир 2-го батальона Лондонских Ирландских стрелков. Его солдаты без всякого рвения выполняли обязанности конвоя эшелонов с военнопленными, и подполковник так и заявил своему начальству: „Ситуация серьезная, солдаты на грани того, чтобы сказать — мы не хотим подчиняться вашим приказам, мы не повезем этих людей туда, где их сразу же скосят пулеметы..." Лондонский Ирландский батальон был заменен другим подразделением.

И, наконец, еще один солдат. Имя его неизвестно. О нем с благодарностью вспоминает казак Георгий Шелест. Простой „липовой" бумажкой, которую он нацарапал, охраняя мост, этот солдат спас жизнь трем человекам — отцу, матери и девятимесячному малышу.

И, возможно, еще и еще были такие солдаты...

На маленьком кладбище в Лиенце покоятся тела двадцати семи самоубийц. Это те, кто предпочел смерть возвращению на родину.

Изменники? Предатели? Борцы за свободу своей Отчизны? Не берусь пока судить. История когда-нибудь разберется. Ясно одно — счастливые, радостные дни весны Победы сорок пятого года, для десятка тысяч русских, и не только русских, стали началом (а для кого и концом) трагедии. Не многие остались живы. А те, кто остались, расскажут...

Может, с кем-нибудь из них сведет меня судьба. И не только с жертвами. Я хотел бы встретиться с генералом Бредином,

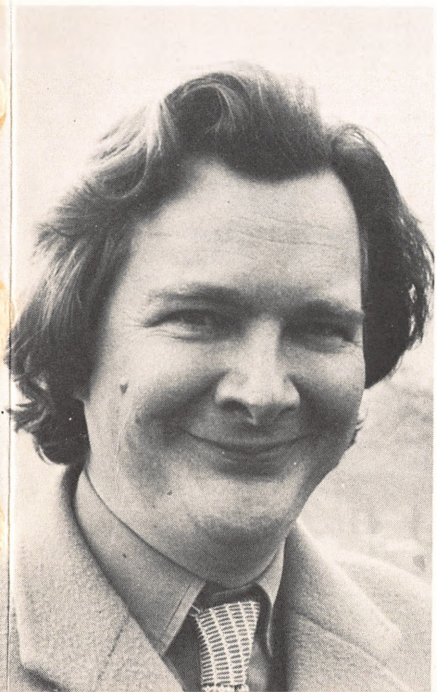
бригадиром Файербрайсом, лейтенантом Григом и с тем безвестным солдатом, который охранял мост. Я крепко пожал бы им руки и сказал бы, нет, не Энтони Иден, лорд Эйвон, олицетворяют для меня Англию, а именно вы, нарушившие приказ и подчинившиеся своему сердцу. Вероятно, я плохой солдат.

* * *

Книга закончена. С тяжелым чувством переворачиваешь последнюю страницу. Задумываешься. Война есть война. На войне убивают. Убивают врага, вооруженного с головы до ног. Но когда убивают и гонят на смерть безоружного, будь он в чем-то даже и виноват, это уже не война с ее жестокими, но все же законами. Это истребление. Другими словами — преступление.

14 октября 1977 г. *Виктор Некрасов.*

Printed in Great Britain
by Whitstable Litho Ltd.,
Whitstable, Kent.



Николас Бетелл — член Палаты Лордов и Европейского Парламента. Родился в 1938 году в Лондоне. Окончил Кембриджский университет. Занимался переводами русской и польской литературы. В 1969 году была опубликована написанная им биография Владислава Гомулки. В 1972 году вышло в свет его историческое произведение "Война, которую выиграл Гитлер", посвященное политике союзников и разгрому Польши в первые недели второй мировой войны. Он является членом редакционной коллегии журнала "Континент".